

"Короткий брак"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Линн Грэхем

Короткий брак

1

- Честное слово, я не ожидала, что соберу такую аудиторию, - робко закончила похожая на подростка рыжеволосая женщина с огромными глазами удивительной синевы. - Просто мне хотелось рассказать об этом, и я рассказала...

Маленькое помещение книжного магазинчика в Гринич виллидж действительно было забито до отказа разношерстной публикой. На обшарпанных стульях сидели и изысканно одетые богатые наследницы, и длинноволосые ценители печатного слова, и просто случайные прохожие, забредшие на огонек.

Наследниц пригласила сама Пенни Уоррен, так как именно они были главными героинями ее повести о годах, проведенных в дорогой частной школе в Швейцарии. Контраст между первыми девятью годами ее жизни, прошедшими в бедности, в постоянной смене квартир, но при этом рядом с любящей матерью и славным отчимом, и чопорной, снобистской атмосферой интерната, и высек искру, из которой разгорелось всепоглощающее желание творить.

Пегги Флинт сидела с надутым видом, Джекки Рейнолдс покраснелась от удовольствия, кто-то громко обсуждал прочитанные главы, кто-то откровенно дремал... Впрочем, все это не имело значения. Здесь не было единственного человека, мнение которого ей хотелось бы услышать, с мыслью о котором все последние полтора года она бралась за перо. Зато рядом был Джонни, полный сочувствия и понимания... А это уже немало.

Поблагодарив своего приятеля, владельца магазина, за то, что предоставил помещение для презентации, и раздав автографы желающим, Пенни собрала сумку и передала ее Джонни. Не следовало злоупотреблять терпением матери: практика показывала, что двух часов ее общения с внуком было более чем достаточно.

Счет закрыт, ошеломленно повторяла про себя Пенни, выходя из банка. В ее руке все еще был зажат чек, который она безуспешно пыталась обналичить. Тонкие черты под водопадом блестящих рыжих волос безжизненно застыли, а в синих глазах написано было глубокое недоумение. Она забралась в «классическую» развалюху Джонни Фаррела.

- Почему ты так долго? - спросил Джонни, отъезжая.

Обернувшись назад и убедившись, что сын мирно спит в своем сиденье, Пенни пробормотала:

- Пришлось беседовать с помощником управляющего...

- Привыкай, ты теперь солидный клиент, - поддразнил ее Джонни.

- И он сказал мне, что счет закрыт, - убито закончила Пенни.

У светофора Джонни повернулся к ней, взмахнув копной светлых волос.

- Что ты хочешь сказать?

- Лиз закрыла счет...

- Что сделала твоя мать?! - потрясенно переспросил Джонни. - Как могла Лиз закрыть твой счет?

- Это был ее счет. До прошлого месяца, когда я получила гонорар за книгу, у меня не было ни единого собственного цента, - отчетливо проговорила Пенни.

Не убежденный этим аргументом, Джонни перед очередным светофором снова повернулся к ней.

- Но ведь там были и твои деньги!

Его упрямство вызвало у Пенни вспышку раздражения.

- У нас с Лиз все общее, Джонни. Мы семья. Если она взяла деньги, значит, они были очень ей нужны. - Молодую женщину охватило беспокойство иного рода. - Да ты понимаешь, что я уже две недели не могу дозвониться до нее!

- Меня не удивит, если она просто перевела деньги в другое место и забыла сказать тебе об этом, - предположил Джонни. - Давай не будем забивать себе этим голову. В конце концов, у меня сегодня выходной. Куда поедем?

Все еще пребывая в оцепенении, Пенни покачала головой.

- Я не могу ходить по магазинам без денег.

- Возьми у меня займы, - небрежно пожал плечами Джонни.

- Нет, спасибо, - поспешно ответила Пенни, не желая связывать себя с ним такого рода отношениями. - Отвези нас домой. Нужно об - звонить всех знакомых и выяснить, что случилось с Лиз.

- Будь же благоразумной, Пенни! Вряд ли ты найдешь ее, если она этого не хочет. А пытаться - то нужно в любом случае, - заметил Джонни.

Однако Пенни была непоколебима. И полчаса спустя Джонни въехал на мощный булыжником дворик полуразрушенного двухэтажного особняка с затейливой башенкой, окруженной проржавевшими строительными лесами. Пенни бесплатно жила в этом доме, за которым присматривала по просьбе хозяина, уехавшего за границу.

Она расстегнула ремни детского сиденья. Джонни отпер скрипучую заднюю дверь и внес малыша в дом. Алан лишь слегка заворочался во сне.

- Удивительный ребенок! - воскликнул Джонни, наблюдая за ним с интересом мужчины, выросшего единственным чадом в семье. - Просто диву даешься, какой он крохотный! А если вспомнить, что появился на свет раньше времени, то это просто маленькое чудо!

Заметив конверт, белевший на полу у двери, Пенни отсутствующе кивнула и устремила к нему. Джонни пристально смотрел, как она с нетерпением разрывает бумагу.

Пенни, девочка! Я оказалась в безвыходном положении, - писала Лиз торопливым, неровным почерком. - Нет времени объяснять подробно, но мне пришлось срочно уехать за границу, и я взяла твои деньги, чтобы купить билет на самолет. Мне нет оправдания! Прости, если подвела тебя, но, может быть, ты свяжешься с Ником и напомнишь ему о долге перед

тобой и сыном? Пожалуйста, дорогая...

- Кто такой Ник? - отрывисто спросил Джонни, заглядывавший ей через плечо. Смертельно побледневшая Пенни даже не взглянула на него, Она бессильно уронила руку с письмом, пытаясь переварить это упоминание о Нике Блейне, все мысли о котором так старательно гнала от себя. Ник... Отрекшийся от нее муж и отец ее сына, о рождении которого даже не подозревал.

Да что же такое случилось с журналом, открыть который Лиз собиралась на днях? Всего полтора месяца назад мать была полностью уверена в успехе. Проклятье, она же заняла целое состояние, чтобы организовать все это! Тогда Пенни втайне удивлялась, как вообще нашелся банк, решивший дать ее матери кредит. Ссужать Лиз Уоррен - рискованное предприятие! Уже дважды до этого она затевала дела, которые с треском проваливались. И вот опять! Пенни вздохнула. Лиз в своем репертуаре: когда что-то не ладится, впадает в панику.

Но то, что она советовала обратиться за помощью к Нику Блейну, просто потрясло Пенни. Мать может как угодно оправдывать свое поведение, но это предложение - удар ниже пояса!

- Пенни! - более настойчиво окликнул ее Джонни. - Подожди! Я дочитаю до конца.

Не сомневаюсь, на этом месте ты разозлишься, потому что я пишу то, чего ты не желаешь знать. Да, я ненавижу Ника, потому что он Блейн. Но ведь ты родила от него сына! У него нет ни сердца, ни воображения, но он обязан хотя бы содержать ребенка. Не знаю, как скоро мне удастся выпутаться из этой истории, и удастся ли, но, если повезет, обещаю: тебя будет ждать чудесный сюрприз, когда я вернусь. Целую.

- Ник... Значит, его зовут Ник, - проговорил Джонни с незнакомой, отрывистой интонацией. - Ты никогда не говорила об отце ребенка, но теперь, когда я наконец узнал его имя, может, поведаешь, кто он такой?

- Мой муж... Ну что-то вроде этого, - упавшим голосом проговорила Пенни.

Джонни неуверенно провел рукой по светлым волосам.

- Хочешь сказать, что ты замужем? Но я думал...

Пенни повела плечом.

- Да, я знала, что ты думал, но не видела смысла переубеждать тебя.

- Не видела смысла? - Его лицо покраснело под загаром, а в карих глазах отразилось недоумение. - Но ведь это большая разница - быть матерью-одиночкой или чьей-то женой, Пенни!

- Разве? Это был неудачный брак, и продлился он всего несколько недель. Ребенок появился случайно... Это была моя оплошность. В любом случае я не хочу об этом говорить - предпочитаю забыть.

- Но нельзя же просто забыть о том, что ты чья-то жена! - расстроено воскликнул Джонни. - Да мои родители просто до потолка подпрыгнут, если узнают, что ты - замужняя женщина!

Часом позже, покормив сына обедом из того небольшого, что нашлось в холодильнике, и усадив его в деревянный манеж с игрушками, Пенни устало провела руками по лицу. Джонни, похоже, встревожился не на шутку. Почти незаметно для нее он переступил некую черту, за которой перестал быть просто хорошим другом. Сейчас, задним числом, она могла точно сказать, когда это случилось. В день, когда он привез ее к себе домой и познакомил с родителями. Они тут же увидели в ней угрозу своей респектабельности и повели себя соответственно. Джонни это возмутило. Он был отличным парнем, действительно отличным парнем и потрясающим другом.

Они познакомились в больничном буфете, через несколько недель после рождения Алана, который очень долго пролежал в инкубаторе. Примерно в то же время брат Джонни попал в автомобильную аварию. Когда Джонни узнал, что молодая женщина каждый день добирается до больницы на автобусе, он стал приурочивать свои визиты ко времени ее прихода и потом подвозил домой.

Ему было тогда двадцать два, и он сказал, что работает в супермаркете, забыв, правда, упомянуть, что это его годовая практика, завершающая высшее менеджерское образование. Не сказал он и о том, что супермаркет, как и ряд других, принадлежит его отцу. Когда Пенни с возмущением обвинила его в утаивании правды, Джонни без обиняков заявил:

- У тебя предубеждение против людей с деньгами.

Впрочем, и она была не совсем откровенной, рассказывая о своем прошлом. Пенни поведала ему, что ее обучение в закрытой частной школе в Швейцарии оплачивал богатый и недоброжелательный опекун, считавший, что таким образом он выполняет свой христианский долг и долг джентльмена.

Этим опекуном был Эдгар Блейн, отец Ника. Пенни видела его всего дважды. Первый раз - в девятилетнем возрасте, когда стала его подопечной, и второй - когда старик лежал на смертном одре. Нет, ей совсем не хотелось вспоминать о событиях, произошедших в ту зиму!

И Пенни поспешила подумать о другом - о девяти годах разлуки с матерью. О том, чем были эти девять лет заключения в строгом и чопорном интернате для ребенка, уже успевшего познать вкус свободы. Девять лет ей не позволяли даже переписываться с Лиз. Каникулы она проводила в Нью-Йорке, у Люси Тревис, пожилой бездетной вдовы, дальней родственницы Блейнов. Только Люси все эти годы дарила девочке свою привязанность, но именно она совершила роковую ошибку, поощряя влюбленность Пенни в Ника Блейна.

- Нику нужна такая, как ты, но он этого еще не понял, - говорила милая, славная сентиментальная мечтательница Люси.

Нику и не дано было этого понять. Зато он преподавал Пенни урок, которого она никогда не забудет!

- Ты влюблена не в меня. Ты влюблена в секс. Найди сверстника и экспериментируй с ним...

Уставившись в одну точку, Пенни поежилась и обхватила себя руками. Холод, воцарившийся внутри, вызвал озноб. Прошло уже полтора года, а она так и не последовала совету Ника. Сначала Пенни обнаружила, что после той единственной безумной ночи в постели Ника забеременела. Потом стала матерью недоношенного малыша. Борьба за его жизнь стоила ей месяцев мучительного страха и тревог. Но теперь Алан был дома, живой и здоровый. И Джонни пока тоже здесь. Он любит Алана, и ему нужна женщина, а не просто друг. Он не будет ждать вечно, пока она разберется в себе... Его поцелуи не обжигали. Но, обжегшись, плачешь, сурово напомнила себе Пенни. Больше никаких игр с огнем! Никаких головокружительных девичьих

грез. Мужчина, которого она любила, – единственный мужчина, которого она любила, – провел первую брачную ночь в объятиях своей любовницы Джордан Брэм! Однако Пенни была борцом по натуре, и к тому же упорным. Она не хотела расставаться со своей мечтой. Ненавидя Ника, любя Ника и желая удержать его любыми способами, она ввязалась в жестокую битву за своего мужчину.

Оказавшись с ним в постели, она решила, что победила, что теперь он принадлежит ей, что подчинение означает согласие. И Пенни нисколько не волновало, что чувствует он. В конце концов, мужчины не всегда знают, что для них хорошо. Порой они бывают довольно тупы и не могут распознать свою судьбу, когда та является им в необычном обличье...

- Послушай...

Пенни подняла взгляд. Джонни с печальной улыбкой наблюдал за ней.

- У меня кое-какие дела. Я позвоню тебе вечером.

Несколько мгновений Пенни с отсутствующим видом смотрела на него, затем покраснела и окончательно очнулась от своих мыслей.

- Хорошо... Прости, я была за тысячу миль отсюда.

Провожая Джонни, она испытывала чувство облегчения. Воспоминания о Нике растревожили душу и наполнили ее горьким сожалением. Но оплакивать ошибки – пустая трата времени. Лучше подумать о том, как прокормить себя и сына, после того как Лиз оставила ее без гроша в кармане!

Ну и погода! – думал Ник. Машина въехала на вершину холма, и дикий порыв встречного ветра заставил его с силой стиснуть рулевое колесо. Но этот гнувший деревья ветер был легким бризом по сравнению с бушующей в груди Ника холодной яростью. Вчера в Хьюстон прилетел бухгалтер Люси Тревис и попросил о срочной встрече с Ником. Он привез дурные вести. Не посоветовавшись ни с кем, Люси дала займы все свои деньги женщине по имени Лиз Уоррен.

Ника ничуть не удивило, что его теща исчезла, не вернув доверчивой Люси ни единого цента.

- Полагаю, что с самого начала имел место намеренный обман, – мрачно сообщил бухгалтер. – Кстати, Люси познакомила с Лиз Уоррен молодая женщина, которую та знала с детства... дочь этой самой Уоррен, Пенни.

Эта новость ошеломила Ника. Предположение о том, что его жена помогла вытянуть деньги из Люси, казалось невыносимым: ведь Пенни всегда была предельно честной.

Но еще более тяжкому испытанию знаменитые стальные нервы Ника подверглись, когда в ходе разговора выяснилось, что Пенни стала матерью. Прошлой осенью, когда Пенни посетила Люси, ее ребенок еще лежал в больнице. Его юная невеста, его сбежавшая жена... Пенни родила ребенка от другого мужчины, формально оставаясь его женой!

Ник едва не взорвался, узнав об этом. И до сих пор был вне себя от возмущения. Ему хотелось ввязаться в драку. Он жаждал крови. Как Пенни посмела спать с другим мужчиной? Выходит, она пошла напрямик по стопам своей матери? По стопам Лиз, от дурного влияния которой он всеми силами старался ее оградить.

Каким же дураком надо быть, чтобы питать хоть каплю доверия к дочери шантажистки!

Конечно же Пенни позаботилась о том, чтобы гнев мужа не настиг ее. Несмотря на все усилия, в течение последних полутора лет Ник так и не смог выяснить, где живет сбежавшая жена. Но как раз сегодня утром ему удалось проникнуть в помещение редакции журнала, которое Лиз оставила с такой поспешностью, что забыла записную книжку...

Едва уложив сына. Пенни услышала неистовое дребезжание колокольчика у парадной двери, которой никогда не пользовались. Ее петли давно поржавели и не проворачивались. Следовательно, это мог быть только посторонний.

При мысли о необходимости обогнуть весь дом снаружи, Пенни застонала. Звонок издал еще две истеричные трели. Интересно, подумала она, какая неотложная надобность заставляет проявлять такое нетерпение?

Открыв заднюю дверь, она ринулась навстречу неистовому ветру, который отшвырнул назад ее рыжие волосы и облепил вокруг ног длинную юбку с оборками. Пенни с трудом добралась до угла и, оказавшись в защищенном от ветра месте, поморщилась при звуке, издаваемом металлическими трубами лесов, о которые с силой ударялись ветви деревьев.

Первым, что привлекло ее внимание, была безумно дорогая спортивная машина серебристого цвета. В полном замешательстве Пенни перевела взгляд с машины на высокую мужскую фигуру у двери. Ник... Это был Ник! Но это невозможно! Ведь Люси Тревис поклялась хранить в тайне убежище Пенни. А от кого еще он мог узнать адрес?

У Пенни закружилась голова, и она невольно отшатнулась. Заметив молодую женщину, Ник направился к ней. Его красивое мрачное лицо казалось высеченным из гранита. Огромные синие глаза, проделав немалый путь вверх, остановились на выразительных чувственных губах. Пенни уже успела забыть, насколько высоким был Ник! Шесть футов и три дюйма грозной мужской силы, смягченной изысканностью, столь же естественной для него, сколь и дыхание. Он обладал грацией изготовившегося к прыжку ягуара, и физическое ощущение его присутствия привело Пенни в трепет. Темные, как ночь, глаза холодно сверкнули, и у нее перехватило дыхание.

- Потрясение, ужас, - констатировал Ник с мягкостью, которая, однако, не ввела Пенни в заблуждение. - На твоём лице по-прежнему написаны все мысли и чувства.

В то время как твое по-прежнему бесстрастно, отметила Пенни где-то на задворках сознания.

- Ник... - с трудом вымолвила она, и ее захлестнуло до боли знакомое чувство вины, заставившее тут же замолчать.

- Да, твой муж, - пророкотал он.

Лицо Пенни залилось краской. Прикрыв глаза, она попыталась взять себя в руки.

- Ты ведь догадывалась, что рано или поздно я нападу на твой след?

- Да нет... нет... - пробормотала Пенни, подняв ресницы.

Теперь она испытывала панику, хотя много раз пыталась представить, что будет, когда сообщит неприятную для Ника новость.

Прекрасной лепки чувственные губы Ника сжались в твердую линию.

- На тебе просто огненными буквами выведено: «Виновна!», - с холодным отвращением проскрежетал он.

Ник знает! Знает о ребенке! О чем еще он может говорить? Должно быть, он надавил на бедную Люси, и та все выложила.

2

- Проводи меня в дом! - окинув взглядом дребезжащие леса, приказал Ник.

- Парадная дверь не открывается... придется обойти кругом.

С неловкостью ощущая присутствие мужа, который раздраженно приравнивал размашистую походку к ее маленьким шажкам, Пенни поспешила вперед.

- Мне жаль, Ник... действительно жаль, - проговорила она в полутемном коридоре со множеством дверей, который вел в кухню - единственное место, где она могла принимать гостей.

Хотя еще только начинало темнеть, она уже зажгла там свечи, поскольку помещение круглые сутки тонуло в полумраке.

Едва войдя в кухню, Ник устремил на Пенни ледяной взгляд.

- Когда я выясню все детали твоего подлого предательства, ты поймешь, что значит жалеть по-настоящему!

Пенни побледнела. Видимо, ее предательство заключалось в том, что она дала жизнь нежеланному для него ребенку.

- Иногда все идет не так, как предполагаешь, Ник...

- Только не в моей жизни... Во всяком случае, до тех пор пока в ней не появилась ты, - уточнил он.

Пенни вдруг почувствовала, что нуждается в опоре и положила руку на спинку продавленного кресла. Она неотрывно смотрела на Ника, словно впитывая каждую деталь его облика. Светло-серый костюм облегал широкие плечи и все это высокое мускулистое тело с изяществом, которого способны достичь только очень дорогие портные. Блестящие черные волосы растрепал ветер, но благодаря идеальной стрижке пряди уже послушно легли на место.

Едва удостоив сумрачным взглядом, сопровождаемым презрительным изгибом губ, нищенскую обстановку кухни. Ник снова посмотрел на жену. Сверкнувшие из-под длинных ресниц глаза остановились на ней, и Пенни словно ударило током. Хрупкое тело обдало жаром, лихорадочный румянец выступил на высоких скулах. Все чувства болезненно обострились, и к ней вернулось ощущение собственного тела, зато начисто пропала способность соображать.

Наступившая тишина звенела в ушах, нарушаемая только бешеным биением сердца. Пенни охватило такое желание, что она ощутила слабость, и испарина выступила на теле. Что в нем такого особенного? Много раз она задавала себе этот вопрос. Очевидные, бросающиеся в глаза вещи: он был фантастически красив. Его бабушка по материнской линии была итальянской

графиней. В наследство от нее он получил врожденное изящество, черные, с синеватым отливом волосы и золотисто-смуглую кожу. Неужели это единственная причина, по которой она стремится к нему каждой клеточкой своего существа, а в его отсутствие чувствует себя лишь наполовину живой? Ну конечно же единственная! – с жаром убеждала она себя.

– Значит, тебе нечего сказать, – протянул Ник.

– Я все еще не пришла в себя, – откровенно призналась Пенни.

Не пришла в себя! Ее потрясение ничто в сравнении с моим, с внезапной жестокостью подумал Ник. Найти ее в такой нищете, в этой освещенной свечами комнате, лишенной элементарных удобств! Одетой, как цыганка, и худой как щепка! Без финансовой поддержки Блейнов всего за полтора года она окончательно опустилась. Так, как он и предполагал, так, как он и предсказывал! Ник взглянул на ее голые ступни и вспомнил, что ей пришлось бежать по острому гравию. И долго лелеемое негодование без остатка растворило чувство жалости. «Она может разгуливать под дождем, и ей даже в голову не придет спрятаться под крышей», – сказала о ней как-то Люси.

Люси... Рассудок Ника отреагировал на это своевременное напоминание, но взгляд продолжал скользить по легкой, с шелковыми оборками, юбке Пенни. Он вспомнил ее стройные, совершенной формы ноги, и напрягся. Недовольство собой усилилось еще больше, когда взгляд остановился на маленьких, не стесненных лифчиком грудях под запахивающейся батистовой блузкой.

Пенни откинула голову, и его тело немедленно отреагировало на этот жест. Рыжие волосы мягко светились в полутьме. Блики от свечей танцевали на маленьком лице, бледность которого только подчеркивала экзотическую форму огромных глаз, оживленных сейчас пробуждающейся чувственностью, и соблазнительность мягких, полных, розовых губ.

И на поиски этой женщины он потратил чуть ли не сто тысяч долларов и полтора года? Крошечная, худенькая, почти не похожая на других представительниц своего пола! Она была совершенно чужда условностей – эти мгновенные изменения выражения лица, эти порывистые движения, эти позвякивающие браслеты, вызывающие серьги в форме кошек, эта смешная одежда! Ее даже нельзя назвать красивой. В ней нет ничего, что привлекает его в женщинах... ничего, кроме одурманивающей, пьянящей, приземленной чувственности, которая была столь же неотъемлемой частью ее образа, как и запыленные босые ноги.

Пенни была похожа на маленькое дикое животное, всегда готовое к борьбе за выживание и не брезгующее никакими средствами, в том числе и чисто женским лукавством. С чего бы еще ей смотреть на него этим взглядом, выражающим недвусмысленный голод? Нет, Ник несколько не сомневался: она знает, что привело его сюда. Судя по виноватому виду, Пенни по горло увязла в этой аванюре!

– Как ты могла так поступить с Люси? – со сдерживаемым негодованием спросил Ник.

Гладкий лоб Пенни прорезала морщинка. Она натолкнулась на холодный, сверкающий взгляд Ника, и ей показалось, что ледяная рука сдавила сердце. Над короткой верхней губой выступили бисеринки пота.

– Люси?.. Морщинка на лбу углубилась.

– Заем, Пенни.

- Какой заем? О чем ты говоришь?

- Оставь свои уловки, - проговорил он с мягкостью, от которой у Пенни волосы зашевелились на затылке.

Это была угроза. Если она не отреагирует, Ник разозлится еще больше. Но Люси... и какой-то заем?..

- Я действительно не знаю, что...

Ник медленно распрямил длинные пальцы. Атмосфера так накалилась, что Пенни почти слышала шипение пара.

- Значит, ты выбрала такую линию поведения, - процедил он, делая ударение на каждом слове. - Ты признаешь себя виновной только в том, что произвела на свет внебрачного ребенка, продолжая по закону оставаться моей женой?

Эти слова подействовали на Пенни словно пощечина. Она отшатнулась.

- Внебрачного ребенка? - дрожащим шепотом переспросила она.

- Пренебрежение общепринятыми нормами, похоже, глубоко укоренено в генах вашей семьи, - с убийственной интонацией заметил Ник. - Твой сын... ты... твоя мать... Ни один из вас не отдает дань такой условности, как, например, церковное благословение.

Осознав, что Ник считает Алана ребенком другого мужчины, Пенни с болью посмотрела на мужа.

- Нет... нет, Ник... Я...

- Не думаешь же ты, что я нуждаюсь в объяснениях? - Ник презрительно приподнял черную бровь. - Я просто разведусь с тобой и не буду платить алиментов, можешь не сомневаться.

Развод! Это слово, словно пуля, пробило глухую стену недоумения. И, как пуля, вонзившаяся в нежную плоть, причинило ей невыносимую боль. Развод - это что-то окончательное и бесповоротное. Пенни посмотрела на Ника затуманенным взглядом, тонкая кожа натянулась на ее скулах.

- Ты, кажется, поражена?

Пенни чувствовала, что за холодной личиной, которую он нацепил на себя, кипит еле сдерживаемая ярость. Но тут же в его взгляде она заметила мрачное удовлетворение, и ее охватила мучительная, острая тоска. Теперь у него есть прекрасный предлог для того, чтобы избавиться от нее. Впрочем, и без того причин для развода было предостаточно. Нелюбимая, слишком молодая, низкого происхождения, с сомнительными родственниками. Разве такая жена нужна владельцу крупной нефтяной компании?

- Тебе вообще не следовало жениться на мне...

Пенни с болью вспомнила былые глупые надежды, свои наивные уловки... Какой во всем этом был смысл, если сейчас Ник решил, что она родила сына от другого мужчины? Ему очень хочется верить в это. Она не нужна ему - и никогда не была нужна!

Ник резко отвернулся, стиснув кулаки. Затем медленно разжал их, но не смог до конца

справиться с негодованием, которое, словно язычки пламени в затухающем костре, снова и снова пробивались из-под пепла. Девчонка! Он презирает ее. В этих обстоятельствах он еще поразительно сдержан и вежлив. Только эта сдержанность дорого обходится ему. Нику хотелось наказать Пенни, похожую на безответственного ребенка, даже не задумывающегося о том вреде, который способен причинить. Восемнадцать бесконечных месяцев Пенни не выходила у него из головы. Он с ума сходил, волнуясь за нее. Как она живет, где живет и живет и вообще? Поведение эмоциональных натур трудно предсказать. А ее переполняли чувства, и все они так или иначе были связаны с ним, с Ником.

Восемнадцать месяцев назад в невероятном приступе ярости, подобных которому ни до, ни после не испытывал, Ник порвал с ней самым решительным образом. И она исчезла, с мгновенностью и неуловимостью летучей мыши, бросив всю свою одежду и оставив записку, которую Ник счел свидетельством в пользу возможного самоубийства. Он нанял водолазов, чтобы обследовать дно озера в поместье Блейнов, по его просьбе день за днем обшаривал окрестные леса...

«Жена Блейна доведена до самоубийства жестокосердным мужем!» – такие газетные заголовки мерещились ему постоянно. Снова и снова она снилась ему в виде Офелии, плывущей среди белых лилий. Образ жены буквально преследовал его! Освободившись от нелепых притязаний Пенни, Ник должен был бы обрести покой. Вместо этого получил привычную размеренную жизнь, свободу – и ад в душе!

Синие глаза Пенни с сожалением взглянули на Ника. Она вскинула подбородок.

– Ты не стоил моей любви. Ты никогда не стоил моей любви. Теперь я это поняла. Словно получив неожиданный удар, Ник резко повернулся. Черные глаза холодно и свысока взирали на нее.

– Ты непробиваем. Ты превратишься в такого же несчастного, унылого старика, каким был твой отец, – предрекла Пенни, с безнадежностью тряхнув рыжей гривой.

Ник насмешливо смотрел на нее и молчал, однако его слегка потемневшие под загаром щеки и внезапное напряжение сказали ей все, что она хотела знать. О да, когда-нибудь другая женщина родит ему сына и наследника, с болью подумала Пенни. И Ник, разумеется, обеспечит ему такое же одинокое и холодное детство, каким было его собственное. Разве ему знакомо что-нибудь другое? Этого ребенка отправят в далекую детскую, на попечение вышколенной няни. Его будут заставлять вести себя как маленький взрослый, пресекая любую непосредственную реакцию, до тех пор, пока он не научится не плакать, не шуметь, не выходить из себя... Ведь эти эмоции обременительны, не нужны и не достойны настоящего мужчины. По крайней мере, бедным, замороженным ребенком будет не мой Алан, с горькой иронией сказала себе Пенни.

– Люси... – напомнил Ник с ледяной вежливостью. – Как ты могла познакомить Люси с хищницей, вроде твоей матери?

Растерявшись от внезапной смены темы разговора, Пенни с трудом вспомнила о каком-то займе, который Ник упоминал раньше, но вот представить, что кто-то может назвать Лиз хищницей, так и не смогла. Лиз поделилась бы последним куском с нуждающимся.

– Я не понимаю...

– Все, с меня довольно, – процедил Ник. – Если ты соврешь, я окончательно выйду из себя и обращусь в полицию!

Полиция?! Пенни спрятала за ресницами боль и недоумение и постаралась привести в порядок свои мысли. Что еще нужно от нее Нику? Он мнился сюда без предупреждения, обозвал своего сына внебрачным, а затем сообщил, что хочет развода! Разве не пора положить этому конец?

- Я не лгу, - просто сказала она.

- Вот и правильно, это упрощает жизнь. Итак, вы с матерью спелись и убедили Люси отдать все ее деньги Лиз...

- Нет!

Пенни шагнула вперед, потрясенная чудовищным обвинением.

- Да. Не смей мне лгать, - проговорил Ник тихим, зловещим голосом. - Вчера бухгалтер Люси все рассказал мне. Люси обналичила свои капиталовложения и вручила деньги твоей матери.

Пенни похолодела. Части головоломки наконец сложились воедино. Лиз заняла деньги у Люси, а не в банке!

- А теперь твоя мать испарилась. Не будешь ли любезна сказать мне, где она?

- Я не знаю.

По-новому взглянув на факты, изложенные в письме, Пенни с ужасом затаила дыхание. Теперь понятно, почему ее мать так спешно покинула страну. Нет ничего удивительного в том, что Лиз не потрудились объяснить суть своих затруднений. Она намеренно скрыла от нее, как получила кредит. Если бы у Пенни возникло малейшее подозрение в том, что Люси впутали в аферу с журналом, она немедленно вмешалась бы и не допустила этого! Но как могла Люси оказаться столь наивной? Она не была ни богачкой, ни душой. Так с какой стати пошла на риск, дав займы женщине, которую едва знала?

- Ты не можешь предать мать, не так ли?

- Я просто не в состоянии это сделать, - возразила Пенни.

Ник бросил на нее тяжелый, мрачный взгляд.

- Люси осталась без единого цента.

- О нет!

Отчаяние и стыд переполняли Пенни. Она очень любила Люси Тревис, и поступок матери привел ее в ужас. Оставалось лишь одно слабое утешение, что Ник не позволит Люси терпеть нужду. Он возместит ей все убытки без оговорок и колебаний. Несмотря на репутацию безжалостного дельца, Ник испытывал к доброй старушке нежные чувства. Должно быть, мать тоже пришла к подобному заключению, с горечью подумала Пенни.

- Если ты скажешь, где Лиз, я, возможно, поверю в то, что ты не имеешь отношения к этой грязной аванюре, - очень тихо проговорил Ник.

- Я же сказала тебе! Я не знаю... - Пенни бросила на него лихорадочный, озабоченный взгляд. - Как тебе вообще могло прийти в голову, что я способна так обойтись с Люси?

- А почему бы и нет? - Ник с откровенным неодобрением посмотрел на нее. - После того

единственного раза, когда ты познакомила мать с Люси, ты больше не появилась у нее. Это не свидетельствует о большой привязанности с твоей стороны, не так ли?

Глубоко обиженная этими словами, Пенни оперлась тонкими руками о струганный сосновый стол. Ну разве могла она признаться в том, что постоянно общается с Люси? Сказать так — значит, выставить лгуньей старушку, говорившую Нику обратное.

- Ник, я никому не позволила бы причинить вред Люси! - горячо проговорила Пенни. - Так зачем же ты представила ей Лиз?

- Люси всегда хотела познакомиться с ней. Мне даже в страшном сне не могло привидеться, что мать попросит у нее денег или что Люси даст ей их!

Она недоумевающе развела дрожащими руками.

- Тебя интересует, почему Люси дала Лиз деньги?

Пенни медленно кивнула.

- Люси надеялась, что, как только дела с журналом пойдут на лад, ты переедешь к матери. Она хотела почаще видеть тебя.

В лице Пенни не осталось ни кровинки. Вот бы заткнуть уши, чтобы не слышать язвительного голоса Ника. А еще лучше - добраться до своей легкомысленной родительницы и хорошенько встряхнуть ее!

- Я считаю тебя ответственной за все это, - словно подводя черту, заявил Ник. Пенни сгорбилась.

- Честное слово, я ничего не знала о займе.

- Я тебе не верю. В первое же мгновение тебя выдало виноватое смущение. - Ник решительно повернулся к двери. - Что ж, поскольку я ничего не добился здесь, придется идти в полицию.

Пенни резко выпрямилась. Синие глаза с ужасом посмотрели на мужа.

- Ник, нет! Пожалуйста, не делай этого!

Он пожал широкими плечами.

- С помощью слова «пожалуйста» от меня теперь ничего не добиться. Я жажду крови. Мне нужна Лиз. Если ты не в состоянии предоставить ее мне, то я только зря теряю время.

- Если бы она попыталась связаться со мной... - Пенни запнулась, в ее глазах блеснули слезы, - я сказала бы тебе. Клянусь! Конечно, я сделала бы это с тяжелым сердцем, но то, как обошлась Лиз с Люси, возмутительно. Моя мать не должна была...

- Пусть с ней разбирается полиция. С меня довольно!

- Нет! Ты не можешь так поступить!

Она неосознанным жестом протянула руку и попыталась удержать Ника, который уже собирался открыть дверь в коридор. Он надменно взглянул на нее, и в его холодных черных глазах сверкнуло предостережение.

- Не прикасайся ко мне...

У Пенни перехватило дыхание. Она резко убрала пальцы с его рукава, мгновенно припомнив все: их первую брачную ночь, которую он провел в объятиях любовницы, невероятную муку безответной любви. Синие глаза потемнели от боли.

- Я четвертую Лиз в суде, и я разведусь с тобой, - прошипел Ник.

- Хочешь, чтобы я встала на колени и умоляла тебя? - воскликнула Пенни. - Я сделаю все...

Он иронично приподнял темную аристократическую бровь.

- Мольбы меня не возбуждают.

Он одарил ее мрачной улыбкой, глаза его мерцали за густыми длинными ресницами. Пенни почувствовала, как тело охватывает жар, и затрепетала, словно мотылек, прилетевший на открытое пламя.

- К тому же мне нравятся высокие блондинки, и куда более изысканные, чем ты.

В наступившей тишине дверь в конце темного коридора с шумом распахнулась, и вскоре на пороге кухни появился Джонни с пакетами из супермаркета. В следующую секунду он замер и недоуменно нахмурился.

- Прости. Когда ты не откликнулась на мой стук, я просто толкнул дверь. Я не знал, что у тебя гости.

Приведенная в замешательство появлением Джонни, Пенни глубоко втянула в себя воздух.

- Джонни, это Ник... Ник Блейн. Он как раз уходит...

- Черта с два! - выпалил тот.

Не веря собственным ушам. Пенни удивленно посмотрела на своего номинального мужа. А Джонни поставил пакеты с продуктами на каменный пол и спросил:

- Вы... Вы - муж Пенни?

Ник пропустил вопрос мимо ушей. Его внимание было приковано к Пенни.

- Он здесь живет?

- Нет, не живу, - резко сказал Джонни.

Ник надменно повернул голову в его сторону.

- Тогда убирайтесь отсюда!

- Я не уйду до тех пор, пока Пенни не попросит меня об этом...

Молодой человек явно не собирался отступать.

- Если останетесь, я подпорчу вашу физиономию, - заявил Ник с неоправданной враждебностью.

- Прекрати, Ник! - воскликнула Пенни, приходя в ужас.

Он вскинул голову и прислонился спиной к дверному косяку.

- Прекратить - что?

- Да что на тебя нашло? - с возмущением спросила она.

- Этот тип обрюхатил тебя, мою жену, а ты еще спрашиваешь?! - теперь на нее налетел Ник.

- Джонни - не отец ребенка! - выпалила Пенни.

А Джонни тем временем быстро переводил изумленный взгляд с одного на другого.

Ник снова замер. Его ноздри раздувались, дыхание вырывалось со свистом.

- Так сколько же экспериментов для этого потребовалось? - с отвращением съязвил он.

Пенни смертельно побледнела, но ничего не сказала. Отвернувшись, она твердо взяла Джонни под локоть и вывела наружу.

- Прошу прощения за все это, но будет лучше, если ты сейчас уйдешь. Нам с Ником нужно поговорить и кое в чем разобраться, - натянуто объяснила она.

- Ты явно еще не сказала ему об Алане.

- Нет... но он хочет развода.

Джонни вздохнул.

- Возможно, это наилучший выход из положения. Похоже, он довольно агрессивен. Не могу поверить, что ты можешь быть счастлива с этим человеком.

Счастлива? Пенни едва не рассмеялась. При чем здесь счастье? Просто быть окончательно и бесповоротно разлученной с Ником означало для нее жить в пустоте. Выдавив улыбку, она пообещала:

- Завтра я устрою тебе скандал по поводу продуктов.

Закрыв дверь, Пенни ненадолго прислонилась к ней, чтобы собраться с силами. Она думала, что найдет Ника в кухне, но, пойдя в том направлении, с удивлением заметила, что дверь в детскую распахнута. Ник стоял в нескольких футах от кровати. Алан спал, вытянувшись на спине, шелковистые темные волосы обрамляли раскрасневшееся крохотное личико, одной рукой он крепко обхватил плюшевого зайца, с которым никогда не расставался.

- Сколько ему? Пять... шесть месяцев? - невыразительным голосом спросил Ник.

После множества невзгод, которые ему пришлось преодолеть, Алан все еще оставался слишком маленькими для своего возраста. Пенни любящим взглядом смотрела на сына, благодаря Господа, - как делала это каждый раз, входя в детскую, - за то, что малыш наконец-то здоров и дома.

Она искоса взглянула из-под опущенных ресниц на мрачный профиль Ника.

- А тебе хотелось бы, чтобы он был твоим? - услышала Пенни свой шепот.

- Ты, должно быть, шутишь!

Молодая женщина отчаянно покраснела. Что за глупый вопрос она задала! Вместо того чтобы спрашивать, следовало бы просто сказать правду. Хочет того Ник или нет, Алан - его сын.

Ник прошел мимо нее к двери. Пенни последовала за ним в кухню.

- На самом деле я счастлив, что это не мой ребенок, - пророкотал он, заняв господствующую позицию у камина. Лицо Ника было отчужденным и холодным. - Это заметно осложнило бы развод. Поскольку у нас с тобой столько же общего, сколько у масла и воды, совместная опека превратилась бы в сплошную муку.

Реакция Ника потрясла Пенни до глубины души. Значит, он никогда даже и не пытался представить ее в роли жены. И тем не менее, когда вошел Джонни, стал агрессивным, задиристым - очевидно, под влиянием какого-то атавистического инстинкта, заставляющего мужчину метить свою территорию. Прежде она не замечала за ним ничего подобного... Да нет, должно быть, причина всему - непомерная гордость Ника. В болезненном оцепенении Пенни изучала его лицо, рассеянно отмечая поблескивание капелек пота на загорелой коже, непроницаемую черноту полуприкрытых глаз,

- Ник... я...

- Я собирался уходить.

Ник смотрел на свою маленькую жену, стараясь не принимать происходящее близко к сердцу. Но глухая ярость, словно густой, едкий дым, замутняла обычно четкие мысли. Почувствовав, как дрожат руки, он засунул их в карманы прекрасно сшитых брюк. «Никто не будет любить тебя так, как я...» - нежные слова, пустые обещания. Вряд ли кто-то назвал бы Ника необузданным, но как же хотелось ему напомнить Пенни, кому она принадлежит! Нет, она не принадлежит мне, с мрачной поспешностью поправил себя Ник. Я не хочу, чтобы она принадлежала мне. Все, что я сказал ей, чистая правда.

Пенни нетерпеливо повела рукой.

- Можем мы просто поговорить?

- Поговорить? - прорычал Ник, глядя на прекрасное, в мягком свете свечей кажущееся фарфоровым лицо.

- О Лиз.

Под пристальным, напряженным взглядом Ника Пенни кончиком языка облизнула пересохшие губы.

- Нет.

Щеки Пенни залил румянец. Сердце пропустило удар, а затем забилось торопливо и глухо. Ей стало не по себе, когда она почувствовала, как напряглись груди под тканью блузки, как с убийственной очевидностью обрисовались соски. Глаза Ника сверкнули.

- Просто проведи со мной ночь - и я оставлю вас обоих в покое...

- П-прости? - ошеломленно пробормотала она.

- Я не буду натравливать полицию на Лиз. - Пик бесстрастно взирал с высоты своего роста на Пенни, ни один мускул не дрогнул на его лице. - Одна ночь. Сегодня. Такова цена.

Ее полные мягкие губы приоткрылись. Она безуспешно попыталась проглотить комок в горле.

- Ты это не всерьез!

Воцарилось напряженное молчание. Пенни дрожала. Ник откинул красивую голову, его большой чувственный рот растянулся в жесткой улыбке.

- Всего одна ночь. А утром ты поедешь со мной к Люси. Вместе мы убедим ее в том, что старушке не о чем беспокоиться. А потом расстанемся и никогда больше не увидимся.

От нарисованной картины у Пенни сжалось сердце.

- Но ты не хочешь меня...

- Ты так думаешь? - Ник медленно шагнул к ней, не отрывая гипнотизирующего взгляда от изумленного лица. - Всего один раз...

- Ты не хочешь меня! И никогда не хотел! Я не твой тип! - словно в лихорадке, заклинала саму себя Пенни.

- К постели это не относится, - тут же возразил Ник.

Она застыла от удивления, а затем, когда до нее дошел смысл слов, вздрогнула. Он наконец-то признал факт, который отрицал полтора года назад. Ник все-таки находил ее желанной. В ту ночь, когда был зачат Алан, он занимался любовью именно с ней, а не с какой-то безымянной женщиной, случайно оказавшейся в его постели. В душе Пенни смешались гнев и сожаление.

- Разве ты не мог признаться мне в этом полтора года назад?

- Нет, - вкрадчиво протянул Ник. - Это вселило бы в тебя надежду на то, что у нашего брака есть будущее.

Огонь, бушевавший в крови Пенни, мгновенно потух. Холодная расчетливость мужа ранила прямо в сердце.

- Но это было тогда, а теперь - другое дело, - делая ударение на каждом слове, проговорила она.

Теперь, механически повторила про себя Пенни. А почему бы и нет? Со своим обычным хладнокровием Ник уже определил для нее жесткие, бесчеловечные рамки и позаботился о том, чтобы она точно поняла смысл его предложения. Сказал, что хочет развода. Сказал, что после завтрашнего дня они никогда больше не встретятся. Спазм сдавил ей горло. Проклятое тело таяло при одном взгляде этих потрясающих черных глаз. Но неужели он думает, что она так дешево себя ценит?

- Ты недостаточно хочешь меня...

Когда необдуманные слова сорвались с губ, Пенни тут же пожалела об этом. Но было уже поздно: они приоткрыли ее настоящие чувства.

Ник окинул ее напряженным пристальным взглядом.

- А сколько это - достаточно?

Пенни хотелось бы, чтобы он встал на колени, чтобы в отчаянии повторял, что никогда в жизни так не стремился ни к одной женщине... Если уж она не может завоевать его сердце, то хотя бы добиться этого. Горячая краска залила ей лицо.

- Сколько? - хрипло повторил он.

- Больше...

Ник подошел ближе, и волны возбуждения, исходившие от него, буквально лишили ее голоса.

Больше? Что это значит? Знакомое раздражение охватило Ника. Он почувствовал себя в положении человека, пытающегося поймать солнечный зайчик. Он ожидал, что Пенни обеими руками ухватится за предложение. Она никогда не обдумывала своих поступков и была так же увлечена им, как и он ею. Ник это чувствовал, но на сей раз она почему-то сдерживалась. Проявляет самообладание? С чего бы это? Что же еще он может ей предложить?

- Предпочитаешь наличными? - с убийственным цинизмом спросил Ник.

Глаза Пенни округлились, и она не сдержала нервного смеха. Сильное тело Ника мгновенно напряглось, черные глаза засверкали. Протянув узкую загорелую руку, он обхватил тонкое запястье и притянул Пенни к себе - так близко, что у нее перехватило дыхание.

- Ты находишь это смешным?

С опозданием Пенни поняла, что он считает иначе. Она посмотрела в самую глубину черных, как ночь, глаз. Знакомый аромат закружил голову - смесь цитрусового лосьона с горячим, чисто мужским запахом. Ей захотелось уткнуться лицом в его пиджак и глубоко втянуть в себя этот пьянящий аромат.

- Не смешным... печальным, - Пенни пыталась противиться neodолимой притягательности Ника и сохранять остатки рассудительности. - Думаю, ты предпочел бы, чтобы я удовлетворилась деньгами.

Он громко выдохнул.

- Вздор!

- Тогда ты мог бы считать меня алчной. Тогда имел бы право судить меня, оставаясь на высоте положения.

- Я всегда остаюсь на высоте положения.

- Ты привык за все платить... и ты не способен оценить то, что дается даром, - дрожащим голосом клеймила его Пенни, борясь с желанием прикинуть к нему.

- Довольно! - раздраженно и нетерпеливо прервал ее Ник. - С тех пор как в моей жизни появились ты и твоя мать, все обрело свою цену!

При новом обвинении, которое, увы, имело под собой реальные основания, Пенни побледнела. В эту минуту откуда-то издали донесся ужасающий скрежет, а затем громкий треск.

Испуганно ойкнув, Пенни отскочила в сторону.

Ник, нахмурившись, повернулся в сторону двери.

- Что это было?

- Похоже, рухнули леса, - прошептала она.

Выругавшись, Ник устремился в коридор. И только тогда Пенни вспомнила, что он оставил машину как раз рядом с башней. Задержавшись, чтобы надеть кожаные сандалии, она поспешила следом.

Когда оказалась рядом с Ником, тот стоял, молча разглядывая груды искореженного металла и прогнивших деревянных досок, свалившихся на крышу роскошной машины, которая была едва видна под этим хламом.

- Разрази меня гром... - недоверчиво пробормотал Ник и вдруг ринулся к оставшейся незаваленной водительской дверце.

- Что ты делаешь? - в ужасе закричала Пенни, вцепившись в его рукав.

- Там важные документы! - выпалил Ник.

- Ты сошел с ума, да? - Пенни показала рукой вверх, на накренившуюся под опасным углом секцию лесов. - Она может свалиться в любой момент!

- Да... Я сошел с ума. - Ник быстро посмотрел на нее. - Когда ты в последний раз ворожила, то, наверное, призывала проклятия на мою голову.

Пропустив насмешку мимо ушей, Пенни заметила:

- Можешь позвонить и вызвать кого-нибудь на помощь. Телефон в кухне.

Ник вошел в кухню вслед за ней и тут же устремился к огромному встроенному шкафу, в котором стоял аппарат.

- Кому принадлежит эта развалина? - с пугающим спокойствием спросил он. - Я хочу привлечь к суду владельца.

- Последнее, что я слышала о Малколме, - это то, что он проводит на пожертвования какие-то изыскания в бассейне Амазонки. Он беднее церковной мыши, - уныло сообщила Пенни.

Ник глубоко вздохнул. Пенни поняла, что он взбешен безответственностью хозяина, и еще больше - перспективой застрять в этой дыре. Она наблюдала, с каким отвращением он взирал на окружающее, и странное чувство рождалось в ней. В этот момент Ник был так человечен в своем негодовании, что ее окатило волной горячего сочувствия к нему. Он никогда не позволил бы себе кричать и бушевать, как поступили бы в подобной ситуации большинство мужчин. Разумеется, он не позволил бы себе и сдержанного выражения негодования, мысленно усмехнулась Пенни.

Но такие возмутительные события, как падение строительных лесов на новую машину, нечасто происходят в жизни Ника Блейна!

Он и машину-то редко водил сам. Этот сказочно богатый трудоголик словно узник влачил

ежедневную рутину. Его существование скрашивали и облегчали вышколенные слуги, квалифицированный штат сотрудников, лимузины с шоферами, вертолеты и личный самолет. Его привилегированный мир несчастья обходили стороной, они – удел других.

- Мне действительно очень жаль, что все так получилось...

Ник поднял свечу, чтобы рассмотреть цифры на телефоне.

- Какое-то средневековье, – пожаловался он с оттенком недоверия. – Это ветер нарушил электропроводку?

- Нет. Здесь вообще нет света. Проводку нужно менять, но Малколм не может себе этого позволить.

Именно из-за бытовых неудобств отсюда съехал предыдущий жилец, и именно поэтому Пенни получила бесплатную крышу над головой. Она наблюдала, как Ник нетерпеливо набирает номер. Наверное, вызовет другую машину. Он уедет, и она больше никогда не увидит его. Ни о чем другом Пенни сейчас не могла думать. Ее ужасала подобная перспектива. Ощущение невозвратной и невосполнимой потери было таким острым, что она готова была приковать Ника к стене, лишь бы хоть ненадолго продлить его пребывание здесь. Но ведь ей не нужно приковывать его, не так ли? Он уже предложил Пенни маленькую, до смешного узкую лазейку.

Почему Ник захотел провести с ней еще одну ночь? Ради собственного удовольствия или чтобы наказать ее? Господи, с волнением подумала она, та единственная ночь в поместье Блейнов, должно быть, была вполне приемлемой, выражаясь языком Ника. И он попросил повторить ту ночь. Попросил так, как умел, так, как только и мог себе позволить... предложив сделку с позиции силы. Волна внезапной нежности захлестнула Пенни: Ник повел себя совершенно несвойственным ему образом.

- Почему ты так на меня смотришь? – нахмурился он. – Этот телефон нужно выбросить на свалку!

- Сильный ветер... Положи трубку и попробуй набрать номер еще раз, – посоветовала она.

Пенни не переставала спорить с собой. Еще одна ночь... Чистейшей воды безумие и ничем не оправданное потакание себе. Это не имеет никакого смысла. Но любить и желать Ника Блейна вообще не имело смысла. Завтра она снова окажется перед неизбежностью развода и того факта, что они с Ником словно две планеты, обреченные вращаться по разным орбитам. Полное безумие!

Ник тем временем говорил кому-то на другом конце провода, что ему нужна машина, и как можно скорее. Едва веря в то, что приняла такое решение, и одновременно страшась передумать, Пенни откашлялась.

- Завтра утром... – хрипло проговорила она и облизнула пересохшие губы. – Тебе не понадобится машина до завтрашнего утра.

3

Ник понял ее мгновенно.

Завтра утром! Значит, Пенни передумала. Или нет? Может, она играла с ним все это время. Он напрягся. Шофер на другом конце провода просил указаний. С бесстрастным лицом Ник

сообщил необходимые сведения и изменил время. Затем медленно положил трубку.

Пенни насторожилась, словно испуганное животное, почуявшее запах хищника. И небезосновательно, подумал Ник. Ему хотелось сорвать с этого трепещущего маленького тела нелепую одежду и насладиться грубым, неистовым сексом, которого он не знал даже в юношеских фантазиях. Но несмотря на сжигавшее изнутри пламя, врожденная осторожность удержала его.

- Завтра мы снова расстанемся.

- Конечно... И каждый начнет наконец новую жизнь, - дрожащим голосом заметила Пенни.

Именно это мне и нужно, пыталась убедить она себя. Возможность подвести итоговую черту под несчастливим браком. Шанс спасти растоптанную гордость за его счет: Ник попросил ее, а не она - его. Такое случилось впервые за время их отношений. Совершенно неожиданно она обрела силу. И эту силу дал ей Ник. Почему бы не воспользоваться случаем?

Но Пенни вдруг вспомнила о весомой для нее причине, по которой этим случаем пользоваться не следовало.

- У тебя сейчас кто-нибудь есть? - спросила она.

- Нет, - сухо бросил Ник.

Полуприкрыв глаза, Пенни медленно перевела дыхание. Так, значит, его любовница, Джордан Брэм, получила отставку. Почувствовав облегчение, она снова подняла голову. Ник с непроницаемым лицом стоял на прежнем месте, подобный ледяной скульптуре. Когда он шевельнулся, сердце Пенни заколотилось в груди, словно молот.

- Скажи, ты спишь, свернувшись калачиком перед камином, как Золушка? - лениво поинтересовался он.

- Нет. Ну... - натянуто поправила себя Пенни, - я спала здесь, перед камином, зимой, когда в спальне было слишком холодно.

Он медленно, словно боясь резким движением спугнуть ее, подошел к Пенни, которая словно одеревенела от напряжения. Только сейчас ее осенило, что это большая разница - скользнуть в постель спящего Ника и пригласить его к себе в спальню, когда он бодрствует и полностью контролирует себя.

- Ник...

- Молчи.

Он поднял указательный палец и с нежностью провел по ее приоткрытым губам. Пенни затрепетала от этого простого прикосновения, пробудившего голод, который она пыталась подавить все эти полтора года. Синие глаза с внезапным вызовом посмотрели в сухощавое лицо Ника.

- Я не позволю тебе снова сделать мне больно.

- А я никогда и не стремился причинить тебе боль, - прошептал Ник; в его черных бездонных глазах внезапно вспыхнули золотистые искорки. Но разве могло быть иначе, если он не любит

ее? Он и теперь просит не любви, с грустью напомнила себе Пенни.

Ник обхватил сильными ладонями ее лицо и приблизил к своему. Когда его руки скользнули вниз по стройной спине, голова Пенни закружилась от предвкушения. Он нашел ее рот, и на какое-то бесконечное мгновение Пенни целиком отдалась на волю жестких, ищущих губ. Жадное возбуждение охватило тело. Она вцепилась руками в широкие плечи и прижалась к мускулистой груди, задыхаясь от нетерпения.

Ник опустил ее на что-то твердое. Пенни было безразлично на что. Единственное, что ею двигало, была неодолимая потребность оставаться физически связанной с ним. Один поцелуй – и Ник зажег в ней пожар. Сердце Пенни пустилось вскачь, когда он запустил пальцы в ее густые медно-ры-жие волосы и проник языком еще глубже. Вдруг Ник поднял голову.

- Проклятье, – пробормотал он, – ты на столе...

Ну и что? – прокричал нетерпеливый голос внутри нее. Едва Ник попытался отстраниться, Пенни решительно притянула его к себе. С хриплым одобрителем восклицанием Ник снова завладел ее ртом, а сильные руки скользнули за спину и легко подняли молодую женщину.

- Где спальня?

Пенни заморгала. Она пребывала в каком-то ином мире, где не существовало ни речи, ни рассудка. Ник толкнул локтем кухонную дверь.

- Спальня?

- Сначала направо... нет, сначала налево...

Каждая клеточка мозга протестовала против этой слабой попытки связно мыслить.

Ник провел кончиком языка по нежной внутренней поверхности ее губ, заставив Пенни содрогнуться от наслаждения.

- У тебя потрясающий рот, мой ангел.

Красные лучи заходящего солнца освещали маленькую неубранную комнату. Ник положил Пенни на край постели. Пристальным и страстным взглядом она наблюдала за ним. Волевым лицом с резкими чертами падавший в окно свет разделил на две половины, одна из которых находилась в тени. Глаза полночного цвета, прямой аристократический нос, твердая, мужественная линия подбородка.

Она следила за тем, как Ник сбрасывает великолепный пиджак, ослабляет узел галстука и стягивает белоснежную хлопковую рубашку. Он освобождался от каждого предмета одежды с таким же хладнокровием, с каким делал все. Однако Пенни обдало жаром, когда обнажились мускулистая загорелая грудь, покрытая завитками черных волос, гладкий плоский живот... Сила собственного желания потрясла ее.

- Я так люблю твоё тело, – прошептала она, в волнении и предвкушении стискивая руки. Ник бросил на нее настороженный взгляд.

- Это к делу не относится.

Пенни недоуменно нахмурилась.

- Нам ни к чему сейчас болтовня, не так ли?

Он быстро подошел к ней и усадил на кровати, при этом неизвестно когда развязанная блузка распахнулась. Ник крепко сжал предплечья Пенни, не в силах оторвать взгляда от обнажившейся соблазнительной груди с отвердевшими розовыми сосками, вздымавшейся в такт неровному дыханию.

- Потрясающе...

Залившись краской, молодая женщина изо всех сил старалась побороть смущение. Ник внезапно стянул рукава блузки и опустил Пенни на постель с явным недостатком хладнокровия, что не могло не доставить ей огромного удовольствия.

Она попыталась что-то сказать, но Ник ладонью прикрыл ей рот и подтянул вверх по подушкам - так, чтобы их лица оказались на одном уровне. Пенни охватило острое возбуждение, но страдальческое выражение не покинуло глаз. Ник успокаивающим жестом сжал ее пальцы и попытался ослабить их мертвую хватку на одеяле.

- Просто молчи, - почти умоляюще проговорил он. - Когда ты говоришь, я выхожу из себя.

Пенни очень медленно кивнула. Глаза, в которых опять плясали золотистые искорки, смотрели на нее. Ник перевел дыхание.

- Ты всегда говоришь не то.

Жгучие слезы собирались под опущенными веками Пенни. Теперь она лежала перед ним, словно смирившаяся с судьбой жертва. Ник неуверенно провел пальцем по ее щеке.

- Я всегда говорю не то, - с отчаянием в голосе поправил он себя.

Пенни открыла свои удивительные глаза и кивнула, словно прощая его. Ник без промедления снова завладел губами молодой женщины. Затем скользнул по ее телу вниз и накрыл нетерпеливым ртом розовый сосок. Пенни задохнулась и вздрогнула, трепещущее тело превратилось в расплавленный мед.

- Я хочу попробовать тебя на вкус, - словно в бреду, прошептал Ник, срывая с нее юбку.

Его рот при этом путешествовал по тонкому гибкому телу с горячей, опустошающей чувственностью. Пенни запрокинула голову, и низкий, сдавленный крик вырвался из ее горла. Она отдалась на волю искушенного в чувственных удовольствиях Ника, и ее безумие все усиливалось, по мере того как нарастало неуправляемое стремление к завершению. В страстном нетерпении Пенни царапала ногтями его спину.

- Ник! - в отчаянии прорыдала она.

Он лег на нее и раздвинул дрожащие бедра. Пенни, которую снедало всепожирающее пламя, казалось, что все происходит слишком медленно. Но вот Ник проник в нее одним мощным движением, и испытанное удовольствие было таким мучительно сильным, что она едва не потеряла сознание. Никогда еще ей не было так хорошо. Это все длилось и длилось, и Пенни отчаянно хотелось удержать как можно дольше каждое ощущение. Спираль острого возбуждения все больше и больше свивалась в ней - до тех пор, пока не послала, рыдающую и не способную мыслить женщину, на головокружительную высоту освобождения.

Первым, что Пенни осознала, очнувшись, была тишина. Ник продолжал держать ее в объятиях, плотно прижимаясь влажным мускулистым телом. Мгновение она наслаждалась этим ощущением близости, почти слитности, а затем разум пробудился, и с упавшим сердцем Пенни вспомнила все.

- Пенни... - расслабленно и удовлетворенно пробормотал Ник, - ничего подобного я никогда не испытывал.

Ей хотелось надеяться, что и не придется. Пусть она останется для него дразнящим и недостижимым воспоминанием, которое не будет давать покоя до смертного часа. С огромным усилием взяв себя в руки, она отодвинулась от Ника, но тот неожиданно снова привлек ее к себе. Черные глаза пристально изучали сердцевидное лицо, опущенные ресницы, из-под которых едва проглядывала синева.

- Теперь можешь говорить, - с легкой насмешкой разрешил он.

- Мне нечего сказать.

Когда-то она сказала бы, что любит его...

Ник оперся на локоть и спокойно посмотрел на нее.

- Пенни...

- Мы оставили в кухне непогашенные свечи.

Она высвободилась из объятий прежде, чем Ник смог понять ее намерения. Судорожно пошарив по стулу в поисках халата, Пенни быстро вышла.

В кухне она поежилась, ощутив ледяной холод, - даже более сильный, чем тот, который чувствовала, заглядывая в будущее. Тело все еще трепетало и болело после ласк Ника. Как он посмел сделать все даже лучше, чем ей помнилось? Как посмел сказать ей, что ничего подобного никогда не испытывал? Он остался лежать в спальне удовлетворенный и почти без сил. Но какое теперь это имеет значение?

Боль, словно старый друг, вернулась к ней, но, став старше и мудрее, Пенни постаралась не замечать ее. Упоение собственными несчастьями ни к чему не приводит. Пенни заставила себя разобрать продукты, которые принес Джонни. Это прозаическое занятие позволило привести в порядок взбудораженные чувства.

Ей наконец-то пора смириться с мыслью, которую она так долго отталкивала: их брак был фикцией. Она знала это с самого начала, но упрямо отказывалась смотреть фактам в лицо. Ник никогда не хотел жениться на ней...

Той зимой умирал его отец и опекун Пенни. Она радовалась долгожданному воссоединению с матерью. Лишь одно омрачало радость: Лиз терпеть не могла семейство Блейн и всеми силами убеждала дочь покинуть Техас. Но Пенни была по уши влюблена в Ника и не могла решиться уехать от него так далеко.

Неожиданно заявившись в загородный дом Блейнов, мать пришла в ужас, войдя в комнату и застав Пенни в объятиях Ника. Обвинив молодого человека в том, что он воспользовался наивностью ее несовершеннолетней дочери, Лиз пригрозила устроить грандиозный скандал. Желая защитить больного отца от возможной грязной склоки, Ник заверил Лиз, что они

намерены пожениться. Ирония ситуации заключалась в том, что перспектива подобного брака привела Лиз в еще большую ярость.

Но Пенни в глубине души возлагала на этот брак неоправданные и непомерные ожидания. Она искренне считала, что если будет усердно молиться, усердно этого добиваться, то заставит Ника полюбить ее! Во всех несчастьях, которые ей пришлось пережить с тех пор, следовало винить только себя.

К счастью, я больше не люблю Ника, подумала Пенни. Конечно, он стал ее первой любовью и она никогда не сможет быть совершенно равнодушной к нему. Но теперь торжественно пообещала себе, что скажет прощай унижительному прошлому и двинется дальше. Когда рассвет возвестит начало нового дня, она не бросит назад ни единого взгляда.

Приведя в относительный порядок мысли, Пенни направилась в спальню. Помедлив перед дверью, она постаралась принять невозмутимый вид. Освещенный лунным светом, Ник лежал в расслабленной позе на боку, напоминая картину старых мастеров на античную тему. Сердце Пенни забилось сильнее. Она ждала, что Ник поднимет голову и что-нибудь скажет. Когда он этого не сделал, Пенни медленно приблизилась... и не поверила собственным глазам: Ник спал!

Но если уж на то пошло, когда он спал в последний раз? Подавив печальный смешок, она удивилась глубине своего разочарования. Его день был расписан по минутам. Чтобы выкроить время на поездку в Нью-Йорк, ему наверняка пришлось работать большую часть вчерашней ночи. И теперь, сняв напряжение с помощью совершенно непредусмотренного секса, он поддался усталости и провалился в сон. Как трогательно, как несвойственно ему – по-человечески!

Пенни провела остаток ночи, сидя в кухне при свете свечи. Не доверяя собственному телу, она не решилась вернуться в постель. С Ником она позволяла себе такое, о чем даже помыслить не могла по отношению к другому мужчине. Конечно, всему причиной были его непреодолимая сексуальная притягательность, его потрясающая красота, его гибкое, великолепно сложенное тело. Иными словами, секс, в котором он был очень, очень искушен. И только поэтому она до сих пор испытывает огромное искушение...

Машина прибыла в восемь утра. Шофер поднес чемоданчик с одеждой и спасенный из-под обломков лесов портфель к двери, затем скромно удалился. К тому времени Ник уже встал, хотя Пенни его еще не видела. Несколько минут назад она услышала, как в ванной зашумела вода, и теперь гадала, как долго продержится Пик под ледяным душем. Ее собственный рекорд составлял три минуты, и она всегда грела воду в чайнике, чтобы помыть голову.

Пенни отнесла чемоданчик и портфель в спальню и уселась ждать в детской. Она уже покормила Алана и одела его в лучший наряд – синий комбинезон и голубую рубашку. Он выглядел очень хорошеньким. По крайней мере, на ее взгляд. Может быть, по прошествии некоторого времени смутное воспоминание о славном и забавном мальчугане смягчит удар от внезапно свалившегося на Ника отцовства. Когда начнется процедура развода, ей придется нанять адвоката. И тогда она попросит своего адвоката сказать адвокату Ника, кто отец Алана.

Пенни не видела смысла сообщать ему об этом лично. Ник пришел бы в ярость, почувствовал бы себя загнанным в ловушку. А он любит, чтобы все шло по плану. Однако в его планы не входило одерживать над Пенни победу, когда она забралась к нему в постель. А она оказалась настолько безрассудна, что не позаботилась о противозачаточных средствах. Что бы она ни

сделала, что бы ни сказала, существование ребенка не станет более приемлемым для Ника. Во всех смыслах будет намного легче, если он узнает о сыне из третьих рук.

Пенни услышала шаги в коридоре и поспешила изобразить лучезарную дружескую улыбку. Ник вошел, безукоризненный и элегантный, словно только что покинул свой рабочий кабинет: пепельно-серый костюм, бордовый галстук, бледно-голубая шелковая рубашка. Он выглядел очень эффектно... и очень угрожающе.

- Ты должна была разбудить меня раньше, - произнес Ник.

Сверкающие черные глаза были холодны как лед. Но Пенни, словно утопающий за соломинку, продолжала хвататься за свою улыбку.

- Хочешь позавтракать?

- Спасибо, нет. - Ник взглянул на часы. - Если ты готова, нам пора отправляться.

Воцарилось тягостное молчание. Однако его это не волновало. Как и ее несчастный вид. Внутренне Ник уже был настолько далек от Пенни, что с таким же успехом мог бы находиться и в Хьюстоне. Не было и намека на теплоту и близость. Ничего. Словно прошлая ночь была не более чем очередным ее сном. И Пенни, полагавшая, что готова ко всему, не смогла вынести этого полнейшего равнодушия.

- Ты думал, я буду цепляться за тебя? - услышала она свой срывающийся голос.

Ник словно окаменел, но Пенни заметила, что прежде он успел поморщиться.

Красная от ярости и боли, она встала и шагнула вперед.

- Я выше этого! - выпалила она.

- У нас нет времени на сцены, - спокойно заметил Ник.

Пенни затрясло, руки непроизвольно сжались в кулаки.

- Говорить о том, что чувствуешь, - не значит устраивать сцену!

Ник приподнял аристократическую бровь.

- А тебе не приходило в голову, что меня, возможно, не интересуют твои чувства?

Кровь отхлынула от ее лица, выразительные глаза уставились на него потрясенно.

Когда Пенни резко отвернулась, Ник стиснул зубы. Солнечная улыбка, которой она его встретила, вызвала в нем вспышку негодования. Пенни, которую он помнил, в такой ситуации выглядела бы смущенной, скованной... совсем не такой! Невольно Ник вспомнил ее неистовый, сладострастный ответ в ту ночь, когда их формальный брак превратился в реальность, и мгновенно почувствовал возбуждение, что безумно разозлило его.

Желая наказать себя, он сосредоточил внимание на детском манеже и его крохотном обитателе. Малыш на удивление пристально наблюдал за ним. Глядя на мальчика с печальными темно-кариими глазами и слегка испуганным выражением лица, Ник вдруг с удивлением обнаружил, что находит его привлекательным. Он быстро отвернулся, но прежде сказал себе, что забота об этом ребенке лежит теперь и на нем. Кто еще поможет ему?

Пенни, твердо решив довести разговор до конца, как бы ни расстроило ее отношение Ника, с жаром воскликнула:

- Мы хорошо провели время в постели прошлой ночью! Это был просто секс - я понимаю. Но таким образом я хотела попроситься с тобой. И совершенно ни к чему относиться к этому как к грозящей затянуться случайной интрижке!

Ник смотрел на нее темными, непроницаемыми глазами и продолжал хранить возмутительное молчание. Пенни расправила узкие плечи.

- Хочешь верь, хочешь нет, но теперь я просто счастлива получить развод. В моей жизни есть человек, которому я небезразлична. И, освободившись, я смогу наконец соединиться с ним. У него есть сердце и воображение... и он разговаривает.

Прищуренный взгляд Ника заставил ее похолодеть.

- Ты закончила? - ледяным тоном поинтересовался он.

Пенни поджала губы и отвернулась, спрашивая себя, с какой стати страдает, пытаясь достучаться до него?

- Мне нужно взять детское сиденье...

- Ты собираешься брать ребенка с собой? - удивился Ник. Пенни с возмущением повернулась к нему.

- А куда же я его дену? Тебе просто не приходило это в голову, не так ли? - с нажимом спросила она. - Куда бы я ни направлялась, Алану приходится меня сопровождать.

С горящим от негодования взором Пенни прошествовала мимо него. Когда вернулась, он забрал у нее сиденье.

- Я отнесу его в машину.

По пути в Нью-Йорк Пенни изо всех сил старалась не смотреть на Ника. Их отношения, казалось, завершили полный круг. Он опять вез ее к Люси Тревис и опять собирался навсегда уйти из ее жизни. Мысли Пенни вернулись на одиннадцать лет назад, к их первой, роковой, встрече...

Ее отчим, Джек Уоррен, умер, когда девочке исполнилось только девять лет. В своем завещании он назначил ее опекуном Эдгара Блейна, с которым в детстве был очень дружен и которого не раз выручал из мелких мальчишеских бед с помощью увесистых кулаков. Поскольку Джек со школьных времен не встречался с Блейнами, ему оставалось только надеяться, что богатый нефтепромышленник, возможно, позаботится о его жене и падчерице.

В то время Лиз с дочерью жила в Лос-Анджелесе, перебиваясь с хлеба на воду. Джек был само очарование, однако заядлый игрок. Только после его смерти девочке стало известно, что он не ее отец. Эдгар Блейн послал Ника в Лос-Анджелес, чтобы разыскать их. К тому времени Лиз поняла, что не в состоянии справляться с материнскими обязанностями.

- У меня не было ни работы, ни денег, ни приличного дома, и я не могла обеспечить тебе нормальное образование. Я думала, что Блейны позаботятся о тебе до тех пор, пока я не

устрою свою жизнь. А потом я заберу тебя, и мы снова будем жить вместе, – поведала она годы спустя, когда мать и дочь наконец встретились после долгой разлуки. – Разве я могла тогда представить, что пройдет девять лет, прежде чем мы снова увидимся?

Лиз до сих пор было горько вспоминать об этом. Эдгар Блейн обратился в суд, чтобы установить над ее дочерью полную опеку, и добился своего.

Никогда исполнилось всего двадцать, но он был не по годам умен и зрел. Пенни пришлось ждать за дверью их убогого бунгало, пока Ник говорил с ее матерью. А через два часа Пенни уже летела с ним в Хьюстон.

Ник явно не умел разговаривать с детьми, однако изо всех сил старался утешить ее. Похоже, он тоже считал, что девочку оставят в семье, и с воодушевлением описывал их старинный, просторный загородный дом. Но по прибытии туда Пенни смутило и испугало холодное неодобрение, которым встретил ее Эдгар Блейн. И очаровательная мать Ника, Кара, проявила к ней внимания не больше, чем к приبلудной кошке, заметив только, что она весьма сообразительна для своего возраста. Мои родители очень занятые люди, – смущенно объяснил Ник в ответ на взгляд наполненных слезами синих глаз.

– Я им н-не нужна, – горестно прорыдала Пенни. – Зачем вы привезли меня сюда?

– Мой отец – твой опекун.

– А как же мама?

– Сейчас она не может должным образом заботиться о тебе, а ей хочется, чтобы ты закончила школу.

На следующий день они уже летели в Нью-Йорк, к Люси Тревис, которая встретила Пенни с распростертыми объятиями и до отъезда в Швейцарию лечила ее душевные раны домашним лимонадом и печеньем.

Как мог объяснить Ник девятилетней девочке, что его отец пришел в ярость от свалившейся на него ответственности? Безмерно гордившийся своей респектабельностью, Эдгар Блейн чурался любого скандала. Условия, в которых жила Пенни со своей матерью, не говоря уж об открытии, что Пенни не родная дочь Джека, убедили Эдгара Блейна в необходимости оградить девочку от всяких контактов с Лиз...

Очнувшись от воспоминаний, Пенни взглянула на Ника. С начала поездки они не сказали друг другу ни слова. Алан, который поначалу из кожи вон лез, чтобы привлечь его внимание, оставил Ника в покое и задремал.

Пенни обнаружила, что не отрываясь наблюдает, как солнечный луч, проникший сквозь тонированные стекла, играет на блестящих черных волосах, оттеняет мужественный абрис скулы и подчеркивает длину густых ресниц, с каким изяществом загорелая рука покоится на колене. О Боже, даже его руки прекрасны, подумала Пенни и неслышно втянула в себя воздух так глубоко, что закружилась голова.

Тем временем Ник, как ни странно, решал судьбу Джонни. Вернувшись от машины, чтобы помочь донести Алана, он услышал конец телефонного разговора Пенни с приятелем.

– Ник везет меня к Люси. Сейчас я спешу. Позвоню, когда вернусь. Я приготовлю обед, – добавила она, видимо, под влиянием момента.

Этот ее дружок – пройденный этап, сказал себе Ник. У отношений, в которых нет ни верности, ни честности, нет и будущего. И если Пенни сама этого не понимает, следует ей объяснить. Пенни нужно начать жизнь с чистого листа. Поэтому условием его щедрой финансовой поддержки должен стать уход Джонни со сцены. Для собственной пользы и пользы ребенка ей придется привыкать к более спокойному, более достойному образу жизни, с мрачным удовлетворением думал Ник.

Однако нельзя было не признать, что Пенни сильно изменилась. Прошлой ночью Ник ожидал признаний в любви. Он и сам не понимал, почему ее нежелание вести себя привычным образом так раздражает. Ник намеренно старался извлечь из памяти отталкивающие подробности их шестинедельного брака. Пенни чуть ли не ежечасно звонила ему в офис... Пенни читала вслух стихи за завтраком... Пенни каждый вечер ждала его возвращения, даже если он приходил только под утро... Пенни, не в меру чувствительная и уязвимая, но обладающая деликатностью и тонкостью армейского танка... Однако любящая, до такой степени любящая, и дарящая... Его затуманившийся взгляд вдруг застыл. Скольким другим мужчинам она дарила себя за последние полтора года?

Машина подъехала к дому, где уже около сорока лет жила Люси Тревис.

- Люси ждет нас? – обеспокоенно спросила Пенни.

- Я позвонил ей перед тем, как поехать к тебе. – Ник заметил, что Пенни наклонилась с явным намерением расстегнуть ремень на сиденье сына. – Почему бы не дать ему поспать? Шофер присмотрит за ним. Не думаю, что мы задержимся надолго.

Пенни нахмурилась.

- Мне даже кажется, что ты испытываешь огромное облегчение, когда этот визит подойдет к концу, – заметил он.

- Я очень люблю Люси, – гневно возразила Пенни. – Пусть я расстроена случившимся, но я с нетерпением жду встречи с ней!

Но на Ника это заявление не произвело никакого впечатления.

Люси уже ждала их у парадной двери – высокая худощавая женщина с мягкими седыми волосами и удивительно свежей для семидесяти двух лет кожей.

- Я так обрадовалась, когда Ник сказал, что привезет тебя! – Старушка тепло, с любовью обняла Пенни и прошептала: – Слава Богу, что ты наконец сказала ему об Алане!

Пенни покраснела и хотела возразить, однако Люси уже направилась к машине, чтобы взглянуть на спящего малыша.

- Надеюсь, до вашего отъезда он проснется.

В уютной маленькой гостиной Пенни села напротив хозяйки дома.

- Я очень возмутилась, когда узнала, что мой бухгалтер втянул тебя в это дело, Ник, – заявила Люси, приведя тем самым в замешательство обоих гостей.

- Никто меня не втягивал, Люси... Он просто выполнял свою работу.

- Но он совершенно неправильно истолковал ситуацию. Я сама предложила Лиз деньги. Она не просила меня об этом и отказывалась брать займы. Я убедилась принять мою помощь. Теперь, когда затея с журналом рухнула - не по ее вине, должна добавить, - я не собираюсь преследовать бедную женщину словно преступницу!

Горячая речь в защиту матери застала Пенни врасплох. Но загорелое лицо Ника оставалось бесстрастным.

- Лиз - добрая и достойная женщина, которой ужасно не везет в жизни, - решительно сказала Люси.

Со слезами на глазах Пенни наклонилась вперед и с искренней благодарностью стиснула ей руку.

- Моя мать хочет только хорошего. И всегда хотела... Но, похоже, все всегда оборачивается против нее, - дрожащим голосом подхватила молодая женщина.

- Или против кого-нибудь другого, случайно оказавшегося поблизости, - скрипучим голосом добавил Ник.

- Конечно, она не должна была удирать, - натянуто проговорила Пенни, пропустив замечание Ника мимо ушей.

- А Лиз и не удирала. Перед отъездом она зашла ко мне. - Воспоминание об этом заставило Люси болезненно поморщиться. - Полная безумных планов, призванных спасти нас обоих от полного краха... Благослови ее Господь. Она так старалась!

- Бла-го-сло-ви ее Го-сподь? - выговаривая каждый слог, повторил Ник, глядя на родственницу так, словно у той помутился разум.

- Известная писательница согласилась предоставить главы нового романа для первого номера, - вздохнув, пустилась в объяснения Люси. - Но в последний момент почему-то пошла на попятный. Боюсь, другие авторы последовали ее примеру. А все деньги уже были потрачены на организацию и рекламу. Вины Лиз здесь действительно нет.

- Только эта женщина способна выйти из подобной ситуации вся в белом, - холодно сказал Ник, но заметил встревоженный взгляд Люси и изобразил ободряющую улыбку. - Как бы там ни было, я рад, что случившееся не так расстроило вас, как я опасался. И поверьте, Люси, вам не о чем больше беспокоиться. Поскольку Лиз - моя теща, я, разумеется, возьму все потери.

Люси нахмурилась.

- Я не могу позволить тебе сделать это, Ник.

- Конечно же можете.

Ник явно не воспринял ее возражение всерьез. Но Пенни, почувствовав, насколько расстроена Люси, вопросительно и озабоченно посмотрела на пожилую женщину.

- Это обычное семейное дело, - как можно убедительнее произнес Ник.

- Разве? - изобразила удивление Люси. - В семьях живут вместе и поддерживают друг друга. Как я могу считать Лиз твоей тещей, зная, что ваш брак с Пенни скоро будет расторгнут?

Люси объясняла свою позицию в мертвой тишине. Было очевидно, что она настроена весьма решительно. Пенни украдкой бросила взгляд на Ника. Его полная неподвижность свидетельствовала о том, что он не менее обескуражен поворотом событий, чем она. Ему, видимо, даже в голову не приходило, что он может встретить отпор со стороны доброй старой родственницы, которая неизменно соглашалась со всеми его словами и действиями!

- Напротив, Люси, - вновь обретая уверенность, возразил Ник, его чувственные губы изогнула едва заметная улыбка. - Наш брак не будет расторгнут. Пенни и я... мы собирались сказать вам, что как раз пробуем помириться.

4

Пенни замерла, не отрывая изумленного взгляда от мужественного профиля Ника, в то время как его внимание было полностью сосредоточено на Люси. Пробуем помириться?! Пенни не верила собственным ушам. Ник всегда славился стальными нервами и быстрой реакцией в трудных ситуациях. Но как мог этот осторожный, сдержанный человек сделать столь безответственное заявление?

- Это самая замечательная новость из всех, которые мне приходилось слышать! - радостно воскликнула Люси и, с трудом поднявшись, схватила руку Ника, протянув другую Пенни.

- Пенни! - поторопил ее Ник командным - тоном, каким, должно быть, обращался к самому неповоротливому из своих служащих.

Она смотрела на протянутую руку Люси, но не могла пошевелить и пальцем. Было ясно, чего хочет добиться Ник этой несусветной чушью, которую вытащил на свет, словно фокусник - кролика из цилиндра. Но как он собирается действовать дальше? Чтобы правдиво изобразить счастливое воссоединение, потребуется куда больше убедительности, чем Ник может даже представить.

Он, несомненно, считает, что позволил себе маленькую ложь во спасение, от которой через некоторое время без труда отмахнется. Однако он не знает, что Люси и Пенни по-прежнему связывают слишком тесные отношения, для того чтобы притворство сошло за чистую монету. А Пенни приводила в ярость одна мысль о том, что ее общение с Люси может быть ограничено ради того, чтобы поддерживать заблуждение старушки.

Она посмотрела на Ника. Его тяжелый, почти угрожающий взгляд, казалось, требовал; встань и играй свою роль! Поскольку Пенни так и не сдвинулась с места, он наклонился и, взяв ее за руку, буквально принудил подчиниться.

- Я счастлива за вас обоих. - Люси прижала молодую женщину к груди. - Вот только... - нерешительно добавила она, - мне не очень нравится слово «пробуем», Ник. Особенно если учесть, что речь идет и о судьбе ребенка...

Пенни вздрогнула и прервала старую женщину, прижавшись губами к ее щеке.

- Мне ужасно жаль, Люси, но нам действительно пора спешить. Вы же знаете, какой у Ника напряженный график! Я надеюсь, вы позволите ему уладить это финансовое недоразумение?

- Конечно, Люси позволит, - заверил Ник.

- Да. А потом я навещу вас. В будущем месяце - заявила Люси с лучезарной улыбкой, словно не замечая панического выражения, появившегося на лице Пенни. - Мне уже не терпится

провести лето с ва...

- Ох, пора бежать! Люблю вас, Люси. Скоро увидимся! – затараторила Пенни, вцепившись руку Ника, и с отчаянной решимостью потащила его к выходу.

В машине она забилась в самый дальний угол и замерла.

- Мы летим в Хьюстон сегодня вечером, – усевшись рядом, без всякой подготовки сообщил Ник. Гладкий лоб Пенни прорезала морщинка.

- Прости... Ты сказал, что...

- Ты слышала, что я сказал.

- Я не полечу в Техас только потому, что тебе вздумалось превратить нашу жизнь в сплошную неразбериху своей глупой ложью! – с негодованием выпалила Пенни. Загорелые скулы Ника еще больше потемнели.

- Я бы не назвал это глупой ложью. Это просто единственный шанс. Если Люси не позволит мне возместить убытки, то к концу месяца потеряет крышу над головой. Без процентов от капиталовложений, которые она обналичила, ей не удастся даже внести арендную плату за дом, не говоря уж о том, чтобы обеспечить себе мало-мальски сносное существование!

Пенни побледнела.

- Но...

- Хотя бы раз пошевели мозгами, – с трудом сдерживая гнев, проговорил Ник. – Это твоя мать довела Люси до такого состояния. Люси очень горда и сейчас храбрится. Но понимаешь ли ты, каково в ее возрасте столь резко менять образ жизни? Лишения и тревоги наверняка подорвут ее здоровье и сократят дни.

Пенни побледнела еще больше. К тому моменту, когда Ник закончил свою филиппику, она поняла, что выбора у них действительно нет. И почти сразу же почувствовала, что угодила в ловушку. Она любила Люси. Очень любила. Но казалось неоправданно жестоким то, что ее поставили перед необходимостью возобновить их отношения – точнее, создать видимость этих отношений – именно тогда, когда она твердо решила сказать последнее прости Нику и своим чувствам к нему.

- Ты проведешь лето в нашем загородном доме, – уже спокойнее продолжил Ник. – Это не такая уж большая плата за душевное спокойствие Люси. Я буду жить в городе и приезжать на уик-энды. Люси скоро увидит, что тобой, как это ни прискорбно, пренебрегают. Она будет разочарована, но, уверен, поймет, когда ты скажешь, что хочешь развода.

- Великолепно... Я не только вынуждена буду провести три месяца вдали от близкого мне человека, но еще и стану инициатором развода! Нет уж, благодарю покорно! – Ее ярко-синие глаза затуманились от боли и негодования. – Тебе придется придумать что-нибудь получше!

Ник окинул ее холодным саркастическим взглядом.

- Да, для тебя три месяца без секса – это не шутка.

Пенни от ярости потеряла дар речи.

- Позволь мне быть даже более откровенным, - продолжил Ник ровным, словно лезвие бритвы, тоном. - Твои эксперименты привели к тому, что тебе только двадцать, а у тебя уже ребенок. Где же его отец? Да ты хотя бы знаешь, кто его отец?

С покрасневшим от возмущения лицом Пенни судорожно вздохнула, стараясь успокоиться.

- Как ты смеешь спрашивать меня об этом?

Ник бесстрастно поднял блестящую черную бровь.

- Это означает «да» или «нет»?

- Конечно, знаю... и оскорблена тем, что ты вообще задал подобный вопрос! - Пенни пере вела взгляд на Алана. - Но так уж случилось, что отношения, в которых он был зачат, не принято называть прочными...

- Случайная интрижка, да? - насмешливо прервал ее Ник.

Пенни задержала дыхание.

- Да, полагаю, это наиболее приемлемое определение, - прошептала она.. - Появление Алана не планировалось.

- Значит, он просто взял и появился на свет - как и ты? Неужели тебя саму не коробит подобное безответственное поведение?

- Его отца тоже нельзя назвать очень ответственным, - заметила Пенни. - Впрочем, он даже не знает о своем отцовстве, поскольку я решила ничего ему не говорить...

Ник приподнял широкие плечи. Этот легкий элегантный жест означал, что сие его не касается. Оборванная на полуслове и невероятно униженная отсутствием элементарного человеческого интереса к своей судьбе, Пенни вздернула подбородок.

- Я не успею собраться до вечера.

- Придется, - возразил Ник. - Возьми только то, что потребуется на ближайшее время, а я распорядюсь, чтобы остальное отправили самолетом завтра. На этой стадии «примирения» мы не можем себе позволить проявлять равнодушие друг к другу.

- Час от часу не легче! - простонала Пенни. - Мы все глубже и глубже увязаем в этой трясине.

- Боюсь, у тебя не будет времени на то, чтобы приготовить Джонни обед.

Совершенно неожиданно губы Ника изогнула обаятельнейшая улыбка. Сердце Пенни дрогнуло. От этой, столь редкой, улыбки у нее перехватило дыхание и кровь с огромной скоростью заструилась по жилам. Черные глаза искрились весельем, и чувство надвигающейся катастрофы многократно усилилось. Тело было словно натянутая тетива, каждый мускул болел от напряжения - а все из-за единственной улыбки Ника, до предела обострившей чувства, которые, как клялась себе Пенни, остались в прошлом.

- Мой шофер отвезет тебя домой, а потом доставит в аэропорт прямо к отлету самолета, - проговорил Ник несколько минут спустя.

Вздрыгнув, Пенни посмотрела в окно и увидела, что они въезжают на стоянку перед филиалом

«Блейн корпорейшн» на Пятой авеню.

- Мне еще предстоит несколько встреч. - Черные глаза Ника были опять холодны как лед. - Да, кстати, учтя твоё пожелание, я нашел лучшее объяснение, которое наверняка удовлетворит Люси, когда наш странный брак снова развалится. В этом случае ты можешь просто сказать ей правду.

Пенни изумленно уставилась на него.

- Прости, я...

- Ты в самом деле думаешь, будто я не заметил, что Люси считает Алана моим сыном? - с едкой иронией спросил Ник.

Поскольку Пенни действительно так думала, слова Ника застали ее врасплох.

- Ты никогда ничего не додумываешь до конца, - очень сухо проговорил он и в данном случае был, безусловно, прав.

- Как ты догадался? - услышала она свой хриловатый голос.

- Люси не относилась бы так к твоему ребенку, если бы не считала, что я - его отец, - заметил Ник.

И он опять прав, стиснув зубы, подумала Пенни. Если бы Алан появился на свет в результате внебрачной связи, Люси очень огорчилась бы. И не поверила бы так охотно в сказку об их примирении.

- Как ты заставила ее поверить в эту удобную ложь, пусть останется на твоей совести, - продолжил Ник. - Но позволь сразу же предупредить тебя: хотя я отлично понимаю, какое потрясение ожидает Люси, когда ты скажешь правду, я не позволю этой лжи хотя бы на время поселиться в моем доме. Я не намерен притворяться, будто Алан - мой сын.

И он с грацией хищника вылез из машины и зашагал к подъезду. С большим запозданием до Пенни дошло, что глупо было ставить гордость превыше того, что являлось неоспоримым фактом. Чем скорее она скажет Нику правду об Алане, тем лучше.

Пенни взошла на борт личного самолета Блейна с испуганно вцепившимся в нее Аланом в одной руке и сумкой с детскими вещами - в другой. Развешивающаяся голубая юбка льнула к ногам, короткая белая блузка прилипла к вспотевшему телу. После гонки по зданию аэропорта она чувствовала себя окончательно вымотанной. Ник вышел, чтобы встретить ее. Облаченный в строгий темно-синий костюм, оживляемый шелковым галстуком с геометрическим узором, он выглядел невероятно привлекательно. Холодок пробежал вдоль ее позвоночника.

- Ты хотя бы понимаешь, сколько нам пришлось тебя ждать?

- Прости, - прошептала Пенни.

У нее выдался трудный денек. Без предварительных приготовлений собрать и упаковать вещи для себя и ребенка, привести в порядок и закрыть особняк в Гринич виллидж - нешуточное дело. Едва вернувшись домой, она позвонила Джонни. Он приехал, когда Пенни все еще в растерянности слонялась по комнатам, не зная, с чего начать сборы. Его потрясло известие о

том, что она летит в Хьюстон с Ником. Когда Пенни попыталась объяснить, в какую тяжелую финансовую ситуацию попала Люси Тревис, Джонни ушел, хлопнув дверью. Теперь она сама недоумевала, как надеялась сохранить хоть какие-то отношения с Джонни, когда Ник украл у нее свободу и три месяца жизни...

Увидев Пенни на трапе самолета, Ник испытал смешанное чувство облегчения и раздражения. Пунктуальный до невозможности, он всегда возмущался ее необязательностью. Пенни могла выйти из комнаты, пообещав вернуться через пять минут, и не вернуться вообще. Она была очень несобранной. Но когда прошел час после назначенного времени вылета, а она не появилась, Ника охватила тревога. Он спрашивал себя, не передумала ли Пенни и не сбежала ли, напоподобие своей матери?

- Тебе не кажется, что ты мог бы мне помочь? - спросила Пенни, вдруг почувствовав, что боль в руках стала невыносимой, и указала подбородком на Алана.

- За что здесь можно взяться? - озадаченно спросил Ник.

- Просто подхвати, когда я его отпущу.

Взяв Алана внезапно одеревеневшими руками, Ник держал своего сына на весу, словно неразорвавшийся снаряд. Поначалу обрадованный этой переменой, Алан вскоре уловил неуверенность взрослого и издал тревожный вопль. В ответ на это Ник как можно дальше отставил от себя руки. Малыш захныкал и забрыкался в испуге, что его могут уронить.

- Ради Бога, держи крепче! - воскликнула Пенни, с облегчением разминая затекшие мышцы.

- Ни разу в жизни не брал ребенка на руки, - сообщил Ник.

- Что ж, самое время учиться. Дети очень чувствительны к прикосновениям и любят ощущать себя в безопасности.

Пенни заметила, с какой неохотой Ник приблизил сына к себе, и ей захотелось ударить его.

- Почему это он так обмяк? - упавшим голосом спросил Ник.

- Потому что он в меланхолическом настроении, - сказала Пенни, глядя на Алана, пристроившего голову на плече у отца и буквально повисшего на нем, как это делают обычно очень усталые дети.

- У него такие маленькие косточки - как у птицы, - сказал Ник. - Я боюсь навредить ему.

В просторном, роскошно убранном салоне было всего шесть пассажирских мест. Ник наклонился, чтобы Пенни сняла с его плеча Алана и устроила малыша в уже приготовленном детском сиденье.

- В хвостовой части есть колыбелька, - сообщил он.

Через минуту взревели мощные моторы, самолет стал выруливать на взлетную полосу. Ник уже сидел в дальнем конце салона с открытой папкой в руках. Пенни подавила невеселый смешок. А она-то собиралась сказать ему во время полета, что Алан - его родная плоть и кровь! Впрочем, какая разница, если он узнает об этом через несколько часов? - подумала измученная молодая женщина. Отдохнув и успокоившись, я буду чувствовать себя увереннее.

Как только набрали высоту, подошла стюардесса и проводила Пенни в маленький салон в хвосте самолета. Устроив Алана в колыбельке, она решила прилечь на стоявшую рядом кровать и отдохнуть. Минуть через десять дверь осторожно открыли.

- Тебе нужно поесть, - сказал Ник.

Успевшая задремать Пенни вскинула голову, рыжие волосы упали на одну щеку. Свет из полуоткрытой двери падал на полоску атласной кожи на животе, приоткрытом задравшейся блузкой. Длинная, прекрасной формы нога была почти полностью обнажена. - Ты похожа на цыганку, - пробормотал Ник.

При звуках глубокого, прекрасно модулированного голоса предательское тепло разлилось по ее телу. - Дикая... необузданная... - хрипло выдохнул он. Ее вдруг охватило такое желание, что стало трудно дышать. На долю секунды в воображении ожили страстная настойчивость его губ, тяжесть мускулистого тела. Пенни охватила слабость - она словно плавилась в огне этих видений, груди напряглись, и под блузкой обозначились до боли чувствительные соски. Но затем, почти столь же внезапно, она вспомнила, как повел себя Ник после ночи любви.

Пенни подняла с подушки огненную голову, синие глаза теперь горели негодованием - негодованием на себя.

- Дикая... но не тебе меня приручить. Этого не будет никогда! - с вызовом проговорила она.

Ник окинул ее пристальным взглядом. - Это уже похоже на торг.

- Что бы ни случилось, ты всегда остаешься дельцом, - съязвила Пенни.

- Ситуация изменилась...

- Разве? - Пенни снова уронила голову на подушку, ее полные мягкие губы слегка надулись, изображая сомнение. - Я так не думаю. Ты просто стремишься к тому, чего не можешь получить. Но уволь от этих игр меня. Это слишком дорого стоило бы тебе.

- Сколько?

- Твоя беда в том, что ты все измеряешь в деньгах, - устало вздохнула Пенни. - Да и в любом случае, - бросив на него многозначительный взгляд из-под ресниц, промурлыкала она, словно маленькая кошечка, выпустившая коготки, - меня нельзя назвать ни высокой, ни блондинкой, ни изысканной. Так что у нас, наверное, не будет проблем, не так ли?

Без предупреждения Ник наклонился и, обхватив сильными руками хрупкое тело, поднял Пенни в воздух и прижал к себе. Она задохнулась в испуге и недоверии, когда он впился в ее рот грубым, жадным поцелуем. Затем жаркий огонь охватил Пенни, достигнув самого сердца.

Ник очень осторожно опустил ее обратно на постель. И прежде чем уйти, посмотрел прямо в раскрасневшееся ошеломленное лицо с весельем, которое тут же охладило пыл Пенни.

- Для меня это не проблема, мой ангел.

Он прав, это моя проблема, честно сказала себе дрожащая молодая женщина. Очень быстро он довел ее до такой степени возбуждения, что до сих пор кружилась голова. Только теперь Пенни поняла, что легкость, с какой она согласилась провести с Ником еще одну ночь, создала у него неправильное впечатление. О ней, о ее отношении к сексу... Просто наихудшее из

возможных впечатление – он решил, что теперь, когда они ради благополучия Люси изображают примирение, она тем более даст ему требуемое.

Пенни скорчилась от смущения и досады. Прошлой ночью она искренне просталась с Ником и любовью к нему. Но этот бесчувственный чурбан, видимо, не способен принять такое объяснение. Он просто отметил для себя, что его фактически уже бывшая жена не проявляет особого отвращения к перспективе снова лечь с ним в постель. Так почему же не посмотреть в глаза неприглядной правде: Ник теперь считает, что она не лучше проститутки...

Внезапно Пенни охватила нестерпимая злость на Ника, и она впервые почувствовала настоящее облегчение при мысли о том, что они скоро разведутся...

Когда машина ехала по подъездной аллее к дому Блейнов, Алан наконец-то опять заснул.

Пенни уже готова была оплакивать хваленое чувство времени своего сына. Алан кричал не переставая с той минуты, когда его вынули из уютной колыбельки в самолете. Он вопил, как пожарная машина, когда его несли через здание аэропорта. Изображая безутешное горе, он доставил своей матери столько хлопот, что о чем-то другом ей думать было некогда. Но теперь, когда наступила долгожданная тишина. Пенни безмерно обиделась на то, что ее и малыша заставили совершить это путешествие.

- Алан, наверное, и ночью не даст мне спать.

Ник приподнял бровь. В его взгляде читалось явное удовлетворение собой.

- Я выписал опытнейшую няню. Она уже ждет нас.

У Пенни вытянулось лицо от изумления.

- Следовало бы попросить ее встретить нас в аэропорту, тогда поездка сюда была бы намного спокойнее.

- Не верю собственным ушам. Ты...

Ник нахмурился.

- В чем дело?

- В чем дело? – недоверчиво переспросила Пенни, – Ты договорился с няней за моей спиной, к тому же считаешь, что она способна справиться с моим сыном лучше, чем я, и еще спрашиваешь, в чем дело?

Машина остановилась перед фасадом здания. Ник вяло поднял руку, намереваясь погладить Пенни по щеке.

- Ты неправильно меня поняла, мой ангел.

- Черта с два! – сердито выпалила она. – Это ты виноват в том, что мой сын испытывает стресс,

- Если не будешь говорить тише, он опять проснется, – холодно предупредил ее Ник как раз в тот момент, когда пассажирская дверца с тихим щелчком распахнулась.

- Кто настоял на том, чтобы лететь на ночь глядя? – не вняв предостережению, продолжала

наседать Пенни. – Еще бы Алану не быть капризным! Все, что ему нужно, – это дом и его удобная кровать...

– Для здания, которое может развалиться в любой момент, «дом» не самое подходящее название. Пенни с неприязнью взглянула на Ника.

– Прошлой ночью ты и вполнину не был таким разборчивым!

Тем временем Ник заметил, что пассажирская дверца открыта, и нахмурился, черты лица обрели привычную замкнутость. Шофера не было видно. Вероятно, он решил, что пренебречь обязанностями намного тактичнее, нежели присутствовать при громогласной ссоре счастливой воссоединившейся пары.

– Давай оставим этот разговор. У нас нет причин для спора. Это неразумно, – сказал Ник, с трудом сдерживая негодование.

– Неразумно?! Да ты оскорбил меня. Ты, который не в состоянии подержать ребенка пять секунд без того, чтобы не впасть в панику, смеешь подвергать сомнению мои материнские способности? – дрожащим голосом перечисляла его грехи Пенни. – Ты оскорбил меня, мой дом, мое гостеприимство. Виной тому, что все так сложилось, твое абсолютное непонимание детских нужд, твоя твердая убежденность в том, что все должны танцевать под твою дудку!

– Если ты не успокоишься, я поступлю с тобой, как с капризным ребенком, каковым ты, по сути, и являешься, – с холодным осуждением проговорил Ник.

– Как, должно быть, трудно иметь дело с тем, кто тебя не уважает, не боится и не зависит от тебя! Да, это, наверное, настоящее нахальство, когда кто-то, вроде меня, осмеливается тебе перечить!.. Что ты делаешь с Аланом?

Выбираясь из машины в холодном бешенстве, Ник подхватил ребенка, и теперь тот продолжал мирно спать на его плече.

Удивление Пенни, вызванное тем, что Ник взял Алана, поблекло, когда она увидела внушительный фасад дома Блейнов, освещенный сотней огней как снаружи, так и внутри. Она вспомнила, как полтора года назад Люси строго наказывала выключать за собой свет, так как опекун очень внимательно следит за тратами на содержание дома.

Они подошли к огромной парадной двери.

– Твой отец был богат, как Крёз, и прижимист, как Гобсек, – припомнила Пенни. – Очень печально. Должно быть, деньги были единственной радостью в его жизни. – Это была чистая правда, но никогда еще Нику не высказывали ее в лицо. – Думаю, его хватил бы удар, если бы он увидел такую иллюминацию.

С этими словами Пенни вошла в дом.

Джилиан, няня, была молода, добродушна и великолепно управлялась с детьми. Только в высшей степени привередливую и властную мать не удовлетворила бы ее помощь, с сожалением подумала Пенни. Одна из спален на втором этаже была переоборудована в детскую, и Алан даже не проснулся, когда его укладывали в удобную кровать. Поскольку Джилиан спала в смежной гардеробной, Пенни пожелала ей спокойной ночи и вышла в коридор.

Было уже полночь, и Пенни смутило то, что экономка терпеливо дожидалась ее появления. Еще больше усилив смущение молодой женщины, та сообщила, что одежду уже распаковали, при этом Пенни внутренне замирала каждый раз, когда к ней обращались как к замужней женщине. Но больше всего потрясло то, что экономка, остановившись у спальни Ника, открыла дверь и отступила в сторону. Всю свою шестинедельную семейную жизнь Пенни провела в спальне в конце коридора, куда ее сослал муж. Пенни и в голову не могло прийти, что на этот раз все будет иначе. Впрочем, у нее и времени не было, чтобы подумать об этой стороне своего пребывания здесь в качестве жены Ника. Одна из спален рядом по коридору будет в самый раз, решила она.

Однако, вместо того чтобы пройти мимо открытой двери. Пенни помедлила и вошла. В огромной помпезной комнате внимание сразу же привлекала кровать под балдахином на позолоченных столбиках, стоявшая на возвышении. Ник спал на этом невероятном ложе с восьмилетнего возраста. Обстановку дополняли изящная старинная мебель, картины и гобелены на мифологические сюжеты.

- Ник никогда не был похож на других детей, - однажды поведала ей Люси. - Он был серьезным мальчиком.

А что еще ему оставалось? Единственный ребенок, родители которого жили каждый своей жизнью в разных крыльях здания и даже встречались редко!

Кара Блейн погибла в автомобильной катастрофе вскоре после того, как Пенни познакомилась с ней. Из рассказов Люси выяснилось, что мать Ника была столь же расточительна, сколь скуп был его отец, но обоих роднила исключительная черствость. Разве удивительно, что Ник, чьи порывы подавлялись с самого детства, вырос таким замкнутым, таким сдержанным в проявлении чувств?

И все же Пенни помнила времена, когда Пику случалось преодолевать собственные барьеры - ради нее. Он утешал ее, когда в девятилетнем возрасте Пенни разлучили с матерью. И он делал это еще раз - когда ей было восемнадцать...

Воспоминания влекли Пенни к ее последнему посещению этого дома. Люси, которая ни о ком даже подумать плохо не могла, изо всех сил старалась убедить девушку, что смертельно больной отец Ника на редкость заботливый человек и у Пенни в их прошлую встречу просто сложилось о нем неверное представление. Однако добрая женщина старалась впустую.

Вскоре после их приезда Пенни пригласили в комнату опекуна для беседы с глазу на глаз.

- Очень хорошо, что ты не прижилась в нашей семье, - сказал Эдгар Блейн, глядя на нее со скепсисом и неодобрением.

- Я так благодарна вам за все, что вы сделали для меня...

- Благодарю Ника. Это он пожалел тебя, - возразил старик. - Я не собирался становиться твоим опекуном, когда посылал его в Лос-Анджелес. Но когда мальчик впервые увидел твою мать, та была так пьяна, что едва стояла на ногах. Мне просто пришлось исполнить свой христианский долг.

Сраженная жестокой прямоотой, Пенни возмущенно вступилась за мать.

- В тот день она была сама не своя из-за того, что приходилось отдавать меня чужим людям. Обычно мама себя так не вела!

- Твой отчим был сентиментальной тряпкой. Отца своего ты не знаешь, а твоя мать - пьяница, - повторил Эдгар Блейн с презрением и отвращением. - С такой жалкой, постыдной биографией, как ты смеешь поднимать на меня голос?!

Униженная и расстроенная Пенни покинула поле боя. Она укрылась в лесу, окружавшем дом, чтобы поплакать в одиночестве. Там, куда девятью годами раньше увел ее Ник, чтобы рассказать о Люси, особо упирая на то, как ей грустно и одиноко, с тех пор как она лишилась мужа. Он так преуспел, что, только став намного старше, Пенни поняла, в каком неоплатном долгу перед этой женщиной...

Поэтому-то тогда именно Ник догадался, где нужно ее искать. Часом раньше она видела, как подлетал его вертолет, и поняла, что скоро ее хватятся, но не могла заставить себя вернуться туда, где предстояло сидеть за обеденным столом с Люси, Ником и теми, кто еще жил в этом огромном доме.

Спортивный автомобиль затормозил на обочине дороги, проходившей в нескольких ярдах от реки. После целого дня напряженной работы и дальних переездов Ник, вышедший из машины, был свеж и элегантен в своем великолепно сшитом сером костюме.

Ничто не предвещало последовавшей за этим эмоциональной сцены. Всегда окруженный аурой отрешенности и самодостаточности, Ник, казалось, был недоступен для обычных человеческих чувств. Когда он подошел к Пенни, солнечные лучи, проникшие сквозь густую листву деревьев, осветили его темные, бездонные глаза. Для Пенни это оказалось сродни удару молнии. Он был так великолепен, что у нее перехватило дыхание.

- Мой отец очень болен, - натянуто проговорил Ник. - Прикованный к постели, он страдает от бездействия и бессилия. К сожалению, он имеет привычку срывать зло на тех, кто не может за себя постоять. Я должен принести свои извинения...

- Твой отец презирает меня. Считает меня худшей из худших!

- Это не так, - убежденно возразил Ник.

И Пенни почувствовала, как ему хочется, чтобы она поверила этому неправдоподобному утверждению, с каким трудом он преодолевает свою невероятную сдержанность, пытаясь одновременно и объяснить, и оправдать произошедшее в спальне отца.

- Моя мать не пьяница! - воскликнула Пенни, подходя ближе в отчаянном порыве убедить его. - А мой отчим, хоть и игрок, но был чудесным, чудесным человеком!

Ник смотрел на нее с нескрываемым напряжением.

- Значит, все это на моей совести. Если бы я не был столь откровенен с отцом, вернувшись из Лос-Анджелеса, тебя бы не разлучили так надолго с матерью.

- Нет, твоей вины здесь нет. Ты не знал ее. Неудивительно, что у тебя сложилось превратное впечатление. Но то был единственный раз, когда я видела мать в таком состоянии.

От переполнявших ее эмоций Пенни разрыдалась. Ник вытянул вперед руки и очень медленно и осторожно, словно недавно ослепший человек, с трудом нащупывающий дорогу, привлек ее к себе. Между ними еще оставался добрый фут пустого пространства, и Пенни быстро преодолела его. Ник оказался не податливее живой дышащей скалы.

- Думаю, пора предоставить тебе возможность заново познакомиться с твоей матерью, - пробормотал он.

Мягко отстранив ее от себя, Ник восстановил дистанцию, но тут же лишился этого преимущества. Пенни снова бросилась ему на грудь и вопросительно, с надеждой посмотрела прямо в глаза.

- Ты действительно знаешь, где Лиз?

- Да. Тебе уже восемнадцать. Строго говоря, отец больше не является твоим опекуном. Если хочешь встретиться с матерью, я это устрою.

- Ты говоришь серьезно?

- Я не даю невыполнимых обещаний.

И именно в этот момент Пенни по уши влюбилась в Ника Блейна. В момент, когда представила, как прекрасно мог бы сочетаться ее неукротимый темперамент с его сдержанностью. В момент, когда приоткрылась тщательно скрываемая уязвимость этого крайне несчастного человека, лишенного детства.

Она видела только, что Ник невероятно добр и сочувствует ей. Она не знала, что он поставил себе задачей убедить ее простить своего отца и остаться. Зачем? Эдгару Блейну необходимо было успокаивающее присутствие Люси. Если бы Пенни решила возвратиться в Нью-Йорк, привязанности к семье Блейн могло бы не хватить на то, чтобы удержать Люси в Техасе...

За ее спиной тихо скрипнула половица, и Пенни вздрогнула, очнувшись от воспоминаний. Она с изумлением обнаружила, что все еще стоит в огромной спальне Ника, где в ночь зачатия Алана не зажигала света, чтобы создать более интимную обстановку.

- Я думал, ты уже в постели.

Ник произнес это так легко, небрежно, словно они уже долгие годы делили спальню. Когда до нее дошел смысл сказанного, Пенни резко повернулась и с негодованием воскликнула:

- Ты думаешь, я буду спать здесь... с тобой?

Уголки его чувственного рта приподнялись в едва заметной улыбке.

- Почему тебя это так ужасает?

5

Пенни, широко раскрыв синие глаза, смотрела на Ника.

- Только без мелодрам, пожалуйста, - с мягкой усмешкой предупредил он, снимая пиджак и направляясь в гардеробную.

- Нам обоим будет неудобно в одной комнате! - Пенни сложила руки в молящем жесте. - Я перейду в соседнюю спальню...

- Это исключено, - очень спокойно ответил Ник.

Его высокомерное нежелание принимать возражения потрясло молодую женщину.

- Нам совсем ни к чему...

Черные глаза холодно сверкнули. И Ник ленивой походкой, в которой было что-то угрожающее, направился к ней.

- Послушай меня, - властно проговорил он. - Поскольку этим летом я нечасто буду появляться здесь, самое меньшее, что мы можем сделать для поддержания всеобщего заблуждения, - это жить в одной комнате. Когда придет время продемонстрировать иссякающий энтузиазм, ты сможешь перебраться в другую комнату - но не раньше.

- Люси даже в голову не придет интересоваться, как мы спим! - запротестовала Пенни. - Но это, разумеется, не пройдет мимо ее внимания. Я не умею притворяться. Я не актер, - с растущим нетерпением заявил Ник. - То, что мы спим в одной постели, будет единственным доказательством нашего примирения.

Пенни вздернула подбородок.

- Для меня более наглядным свидетельством было бы то, что ты приносишь домой цветы по пятницам. Не сомневаюсь, даже ты способен справиться с этим!

- Цветы - это по твоей части, - напомнил Ник. - Я получал по дюжине красных роз каждый день в течение нашего короткого брака. Их доставляли прямо к дверям моего кабинета с прикрепленной к букету маленькой, написанной от руки карточкой. Мои подчиненные прилагали немыслимые усилия, чтобы успеть прочитать эти карточки до моего прихода. Неужели думаешь, я забыл это?

Яркий румянец окрасил щеки Пенни.

- Если тебе придет в голову снова повторить этот романтический жест, не могла бы ты вкладывать карточку в конверт?

- Не волнуйся. Я никогда больше не буду посылать тебе цветов! - процедила она сквозь стиснутые зубы, мечтая поскорее закончить разговор. - Ладно, если уж мне суждено спать здесь, то я выбираю диван.

Ник окинул скептическим взглядом диван красного дерева, служивший не одному поколению его семьи, и ничего не сказал. Он знал, что это ложе не удобнее мраморной плиты.

Пенни отправилась в гардеробную и долго с шумом выдвигала и задвигала ящики в поисках своей одежды. Захватив ночную рубашку, она устремилась в ванную. Раздевшись, она дрожащими руками включила душ. Струи теплой воды немного расслабили ее напряженное тело.

Зато в воображении тут же всплыл образ Ника, каким она видела его несколько минут назад в спальне. Полурастегнутая шелковая рубашка приоткрывала треугольник золотисто-коричневой гладкой кожи на груди. Узкие бедра и длинные сильные ноги облегли серые брюки, покроем которых подчеркивал его мужественность. Предательское тепло, разлившееся по телу, заставило Пенни снова напрячься. Она стиснула зубы, ненавидя себя за слабость. Пенни стояла в его спальне, споря с ним и одновременно вождедая к нему. Это было отвратительно, непристойно!

Но Ник всегда заставлял ее испытывать нечто подобное. Все в нем будоражило ее чувства, пробуждая нестерпимый голод. Хриловатый глубокий голос, прекрасные глаза, чувственные

губы... Она слушала, она смотрела, а ее колени тем временем слабели от похоти. Похоть! Пенни с облегчением уцепилась за это слово. Разумеется, это уже не любовь – это похоть. Неутолимая, безумная, безнравственная жажда, которую необходимо сдерживать, подавлять, истреблять!

Она больше не будет сходить с ума при виде этой редкой улыбки, этих золотистых искорок в глазах, она забудет то ощущение маленькой победы, которое охватило ее, когда однажды он от души рассмеялся. Нет, не буду, ни за что не буду! – с жаром повторяла она про себя. Возможно, Ник и не очень доволен тем, что Алан, по его мнению, чужой ребенок. Но когда он узнает правду, ему станет еще хуже. Ей предстоит очень длинное, тоскливое лето, а завтрашний день, когда она сообщит, что отец Алана он сам, будет худшим в жизни...

Пенни вышла из ванной и замерла на месте. Сердце забилося словно в приступе сильнейшей тревоги. И было от чего! Ник, видимо, воспользовался другой ванной, и теперь его черные волосы блестели от влаги. Он снимал короткий шелковый халат. Пенни наблюдала через комнату, как легкая ткань скользит по одной из красивейших в мире мужских спин. Быстро отвернувшись и тем самым лишив себя возбуждающего зрелища, она пробралась к дивану и отбросила покрывало.

- Спокойной ночи, – сдавленным голосом проговорила Пенни.

Ник лег в кровать и расправил одеяло. Пенни напялила какую-то безразмерную майку с изображенными сзади и спереди розовыми кроликами. В этом наряде не было ничего соблазнительного. Но его тело, похоже, думало иначе. Пенни наклонилась, чтобы оправить импровизированную постель, и ее стройные ноги обнажились почти на всю длину, хлопковая майка откровенно обтянула маленькие крепкие ягодицы. Дыхание Ника участилось, и боль от неудовлетворенного желанья нахлынула с такой силой, что он стиснул пальцы. В нем снова вспыхнуло тлевшее негодование. Она намеренно провоцирует его. Пенни больше не та обожавшая его маленькая девственница, к которой он поклялся себе не прикасаться после нелепого бракосочетания.

- Школьница... – Прекрасное лицо Джордан кривила болезненная гримаса. – Мужчины, падкие на школьниц, отвратительны, не так ли? Но Пенни просто напрашивается. Эти большие щенячьи глаза смотрят на тебя, как на бога. Как ты можешь это терпеть?

На удивление легко.

Отвлеченный от этого воспоминания видом Пенни, поднявшей руки, чтобы встряхнуть влажные волосы, Ник замер. Майка туго обтянула маленькие груди, круглые и крепкие, как яблоки. Не тебе меня приручить, сказала она ему. Хитро! Ярость, которую он сдерживал два с половиной дня, разгорелась с новой силой. Пенни выставила себя на торги – что ж, он покупает! Почему бы и нет? Он быстро и без труда избавится от наваждения и пресытится ею задолго до конца лета. Ни одной женщине не удавалось удержать его дольше двух месяцев... А у этой, в безразмерной майке с розовыми кроликами, шансов намного меньше, чем у остальных.

Тишина звенела в ушах Пенни. Ее руки покрыла гусиная кожа, когда она легла на диван, мечтая только об одном, – чтобы Ник погасил свет. Тогда она сможет ненавидеть себя без свидетелей. Тупая боль в низу живота и чувствительность напряженных грудей были источником ужасных страданий. Пенни не решалась даже посмотреть в сторону Ника, поскольку ее желание достигло такого предела, что он наверняка заметил бы это. Ничто не

ускользает от его внимания. Он читает ее как открытую книгу, и особенно тогда, когда ей меньше всего хочется быть прочитанной.

- Ну ладно, а теперь, когда ты удостоила меня чести видеть товар лицом, я хочу, чтобы ты сняла майку. И забудь о диване. Я предпочитаю, чтобы остаток ночи ты провела со мной в постели, - с холодным цинизмом процедил Ник.

Не веря собственным ушам, Пенни очень медленно приподняла голову и попыталась разглядеть лицо Ника.

- П-прости? - беспомощно пролепетала она. Ник рывком поднялся с подушек.

- Не смей играть со мной, - предупредил он вполголоса, но очень убедительно. - Я не в настроении заниматься тем, что ты ласково называешь словесной прелюдией!

Пенни резко села, потянув на себя покрывало. В круге света от лампы, освещавшей огромную кровать, отчетливо видны были его жесткое, невероятной красоты лицо, напряженные мускулы широкой, загорелой груди. Он был пугающе прекрасен. И зол. Пенни просто кожей почувствовала его злость. Но почему он так злится? Чем она провинилась?

- Похоже, у тебя сложилось впечатление, что я провоцирую тебя, - покраснев, прошептала Пенни. Ее негодование на Ника подогревалось еще и тем, что она боялась выдать себя. - Но я не делала этого, честное слово... по крайней мере, сознательно...

- Тебя так же влечет ко мне, как и меня... к тебе, мой ангел, - нетерпеливо, с придыханием прервал ее Ник.

Пенни опустила глаза, не выдержав его пронизательного, вызывающего взгляда.

- Ты очень прямолинеен, тебе не кажется? Можно мне в свою очередь воспользоваться аналогией? Если бы я ела столько шоколаду, сколько мне хочется, то моя одежда скоро стала бы мне мала. Поэтому я себя контролирую, не желая без конца перешивать платья...

- О Боже, дай мне сил! - едва слышно прорычал Ник.

- Все именно так, желаешь ты это понять или нет, - настаивала Пенни, теребя пальцами край покрывала и не глядя на Ника, чтобы не потерять мысль. - Минувшей ночью нам следовало бы распрощаться с прошлым...

Ник громко застонал.

- Ты - это слишком много шоколаду, ты вреден для меня. А я не хочу соблазняться тем, что для меня вредно... и для тебя тоже.

Ник выпрыгнул из постели. Пока он преодолевал разделявшее их расстояние, Пенни сидела опустив голову и говорила все быстрее и быстрее.

- Я могла бы разозлиться на то, в какую форму ты облек приглашение разделить с тобой постель... Но я понимаю, что ты раздражен... Я, видимо, до сих пор кажусь тебе привлекательной. А может быть, ты устал или просто не привык просить у всех тех женщин, которые вешались тебе на шею... Что ты делаешь? - завопила она в изумлении. Ник обхватил руками ее талию и поднял Пенни в воздух.

- Я не вреден для тебя. Возможно, я самый полезный из всех мужчин, с которыми ты делила постель. Буду ли я столь же полезным, когда кончится это лето, не моя забота. Думай обо мне как шоколаголик, целиком отдавшийся своей страсти! Будь неистойвой! - хрипло настаивал он.

Пенни вспомнила, как хотела видеть его на коленях, изнемогающим от желания. Теперь же собственные ноги болтались в добрых полутора футах от пола. Нельзя сказать, чтобы он ее умолял, однако был весьма близок к этому. И было что-то в его изумительных черных глазах, от чего на Пенни нахлынуло желание прикинуться к нему, и...

Как только Ник заметил знакомый затуманившийся взгляд, на его лице вспыхнула улыбка удовлетворения.

- Побалуй себя мною, мой ангел, - пробормотал он, и все нервные окончания в теле Пенни словно запели.

- Я не могу... Не должна!

Ник опустил ее на свою постель с такой трепетной, нежной заботливостью, какой ей не приходилось видеть после той первой их ночи. Все мысли куда-то улетучились, и Пенни почти потеряла чувство реальности.

Ник посмотрел на нее горящим, страстным взглядом, и его красивое загорелое лицо вдруг посерьезнело.

- Разумеется, я буду заботиться о тебе и ребенке столько, сколько потребуется.

- Заботиться обо мне?

Реальность отступала все быстрее. Пенни дрожала, ее сердце неслось вскачь, и она почувствовала удивительный, знакомый аромат, исходивший от Ника.

- Конечно... Я также думаю подыскать тебе дом здесь, поблизости, - с чувственной хрипотцой шептал в ее полукрытые губы Ник. Пенни смутно понимала, что он говорит что-то необычайно важное. Дом здесь? Боже, неужели он... попросит ее остаться в доме Блейнов? О чем же еще он может говорить?

Волна чистой радости захлестнула Пенни, и от этой радости у нее окончательно спутались все мысли. Пальцы, скользнув по великолепным черным волосам, обхватили голову Ника.

- Тебе, наверное, это понравилось бы, - предположил он, наклоняя голову и легко, но с большой чувственностью касаясь ее губ.

Понравилось бы? Конечно! Голод, который он выразил одним поцелуем, раздул в ней настоящий пожар. Она страстно поцеловала его в ответ и с восторгом позволила своим ладоням скользнуть к могучим плечам Ника. «Мой! Мой! Мой!» - хотелось ей кричать во весь голос.

Ник откинулся на подушки, в его темных, пронизательных глазах промелькнула тень замешательства.

- Что случилось?

- Ничего... Совершенно ничего!

Пенни немного стесняла эта роскошная обстановка спальни, это яркое освещение, так как она знала, насколько искушен Ник. Она ужасно боялась сделать что-нибудь не так и все испортить. Ведь секс, должно быть, жизненно важен для Ника, если всего одна ночь с ней заставила его просить превратить их мнимое примирение в настоящее.

- Пенни... - Он коснулся ее низко склоненной головы. - Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я хочу сделать тебя счастливой...

- О, я уже на вершине блаженства, потому что...

«Просто обожаю тебя» - но она вовремя проглотила эти слова: нельзя слишком откровенно проявлять свои чувства. Одному Богу известно, как далеко ее это завело в прошлый раз!

- Тебе необходим кто-то вроде меня.

Запустив пальцы в ее волосы, Ник покрыл лицо Пенни поцелуями.

Намереваясь удостовериться, что необходима ему еще больше. Пенни робкой рукой скользнула вниз, по его упругому животу, и изумилась тому, как сразу напряглись его мышцы и как резко он выдохнул.

- Позже... - В черных глазах плясало золотистое пламя желания, однако он повернул к себе голову Пенни и прерывисто проговорил: - Сейчас мне нужно, чтобы ты выслушала и приняла два важных условия нашего соглашения.

- Условия?

- Я требую от тебя абсолютной верности на это время.

Ресницы взметнулись вверх, синие глаза распахнулись. Пенни изо всех сил старалась сосредоточиться, потому что Ник смотрел на нее с той мрачной серьезностью, которая всегда немного пугала ее.

- На это время? - прилежно повторила она, словно человек, знающий не больше пяти слов на иностранном языке и тем не менее старающийся принять участие в оживленной беседе.

- Это влечение неизбежно пройдет. - Пенни застыла. И Ник обхватил ее обеими руками за плечи, пристально глядя в обеспокоенное лицо. - С другой стороны, оно может длиться и годы, - тут же добавил он. - Но я должен сказать и о другом условии: тебе в качестве моей любовницы придется быть куда более осторожной, нежели тогда, когда ты была моей женой. Люси не должна будет ничего знать.

Пенни с огромным трудом постигала смысл этого заявления, поскольку мозг ее работал крайне медленно. А когда стало понятно, что это - решающий для ее жизни и счастья момент, и вдруг осенило, что будущее не сулит ничего, кроме боли и разочарования, ей расхотелось думать вообще.

Однако сознание продолжало проясняться с ужасающей быстротой. Она неправильно поняла Ника! И не было ли это непонимание результатом того, что она слышала только то, что хотела услышать? Ей так хотелось верить, что Ник стремится восстановить настоящий брак! Но у него не было такого намерения. Он по-прежнему хотел развода.

И все же, несмотря на это, обдумывал возможность оставить ее здесь в качестве любовницы. Любовницы? Это просто эвфемизм. Без любви она будет для него просто сексуальным партнером, если не хуже. Неужели Ник считает, что она до такой степени цепляется за него? Обида, словно саван, окутала Пенни, охладив разгоряченное тело, заставив его онеметь.

- Отпусти меня, - дрожащим голосом попросила она.

- Да, мне придется взять эту проклятую трубку, иначе телефон взорвется.

- Телефон? - заморгала Пенни и только теперь услышала трели звонков.

Завернувшись в простыню, Ник с каменным лицом выслушал говорившего на другом конце провода и, прикрыв ладонью трубку, спросил:

- Сказать Джонни, что тебя нет?

- Нет!

Пенни, словно подброшенная пружиной, вылетела из постели и подбежала к нему, как будто от этого телефонного звонка зависела ее жизнь.

В каком-то смысле так оно и было. Ник придержал трубку, к которой Пенни уже протягивала руку, и сухо заметил:

- В холле есть параллельный аппарат.

6

- Джонни... О, Джонни! - чуть не прорыдала она в трубку, оказавшись в гигантском парадном холле.

Пенни мерила шагами мраморный пол, благо длинный провод позволял это.

- Я буду честна с тобой, Джонни. Ник по-прежнему мне безразличен. Все, что я могу тебе предложить, - это дружба, а тебе, наверное, она ни к чему...

- Да ты никогда и не предлагала другого, - тяжело вздохнул Джонни. - Ты всегда была очень сдержанной.

В этот момент Ник, завязывая на ходу пояс халата, вышел на галерею как раз над тем местом, где с трубкой в руке вышагивала Пенни.

- Я очень благодарна тебе за то, что ты все еще слушаешь меня. Я так люблю тебя за это! - призналась Пенни, чувствуя, как к глазам снова подступают слезы. - Ты вышла замуж за настоящую крысу!

- Я знаю, что он крыса, но, может быть, в этом-то и заключалось очарование, - пробормотала Пенни. - Мне казалось, что в нем есть и многое другое. Но теперь я поняла, какой глупой была. В конце концов, все к лучшему, ведь правда? Я не подслушиваю, сказал себе Ник. Я нахожусь в собственном доме и слышу, как моя жена признается в любви другому мужчине. Она любит его! Так, как когда-то любила меня?! Ему хотелось разбить этот проклятый телефон вдребезги. Пенни - его жена! Повернувшись на пятках, он зашагал прочь. Ник знал только одно: он не хочет больше ничего слышать!

Странное ощущение холода и пустоты стало постепенно охватывать его. Ему это не понравилось. словно большая черная туча всплывала из глубин сознания. За двадцать четыре часа Пенни сумела так завладеть его чувствами и воображением, что Ник не мог больше контролировать себя. Это не понравилось ему еще больше. Но не обращать внимания на пропасть между тем, что он думает, и тем, что делает, нельзя. Как иначе можно объяснить обращенную к Пенни просьбу стать его любовницей? Откуда взялась эта безумная идея? Когда в его трезвую голову мог закрасться столь далекий от реальности замысел? Это полное безумие. Он хочет развода. Он не хочет, чтобы Пенни оставалась его женой. Его совсем не волнует то, что она любит другого. Он просто хочет убить этого другого... убить ее. Нет, не ее - его! Черная туча все разрасталась; Ник не мог сосредоточиться, на его лбу выступил пот. В приступе ярости он стиснул кулаки, ощущая тревожную неуверенность. Ему необходимо выпить! Пенни положила трубку. Единственное, о чем она могла думать, - это о том, какой идиоткой была, хотя бы на мгновение вообразив, что Ник хочет возобновления их брака. Вместо этого он предложил стать его любовницей. Но чего еще она могла ожидать от него? Ведь он до сих пор не знает, что Алан его сын! А это роковым образом сказывается на их отношениях. О Боже, какие отношения?! - с горечью спросила у себя Пенни, обхватив голову руками.

Той зимой, полтора года назад, Ник организовал первую после долгой разлуки встречу Пенни с матерью в своей городской квартире. Потом пригласил девушку на ланч. Она не знала тогда, что в его жизни уже есть женщина - Джордан Брэм.

- Думаю, я влюбилась в тебя, едва увидела снова, - заявила она за ланчем. Ник ответил ей только пристальным взглядом.

- Ничего сильнее этого чувства я никогда не испытывала, - срывающимся голосом продолжала Пенни. - Ты, наверное, сражаешь женщин наповал своей красотой, но мне больше всего бросилось в глаза твое одиночество...

- Я никогда не был одинок, - сухо возразил ей Ник. - Не думаю, что ты кого-нибудь подпускаешь к себе близко. Я наблюдала за тобой. Ты замораживаешь людей, и ничего не можешь с собой поделать. Любое слишком личное или эмоциональное проявление - и тебе немедленно хочется убежать подальше. Как сейчас. Ты хочешь только, чтобы я заткнулась, и думаешь, как бы уйти, не ранив моих чувств, - виновато проговорила она. - Что ж, спасибо за то, что хотя бы выслушал. Можешь уходить, если хочешь.

Ее слова ненадолго задержали Ника. Пенни на это и рассчитывала, но почувствовала угрызения совести, увидев, как крепко сжал он ножку бокала своими длинными сильными пальцами.

- Ты совсем еще ребенок... - начал он.

- Нет, я не ребенок. Я кажусь тебе ребенком потому, что говорю вслух вещи, которые ты не простонал бы и под пыткой. Прости, но это единственный способ достучаться до тебя. Ты ведешь себя так, как если бы мы были вместе, - застенчиво добавила она. - Ты не замечал этого? А я заметила, как ты смотришь на меня, а потом отводишь взгляд, словно делаешь что-то недозволенное, и...

- Довольно! Ты достаточно наговорила. - Встав со стула, Ник грозно посмотрел на нее с высоты своего роста. - Если тебя все это не смущает, то меня - да.

- Знаю. Но когда любишь кого-то так, как я люблю тебя...

- Что ты знаешь о любви в твоём возрасте? - с убийственной иронией протянул Ник.

- Знаю - даже больше, чем ты. Думаю, ты ни разу в жизни не был влюблен, - парировала Пенни. - Любовь - это беспорядок, а ты - воплощенный порядок. Любовь может потребовать от тебя делать то, что тебе не нравится, и тратить время на...

Схватив Пенни за руку, в то время как она отлично видела, что ему отчаянно хочется ее обнять. Ник потащил девушку к выходу из роскошного ресторана, не обращая внимания на устремленные вслед изумленные взгляды. Когда они оказались на тротуаре. Пенни прошептала:

- Я и не надеялась на ответное чувство. Но может быть, тебе теплее будет жить на свете, зная, что кто-то любит тебя?

Сверкая черными глазами, Ник затолкал ее на заднее сиденье машины.

- Единственное, что не дает тебе покоя, - это гормоны...

- Нет, даже если я никогда, никогда не буду спать с тобой, ты все равно не станешь мне безразличен! - горячо заявила Пенни.

Ник окинул ее еще более холодным взглядом. Она становилась все краснее и краснее и наконец опустила голову.

- Прости. - Пенни поколебалась, а потом снова ринулась в бой: - Теперь ты будешь избегать меня, да? Я этого не вынесу!

- Разумеется, я не буду избегать тебя, - нетерпеливо возразил Ник. - Но мы больше не будем говорить об этом. Понятно?

На той же неделе Ник взял Люси и Пенни на обед, который устраивали его друзья. Среди гостей была и Джордан Брэм, сидевшая рядом с Ником и непрерывно что-то говорившая ему. Джордан - с ее бесконечными ногами, золотистыми волосами, прелестным лицом и гибким изяществом. Пенни было так плохо, что она не могла есть.

- Расскажите, что вы знаете об этой Джордан, - потребовала Пенни у Люси позже вечером. Люси виновато потупилась.

- Кажется, когда-то она была актрисой. - Пожилая женщина замялась. - Не знаю, как иначе сказать это, Пенни... В общем, Джордан - подруга Ника и продолжает быть ею уже некоторое время.

- Его... подруга?

На Пенни, казалось, обрушились небеса.

- Не смотри на меня с таким ужасом, Пенни. У мужчин это принято. Ник, конечно, ни когда не попросит ее принимать гостей в своем доме, но открыто появляется с нею повсюду. Джордан пригласили сегодня вечером ради него. Она живет в нескольких милях отсюда.

Бледная как смерть Пенни выслушала объяснения Люси и издала нервный смешок.

- Жаль, что вы не сказали мне о ней раньше.

- Я не хотела оттолкнуть тебя от Ника, - с грустью призналась Люси. - Осознает он это или нет, но Ник очень сильно увлечен тобой. Твое тепло притягивает его, как магнит. Когда Ник входит в комнату, первый, на кого он смотрит, - это ты. А если тебя нет, он не успокаивается, пока не выяснит, что с тобой.

- Но у него уже есть Джордан...

- Ну, если ты не в силах смириться с тем, что у мужчины, которому за тридцать, имеется некоторый сексуальный опыт, можешь отказаться от него. Однако это было бы большой глупостью. Если в скором времени он не встретит девушку, которая не побоится преодолеть его отчужденность и сдержанность, Ник, вероятно, станет столь же несчастным человеком, как и его отец.

Разве удивительно, что, имея такую горячую постоянную поддержку, Пенни продолжала любить Ника до безумия? Хотя Люси знала все о ее чувствах к Нику, матери, которая тогда снимала квартиру в Хьюстоне, Пенни не сказала ничего. Твердо решив не иметь ничего общего с Блейнами, Лиз даже отказывалась навещать дочь в их доме. Любовь к Нику Блейну показалась бы ей предательством со стороны Пенни, поэтому та хранила молчание.

Но вмешался рок. У Эдгара Блейна случился сильный сердечный приступ, и его срочно увезли в больницу в сопровождении Люси. В суматохе Пенни совсем забыла, что в тот день должна была навестить мать.

Ник вернулся из больницы совершенно разбитый.

- Хочешь поговорить о том, что чувствуешь? - участливо спросила у него Пенни.

- Нет.

- Но не оставлять же тебя в таком состоянии одного! - Вцепившись в рукав Ника, чтобы не дать ему уйти, как он обыкновенно поступал, когда она слишком близко подбиралась к нему, Пенни с мольбой посмотрела ему в глаза. - Что я могу сделать, чтобы тебе стало лучше?

Черные глаза сверкнули.

- Уйти!

- Ник, пожалуйста...

И вдруг он грубо схватил ее за руки и жадно приник к губам горячим твердым ртом. Пенни была поражена, но эта вспышка страсти раздула в ней настоящий пожар. Ей казалось мало того, что предлагал Ник, и она, как лоза, обвилась вокруг него. К тому моменту, когда Лиз в сопровождении экономки вошла в библиотеку, Пенни, казалось, каждой клеточкой своего тела срослась с телом Ника.

Последовала ужасающая сцена. Лиз выкрикивала нелепые обвинения и угрожала сообщить обо всем в газеты. Когда она наконец вылетела из библиотеки, Ник, который ни слова не сказал в свою защиту, повернулся к корчившейся от стыда Пенни.

- Нам придется действовать быстро, чтобы опередить твою мать.

- Она ничего не сделает, все это только слова!

- Лиз очень озлоблена, а для меня теперь самое важное - сохранить душевный покой отца. Грязный скандал может убить его. Поскольку я спровоцировал ситуацию, я и должен позаботиться о том, чтобы она не имела развития, - сохраняя бесстрастное выражение лица, заявил Ник.

- Единственный способ избежать этого - как можно скорее жениться на тебе.

- Ж-жениться на мне? Ты просишь...

- Это будет ненастоящий брак, - сухо заметил Ник. - Когда надобность в обмане отпадет, мы его аннулируем. Так что не перевозбуждайся, мой ангел. Ничего не изменится.

Пенни стиснула дрожащие руки.

- У меня будет обручальное кольцо?

Ник неохотно кивнул.

- А подвенечное платье?

- Нет.

- Что плохого в том, если это будет выглядеть как настоящая свадьба?

- Не хочу давать лишней пищи твоему необузданному воображению.

Они поженились в Хьюстоне. Состоялась гражданская церемония, на которой, кроме них, присутствовали только Люси и адвокат Ника. Это был не тайный брак, но и широкой огласке его не предавали. А поскольку Эдгар Блейн серьезно заболел, людей могла удивить только поспешность, но не скромность бракосочетания.

Свекор попросил ее о встрече после свадьбы, на которой по состоянию здоровья присутствовать не мог.

- Я и не подумаю подвергать сомнению выбор Ника, - вздохнул старик, удивив Пенни этим заверением, и в то же время окинул невестку угрюмым, недовольным взглядом, который убедил Пенни в том, что мир не перевернулся с ног на голову. - Надеюсь, у меня найдутся дела получше, чем вмешиваться в личную жизнь сына.

Когда мысли Пенни добрались наконец до разрушившей все иллюзии первой брачной ночи, она вдруг обнаружила, что все еще стоит босыми ногами на холодном мраморном полу. Однако воспоминания влекли ее все дальше и дальше...

Некоторое время спустя Ник, в результате небольшой автомобильной аварии, попал с сотрясением мозга в отделение скорой помощи. Пенни в панике устремилась к нему. Отказавшись оставаться в больнице на ночь, Ник вернулся с ней домой. Она подняла вокруг него невообразимую суматоху, настояла на том, чтобы он лег в постель, и сахарной водой пыталась лечить его головную боль. Той ночью все и случилось...

Сейчас она краснела от стыда, вспоминая, каким ребенком была всего полтора года назад. Пусть сейчас глубокая ночь, но пора наконец внести ясность в свои отношения с Ником! Хотя бы в том, что касается их ребенка. Дальше держать его в неведении просто нечестно.

Но когда Пенни вернулась в спальню, Ника там не было. Слишком взбудораженная, чтобы

вернуться в постель, Пенни натянула джинсы и майку и отправилась на поиски. Тревожные мысли, не отставая ни на шаг, следовали за ней. Почему она никогда не переставала желать того, чего Ник просто не в состоянии ей дать? Почему шла на поводу у своих чувств? Почему обманывала себя, говоря, что достаточно сильна для того, чтобы провести еще одну, последнюю ночь с Ником? Эта ночь снова поселила в ее душе полную неразбериху. Эта же ночь убедила Ника в том, что ее устроит и секс, если она не может заполучить любимого иным способом. А Ник, всегда остававшийся дельцом, не мог не воспользоваться плывущей ему в руки удачей.

Вместо того чтобы распускать нюни ей следовало бы просто взять одну из тяжелых бронзовых ламп, украшающих холл, и дать ему по голове! Пенни дошла уже до точки кипения, когда увидела полоску света, выбивавшегося из-под двери библиотеки. Немного помедлив, она вошла. Ник стоял у окна с бокалом бренди в руке, распахнутый темно-зеленый халат открывал слегка поросшую шелковистыми волосами груди, подбородок покрывала темная щетина. Пенни еще никогда не видела мужа таким.

- Иди спать! - бросил он.

Хотя свет настольной лампы под абажуром оставлял в тени лицо, Пенни сразу почувствовала напряжение Ника и остановилась в нескольких футах от него. Под загорелой кожей обозначились желваки, опасный огонь мелькнул в его глазах прежде чем он опустил ресницы.

- Хоть раз сделай, как я прошу! - проскрежетал Ник, едва сдерживая гнев.

Отступив на шаг, Пенни с искренним изумлением посмотрела на него.

- Тебя-то что так злит? Ведь не я затеяла эту историю с Люси!

- Моя злость родилась не вчера. Не было никакой «истории» до тех пор, пока ты не вбила себе в голову, что влюблена в меня!

Эта внезапная атака заставила Пенни побледнеть.

- Пока не женился на тебе, я видел только твою молодость и беззащитность. Я и не догадывался, как далеко ты способна зайти ради того, чтобы получить желаемое! - Горящий гневом взгляд впился в ее лицо. - Мне нужно было пресечь в корне первую же твою попытку опутать меня! Но я боялся тебя обидеть. А ты играла на этом...

- Нет... - Пенни сделала неуверенное движение рукой. - Не преднамеренно...

- Я думал, что ты славная и совершенно безобидная. - Ник издал горький смешок. - А ты прошла по моей жизни словно вражеский танк!

Пенни потрясенно застыла на месте. Ник отбросил всю свою сдержанность и впервые заговорил о себе! Гнев и горечь, звучавшие в его словах, потрясли ее.

- Я пьян... - мрачно подтвердил Ник, словно отвечая на невысказанный вопрос.

Ник - пьян? Это поразило ее еще больше. Он не выглядел пьяным, но ему явно не доставало обычного холодного самообладания. Он сравнил ее с вражеским танком. Пенни попыталась улыбнуться, но не смогла. Потрясение было слишком сильным, а внутри нарастало еще и чувство вины.

- Ни один мужчина не остался бы равнодушным к тебе той зимой. - Прищуренные черные глаза смотрели на нее с нескрываемым осуждением. - Ты была очень хороша. Я всегда осознавал твою привлекательность, но старался сохранять дистанцию.

- Ник, я не зн...

- Я пошел против воли отца, снова сведя тебя с матерью. И что я получил в награду?

При этом странном вопросе у Пенни ёкнуло сердце.

- Один паршивый поцелуй, который привел к тому, что мне пришлось жениться, - проскрежетал Ник, побледнев от ярости при воспоминании об этом.

- Пожалуйста, не говори больше ничего, Ник! - в отчаянии взмолилась Пенни. - Если бы можно было повернуть время вспять и все исправить, я бы сделала это... Поверь мне! Я была просто одержима тобой и не могла ни справиться с этим, ни понять, насколько эгоистична.

- Ты дождалась, пока я получил сотрясение мозга, - сквозь стиснутые зубы продолжил Ник. - А потом залезла ко мне в постель, когда я спал. Насколько низко могут пасть женщины!

Полными слез глазами Пенни смотрела на ковер. Ее бывшее поведение в восприятии и изложении Ника казалось еще более непростительным. Однако после той ночи она судила себя не менее сурово. Именно поэтому и уехала.

- А когда я наконец решил сказать тебе, что ни одна женщина не удержит меня при помощи секса, что сделала ты? - рычание Ника понизилось до шипящего свиста.

- Единственное, что могла сделать - я ушла, - убито проговорила Пенни.

Этот ответ заставил Ника содрогнуться.

- Ты ушла, - срывающимся голосом повторил он. - Ты не просто ушла!

Пенни изумленно посмотрела на него.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты оставила письмо, в котором сообщила, что не можешь жить без меня, а потом словно растворилась в воздухе! - выпалил Ник ей в лицо, буквально уничтожив Пенни силой своего гнева.

- И что здесь такого?

- Что здесь такого?! - с недоверием выдохнул Ник, распространяя вокруг себя волны черной злости. - Я подумал, что ты побежала топиться! Я прочесал сетью это проклятое озеро, я заставил спуститься на дно водолазов!.. Если ты засмеешься... если ты засмеешься... - хрипло предостерег ее Ник.

Но Пенни уже представила, какую тревогу должен был испытывать Ник, чтобы предпринять столь беспрецедентные поиски. Нет, ей совсем было не смешно.

- Тебе даже в голову не пришло, что я могу волноваться за тебя. Тебе даже в голову не пришло хотя бы раз за все эти месяцы позвонить мне и сказать, что с тобой все в порядке!

Резко отвернувшись от нее. Ник швырнул бокал с бренди в камин, где тот с грохотом разлетелся на мелкие кусочки.

Глубоко потрясенная Пенни не могла оторвать глаз от сверкающих осколков.

- Я... я не думала...

- Ты никогда не думаешь. Ты живешь так, словно каждый твой день - последний. Ты не оглядываешься назад, ты не заглядываешь вперед, ты просто поступаешь в соответствии со своими чувствами, - ледяным тоном заявил Ник, явно растерявший свой пыл.

Пенни, мертвенно бледная, стояла, согнувшись под тяжестью обвинений, которые обрушил на нее Ник. Безответственная, эгоистичная, легкомысленная. Ей, казалось, не было оправдания. Она бросилась ему на шею. Она позволила ему жениться на себе, в то время как могла попытаться убедить мать не выполнять свои угрозы. За короткое время их совместной жизни она так и не смирилась со своим очевидным поражением. Но, как это ни удивительно, в глазах Ника, похоже, самый страшный ее грех - это то, что она исчезла.

- Иди спать... Уже три часа.

Пенни так и не сказала ему об Алане... Теперь необходимость сообщить ему о сыне казалась ей сродни смертному приговору. Если он и не возненавидел ее еще, то находится на волосок от этого. Пенни поняла, насколько терпимо относился к ней Ник. А терпение не являлось его врожденной добродетелью. На самом деле было просто непостижимо, почему он, при своей репутации, позволил какой-то девчонке причинить себе столько хлопот...

- Да, вот еще что, - ровным тоном произнес Ник, прервав ее размышления. - Я говорил о покупке дома для тебя здесь... Это был дурацкий порыв, и я прошу прощения за то, что сделал столь необдуманное предложение.

Пенни чувствовала себя так, словно получила пощечину. Его извинения были, несомненно, искренними. Очевидно, один внимательный взгляд на катастрофические последствия их совместной жизни излечил его от малейшего желания продолжать отношения с ней в какой бы то ни было форме. И Пенни никак не могла его в этом винить.

Ник смотрел, как Пенни покидает комнату, словно бы ничего не видя перед собой, и гадал, почему ему не стало легче. Почему вдруг почувствовал себя одним из тех, кто способен обидеть ребенка или животное. Он спрашивал себя, почему ему, которому свойственно в высшей степени круто обращаться с окружающими, потребовалось полтора года копить злобу, прежде чем сорвать ее на Пенни? Однако природные задатки все же возобладали, усмехнулся он и поморщился, заметив, как Пенни, прежде чем выйти, ударила плечом о дверной косяк.

Поднявшись наверх, она прямо в одежде упала на диван. Собственная жизнь вдруг показалась ей безрадостной, унылой пустыней. Ник готов возненавидеть ее, и вряд ли у него есть основания относиться к ней лучше. Окончательно измученная, Пенни на четыре часа провалилась в сон, который не принес облегчения.

Когда она проснулась, кровать под балдахином была пуста. Семь часов утра. Пенни направилась в ванную, на ходу снимая одежду. Быстро помывшись, она натянула черное шелковое платье, которое мать подарила ей на день рождения. Вполне подходящий к случаю траурный наряд.

Зажав в руке свидетельство о рождении сына, она направилась вниз. Ступая все медленнее и медленнее, Пенни вошла в роскошную столовую. Ник сидел в одиночестве за дальним концом полированного стола. Он опустил газету, и стали видны непроницаемые темные глаза и мрачное красивое лицо. Безупречный в своем серебристо-сером костюме и бордовом шелковом галстуке, он выглядел зловеще. Но все равно его вид заставил сердце Пенни забиться быстрее.

- Не ожидал увидеть тебя так рано, - холодно заметил он.

- Я... Мне нужно поговорить с тобой, прежде чем ты уедешь.

Глубоко вздохнув, Пенни заставила себя преодолеть бесконечное расстояние от одного конца стола до другого, где сидел Ник.

Сложив газету, он с непринужденной грацией встал.

- Боюсь, ты опоздала. Я уже ухожу.

- Ник, вот свидетельство о рождении Алана, - почти прошептала бледная как смерть Пенни.

- Не понимаю, какой интерес оно может представлять для меня.

Не удостоив документ даже взглядом, Ник прошагал мимо нее к двери.

Пенни повернулась ему вслед так резко, что почувствовала боль в одеревеневшей спине. - Алан родился не шесть месяцев назад, Ник. Ему уже год... Он просто выглядит так, потому что появился на свет недоношенным.

Ник нахмурившись обернулся.

- С какой стати ты говоришь все это мне?

- Алану двенадцать месяцев, понимаешь? - упавшим голосом продолжила Пенни. - Той ночью... Ну, когда я, выражаясь твоими словами, залезла к тебе в постель... В общем, та ночь имела последствия. Мне действительно очень жаль.

7

Ник посмотрел на Пенни, рассеянно отметив, что на ней какая-то черная рубашка и что она кажется словно бы потухшей.

Двенадцать месяцев... Год?! Он что же - карлик?! Что там она сказала? Недоношенный? То есть, выражаясь человеческим языком, родился преждевременно? У него что-то не так? Может быть, он болен? Мгновенно вспыхнувший в сознании образ беспомощного маленького существа, над которым нависла угроза, заставил его побледнеть.

- Он твой сын, - дрожащим голосом проговорила Пенни. - Следовало бы сказать об этом, как только я поняла, что ты думаешь иначе. Но меня очень потрясло и разозлило твое предположение, что он родился от кого-то другого! А поскольку тебя, казалось, это не слишком огорчило, я решила не рассеивать твоего заблуждения.

- Мой сын... - с отрешенным лицом повторил Ник. - Что с ним случилось? Он болен?

Теперь настала очередь смутиться Пенни.

- Нет, конечно нет. Сейчас уже все хорошо, и он быстро нагоняет сверстников. Ник, ты понял, что я тебе только что сказала?

- Ты сказала, что он мой сын, - повторил Ник с прежним выражением на лице, хотя его черные брови уже начали сдвигаться.

- Не понимаю, с чего ты взял, что это не так...

- Бухгалтер Люси сообщил мне, что его выписали из больницы осенью. Он решил, что малыш только что родился... конечно же.

Его голос обрел обычную силу, а на лицо вернулось мрачное выражение. Для Пенни, у которой нервы были натянуты как струны, последовавшее молчание показалось невыносимым.

- Я был зол как черт, - наконец пробормотал Ник.

Пенни наблюдала за ним с растущим напряжением, готовясь к внезапному взрыву. Он пришел в движение, и Пенни вздрогнула, но тут же с изумлением поняла, что Ник направляется к экономке, стоявшей в холле перед открытой дверью, в ожидании всегда пунктуального хозяина.

Ник вспомнил о том, как Пенни каждое утро провожала его, независимо от того, насколько рано он отправлялся на работу и насколько плохим было его настроение. Светская болтовня за завтраком была не в его привычках. Но на Пенни красноречивое молчание мужа не производило никакого впечатления. Она протягивала ему булочки, наливала кофе с возмутительной бесцеремонностью и радостно щебетала, ничуть не смущаясь односложными ответами.

Значит, его все же ожидает будущее с помятыми булочками... Что ж, такова жизнь, вздохнув, подумал Ник. Похвалив себя за самообладание, не говоря уж о замечательном хладнокровии в критическую минуту, Ник сообщил экономке, что не летит в Хьюстон, и решил пройтись.

Он глубоко вдыхал свежий воздух, пытаясь побороть возмутительное ощущение легкости, охватившее его. Если бы он считал себя эмоциональным человеком, то, наверное, определил бы свое состояние, как потрясение, смешанное с невероятным облегчением. Но поскольку Ник был абсолютно чужд самоанализу и рассуждал в терминах причин и следствий, то отнес все на счет злоупотребления алкоголем несколько часов назад.

Шагая по направлению к ангару, он погрузился в еще более приятное осмысление очевидных фактов, которые, возможно, еще не стали столь очевидны для Пенни. Прежде всего, подумал он, улыбаясь, Джонни станет теперь не более чем воспоминанием о том, что могло бы быть, но не случилось. Каждый ребенок заслуживает, чтобы у него было двое заботливых родителей, живущих под одной крышей...

Застыв у высокого окна столовой, Пенни с недоумением наблюдала, как Ник подходит к ожидающему его вертолету. Вот он заговорил с пилотом, небрежно засунув руку в карман великолепного покроя брюк. Пенни не верила собственным глазам. Ник казался таким беззаботным, словно на него не обрушили только что известие, способное перевернуть жизнь любого мужчины. Может быть, она просто недостаточно проницательна? Разве она когда-нибудь знала, что происходит в душе этого непростого человека?

Довольно скоро Ник вернулся и, излучая решимость, сразу устремился к лестнице. Пенни

бросилась ему наперерез.

- Куда ты идешь?

- Поздороваться со своим сыном.

Джилиан уже покормила и одела Алана, поэтому при появлении родителей мальчика улыбнулась и вышла из комнаты. Ник с напряженным лицом застыл посреди детской, глядя, как малыш играет на ковре. Вдруг он вскрикнул: «Мама!» - и пополз по направлению к Пенни.

- Он может сам передвигаться... и говорить? - почти с комическим удивлением прошептал Ник.

- Ну, он знает только одно слово.

Пенни не отрываясь смотрела на Алана. Натолкнувшись на непреодолимый барьер в виде стула, он издал жалобный вопль, и его большие карие глаза наполнились слезами.

Пенни поспешила на помощь сыну, но Ник опередил ее. Присев на корточки, он поднял Алана и шепотом заговорил с ним. Малыш весь подался вперед от удовольствия, слезы высохли как по мановению волшебной палочки. Он устроился на руках отца с таким видом, словно готов был провести там всю жизнь.

- Он такой доверчивый, - выдохнул Ник, и его жесткое, мужественное лицо осветила и смягчила редкая улыбка. - И он похож на меня.

В самом деле, грустно подумала Пенни, и не только внешне. Алан начинал беспокоиться, если нарушался привычный для него распорядок. А когда играл, в нем уже чувствовалась характерная сосредоточенность. Минуты проходили, Ник продолжал общаться с сыном, и Пенни испытывала нарастающее смятение. Она не верила своим глазам. Нисколько не заботясь о дорогом костюме, Ник теперь сидел на ковре, а Алан исследовал его, словно новую игрушку. Крохотные ручки дергали галстук, забирались в карманы, вцеплялись в волосы, ощупывали лицо.

Пенни и представить не могла, что Ник, с его достоинством и сдержанностью, способен терпеть подобное панибратство и столь близкий телесный контакт. Больше того, могла бы поклясться, что он как огня боится подобного обращения. Не могла она и представить, что, узнав о своем отцовстве, Ник поведет себя с такой легкостью и непринужденностью, какой прежде она и заподозрить в нем не могла.

Пенни вдруг охватила жгучая ревность. На нее не обращали внимания! Ее даже лишили утреннего приветствия сына! И сейчас она была невольным свидетелем зарождения того, что, похоже, обещало стать восторженным союзом двух любящих сердец.

- Он зеваает, - с явным разочарованием заметил Ник полчаса спустя.

- Ты его переутомил, - словно со стороны услышала свой голос Пенни.

Она отлично понимала, что после беспокойной ночи малышу был необходим хороший дневной сон, поэтому уложила сына в кроватку, но прежде обменялась с ним несколькими поцелуями.

- Не ожидал, что эта кроха с такой легкостью примет меня, - заметил Ник, почувствовавший себя не менее заброшенным, чем Пенни десять минут назад. Она повернула голову и заявила:

- Алан любит Джонни, и из-за него с большим доверием относится ко всем мужчинам. Ник смотрел на нее своими потрясающими глазами, непроницаемыми, как ночное небо, но Пенни заметила, как напряглись лицевые мускулы под гладкой кожей.

- Можем ли мы рассчитывать на частые встречи с тобой в Нью-Йорке, после того как закончится лето? - ломким от волнения голосом спросила она. - Знаешь, я уже скучаю по дому.

- Обсудим это внизу, - бросил Ник и направился к двери.

Неприменно обсудим, подумала Пенни, обиженная тем, что Ник привычно взял инициативу в свои руки, и не слушая внутренний голос, который твердил, что она несправедливая и скверная. В конце концов Пенни решила, что лучше уж чувствовать себя несправедливой и скверной, чем ощущать почти физическую боль нестерпимого желания, возникающего от одного только присутствия Ника в комнате. Кроме того, просто необходимо было как-то противостоять мужчине, успевшему причинить ей такие страдания всего за несколько часов, оправдывала себя Пенни...

А то, что она сказала ему о Джонни, соответствовало действительности... до какой-то степени. Джонни любил Алана, однако видел в нем лишь продолжение Пенни. В то время как Ник неосознанно относился к сыну как к личности, и ему, а не ей посвящал только что все свое внимание. Это грех или добродетель? - с горечью спросила себя Пенни.

Когда она наконец спустилась, в элегантной гостиной уже был накрыт стол для кофе. Развлекая Алана, Ник был сама непринужденность. Теперь же казался воплощением холода и отчужденности. И нервное напряжение Пенни достигло предела. Значит, Ник принял существование своего ребенка. Но это вовсе не означает, что он доволен тем, что жена, с которой собирался развестись, сделала его отцом. И если Ник намерен наброситься на нее с обвинениями, то лучше уж пройти через это как можно скорее.

- Итак? - без обиняков спросила Пенни, предоставляя ему такую возможность.

- Кофе... - ровным тоном предложил Ник.

- Когда я нервничаю, меня тошнит от кофе!

Ник наполнил себе чашку с хладнокровием, от которого Пенни едва не заскрежетала зубами.

- Давай, скажи это! - поторопила она его.

Ник вежливо приподнял бровь.

- Что ты ожидаешь от меня услышать?

Пенни нетерпеливо всплеснула руками, и браслеты на ее запястьях зазвенели.

- Если бы я не забралась к тебе в постель, ты не был бы сейчас отцом!

- Я понимал, что делаю, мой ангел.

Пенни озадаченно уставилась на него.

- Ты заметила, чтобы я сопротивлялся? - сухо спросил Ник.

К ее щекам прилило тепло.

- Разумеется, нет, - ответил сам себе Ник. - Я испытывал слишком сильное удовольствие, чтобы остановиться... И я не позаботился о том, чтобы предохранить тебя от беременности. Вся ответственность за зачатие этого ребенка, несомненно, лежит на мне.

Самообладание Ника обескуражило Пенни не меньше, чем его слова.

- Тебе ни к чему брать вину на себя, - начала она со своей обычной прямоотой. - Я знала...

- Ничего ты не знала, - с нажимом проговорил Ник, скривив чувственный рот. - Разве не в этом все дело?

Действительно в ночь, когда был зачат Алан, ее знания ограничивались лишь цветочками и пчелками. Неусыпное наблюдение Люси в сочетании с суровыми условиями школы-интерната не давало ей возможности обрести какой-либо личный опыт. Она была совершенно не готова к тому восхитительному потрясению, которое испытала, оказавшись в постели со взрослым мужчиной, способным доставить ей наивысшее удовольствие.

Ник встал, чтобы взять свидетельство о рождении с внушительной каминной доски. Хотя он один мог положить его туда, Ник как зачарованный принялся изучать документ снова.

- Алан Блейн, - мягко произнес он. - Мой сын, который конечно же будет расти и воспитываться здесь, в родном доме.

Ник, в эффектной позе стоявший у камина, был очень спокоен. Однако Пенни застало врасплох это уверенное заявление.

- О чем ты говоришь?

- Думаю, тебе стоит присесть и выпить кофе. Это лихорадочное хождение взад и вперед доведет тебя до головокружения.

Пенни стиснула руки.

- Я не хочу садиться!

- А я не хочу судиться с тобой. Но если ты будешь настаивать, то наверняка проиграешь тяжбу, - предупредил ее Ник.

В глазах Пенни вспыхнула обида.

- Вот как? Через пять минут после того, как обнаружил, что являешься отцом, ты начинаешь делать возмутительные заявления и апеллировать к закону?

- И должен добавить, что закон будет на моей стороне, - холодно произнес Ник.

У Пенни мурашки побежали по спине.

- Что ты пытаешься мне сказать?

- Что описания обстановки, в которой моему сыну приходится жить в Гринич виллидж, будет достаточно, чтобы склонить судей на мою сторону.

- Ты угрожаешь мне... - произнесла Пенни, побледнев.

- Ты потрясена, - заметил Ник. - Почему? Ведь малыш имеет больше прав на доброе отношение, чем ты, мой ангел.

- Ты угрожаешь мне... - ошеломленно повторила Пенни.

- У тебя нет ни единого шанса забрать Алана отсюда и увезти с собой в Нью-Йорк! - заявил Ник.

- Ты не можешь...

- Перестань! Мне могут не нравиться методы, которыми я достигну желаемого, но я применю их, - спокойно заверил ее Ник. - Ты приняла несколько необдуманных решений после рождения ребенка...

- Например? - выпалила Пенни, с каждым его словом все больше и больше впадая в панику.

- Несмотря на то, что жила за чертой бедности, ты не сообщила мне о его рождении и не попросила финансовой помощи. - Ник бросил на нее неодобрительный взгляд. - Пытаясь вырастить нашего сына в неподобающих условиях и в то же время отказывая мне в отцовских правах, ты вела себя не как зрелая и ответственная мать.

Губы Пенни недоверчиво приоткрылись. Ник прищурился и вытянул руку в насмешливом и презрительном жесте.

- Не думаю, что было бы честным осуждать девчонку, которой ты была, когда ребенок родился. Но ты должна понимать, что в споре об опеке тебя будут сравнивать со мной, а даже злейший враг не назовет меня незрелым и безответственным.

Это звучало ужасающе убедительно. К тому времени, когда завершил свою речь, Ник успел безумно перепугать Пенни. Споры об опеке? Никаких сомнений в том, что перевесит на весах закона - его богатство, могущество, респектабельность или ее нищета и неприкаянность, - не было.

- Ничего не понимаю... - Пенни пыталась взять себя в руки. - Едва ты выяснил, что Алан твой сын, как немедленно стал угрожать мне отобрать его...

- Нет, это не входит ни в мои желания, ни в мои намерения. Но ирония заключается в том, что именно так собиралась поступить ты, - спокойно произнес Ник. - Неужели ожидала, что я запрыгаю от радости, услышав, как ты тоскуешь по дому и рассуждаешь вслух о возвращении в Нью-Йорк?

Пенни смущенно отвела взгляд.

- Нет... но... Хорошо, возможно, это была угроза, - вполголоса пробормотала она.

- Спасибо за признание. Но хотя ты и сообщила мне, что Алан мой сын, похоже, ты не имеешь ни малейшего представления о том, насколько это меняет наши жизни.

- Но почему что-то должно меняться? - спросила Пенни. - Пожалуйста, встречайся с ним сколько угодно...

- Будь добра, объясни, почему ты не можешь поверить в то, что мой сын не менее желанен для меня, чем для тебя? - спросил Ник, казалось, с искренним непониманием.

- Разве я могла подумать, что тебя обрадует результат нашего дурацкого брака? Я полагала, ты придешь в ярость, узнав о моей беременности! Потребуешь, чтобы я прервала ее! Я считала, ты разозлишься на меня за то, что я создала непредвиденные проблемы!

- И ты сделала самые дикие выводы и действительно создала огромные непредвиденные проблемы, поступив в высшей степени бессмысленно, - со странной полуулыбкой признал Пик. - Впрочем, все, что ты делаешь, кажется мне бессмысленным, так что это не имеет значения. Имеет значение то, что ты, похоже, очень расстроена.

Пенни проглотила рыдание, готовое вырваться наружу.

- И, кажется, удивлена? - Ник медленно шагнул к ней. - Как я могу быть отцом Алана, живя так далеко от него? Я не могу согласиться на это. Возможно, я был слишком горяч и резок, но причина в том, что у тебя есть привязанности в Нью-Йорке, а мне бы хотелось, чтобы ты оставила их в прошлом.

Пенни недоуменно заморгала. Привязанности? Какие привязанности? Что она должна оставить в прошлом? Четыре часа беспокойного сна не освежили голову, и она соображала с трудом.

- Я имею в виду Джонни, - пояснил Ник. - Я не могу стоять в стороне, позволяя случайному любовнику занимать мое место рядом с сыном.

Она едва не сказала, что никогда не спала с Джонни, но злость на Ника и гордость пересилили желание быть честной. Это не его дело! Со сколькими женщинами спал он с тех пор, как она уехала отсюда? Возможно, Джордан Брэм и старая история, но это не означает, что Ник хранил обет воздержания. И какое право имеет мужчина, который хочет развестись с ней, диктовать, как ей жить? Право сильного, предупредил рассудок. Ник уже сказал, что обратится в суд, если она попытается увезти сына, и ей как минимум не дадут это сделать.

Ник взял ее крепко стиснутые руки и попытался притянуть к себе.

- Когда-то ты сказала, что единственное, чего хочешь в жизни, - это быть моей женой. И что без меня будет не жизнь, а просто существование, лишённое тепла и красок, а в таком случае тебе лучше бы умереть...

Пенни застыла. Ее записка, прощальная записка, написанная полтора года назад! Даже под страхом смерти она не смогла бы посмотреть Нику в глаза. Как жестоко было напоминать, ей эти слова сейчас!

- А ты еще спрашиваешь, почему я прочесывал сетью дно пруда, - мягко пробормотал Ник. - Но теперь я прошу тебя вспомнить одну старую истину: от добра добра не ищут. Пенни недоуменно захлопала глазами.

- Да, вспомнить это - и забыть все эти душещипательные сантименты... О нет! - Ник нахмурился, когда она внезапно попыталась освободиться от его хватки. - Ради нашего сына я призываю тебя забыть Джонни и попытаться возродить наш брак, - натянуто проговорил он. - Может быть, это покажется тебе чрезмерным требованием. Но, возможно, даже если тебе не удастся вернуть прежний пыл, со временем ты снова почувствуешь себя счастливой со мной.

Ради нашего сына... Возродить наш брак... Только две эти фразы и смогла понять Пенни.

Остальное с таким же успехом могло быть обращено к стене. Так вот что ему нужно: целиком

завладеть Аланом и ею в придачу в качестве полезной помощницы по дому! Гнев и обида охватили Пенни.

Ник уже не хотел развода. Но она не играла никакой роли в перемене его решения. Все, чего она хотела и о чем молилась эти долгие полтора года, он готов был дать ей, после того как провел всего полчаса с их сыном! Это было невероятно жестоко.

- Тебе холодно? - встревоженно спросил Ник. - Почему ты дрожишь?

- Бесчувственный чурбан! - воскликнула она, вырываясь из его рук и устремляясь к двери. - Как смеешь просить об этом после всего, что заставил меня пережить? Может быть, в своей компании ты и непревзойденный светлый ум, но во всем остальном ничего не смыслишь!

Ник первым оказался у двери и быстро захлопнул ее, одновременно пытаясь понять, что такого он сказал. Он обдумывал свои слова, пока играл с Аланом, и полагал, что удастся обойти острые углы. Он мог бы сказать, что ее великая любовь к Джонни будет столь же недолговечной, как и любовь к нему. Что в вопросах верности на нее невозможно положиться, поэтому, коли уж случилось быть ее мужем, он не рискнет выпускать ее из виду. Но он тщательно избегал подобных высказываний и теперь искренне не понимал, почему Пенни смотрит на него безумным взглядом и кричит.

- Успокойся, - ровным тоном сказал он.

- Уйди с дороги или я чем-нибудь запущу в тебя! - пригрозила Пенни.

- Если бессмысленное разрушение доставляет тебе удовольствие, - пожалуйста, - предложил Ник.

Этот ответ привел Пенни в ярость.

- Ты хуже вращающейся двери!

- Вращающейся... двери? - Черные глаза с холодным удивлением смотрели на нее. - Ну, давай, не держи меня в неведении! Чем вдруг я напомнил тебе вращающуюся дверь?

- В одно мгновение ты рядом, а в следующее - тебя уже нет. Ты без конца меняешь решения, и у меня уже кружится голова! - возмущенно выкрикивала Пенни. - Не думаю, что ты сам знаешь, что тебе нужно, но только я начинаю хотеть, чтобы ты снова был со мной, - опять отталкиваешь меня...

- Держи себя в руках! - приказал Ник.

- Держать себя в руках? - повторила Пенни на целую октаву выше. - Боже, ну и дела! Держи себя в руках, но не смей делать этого в постели. Ты хочешь, чтобы я превратилась в застегнутого на все пуговицы извращенца, вроде тебя? Думаю, ты даже не понимаешь, что творится в твоей собственной глупой голове. Думаю, когда ты рядом со мной, твоим поведением руководят только сверхактивные мужские гормоны! И тебе это не нравится, не так ли? Это дает мне власть над тобой, верно? И это чертовски тебя раздражает, Ник Блейн!

Она увидела гнев в его глазах, и это подействовало на нее как алкоголь. Наконец-то ее удар достиг цели и, если не ранил его, то хотя бы разозлил. А это уже какая-то человеческая реакция - возможно, единственная, которой можно добиться от Ника. Он внезапно отошел от двери, освободив ей дорогу. Решив, что Ник побежден, ошеломленный столь неожиданной

атакой, Пенни с видом триумфатора открыла дверь. Выйдя, она остановилась и бросила на него прищуренный взгляд через плечо.

- И мне для этого ни к чему быть высокой изысканной блондинкой, не так ли? И это достает тебя больше всего, да?

- Если хочешь узнать, что я думаю на самом деле, тебе нужно замолчать, - проскрежетал Ник.

Пенни, уже пройдя несколько шагов по холлу, снова обернулась.

- Держу пари, что ты был бы счастлив видеть меня твоей женой, если бы я...

- Ты заткнешься? - грубо прервал ее Ник.

- Нет. Если бы я была благопристойной, богатой снобкой! Ник шагнул вперед и поднял ее на руки. - Отпусти меня, Ник...

- А потом ищи тебя по всему этому огромному дому? - с мрачной улыбкой спросил Ник, шагая к лестнице.

- Только глупец может считать, что демонстрация грубой мужской силы заставит меня замолчать и подчиниться!

Ник молча продолжал нести ее вверх по ступеням.

- Надеюсь, ты заработаешь прострел в пояснице! - неистовствовала Пенни, пытаясь добиться от него хоть какой-нибудь реакции.

- Несмотря на темперамент торговки рыбой, ты вешишь не больше куклы.

Толкнув плечом дверь своей спальни, Ник закрыл ее ногой, пересек комнату и бросил Пенни на грудку подушек на постели. Мгновенно сев, Пенни откинула голову и презрительно посмотрела на темную мужскую фигуру, возвышающуюся над ней.

- Зачем ты принес меня сюда? Прислуга не должна слышать наших ссор?

Отступив на несколько шагов, Ник сдернул галстук и сбросил на пол пиджак.

- Если ты хотя бы на мгновение подумал, что я позволю тебе...

- Позволишь мне? - переспросил Ник с такой наглой самоуверенностью, что Пенни стиснула зубы. - Ты позволишь мне это даже в бурю, когда вокруг будут сверкать молнии и греметь гром, а над самым ухом играть симфонический оркестр.

- Ну, знаешь...

- И ты не заметишь ни грома, ни музыки, поглощенная тем, что я заставлю тебя испытывать, - издевался Ник, срывая с себя рубашку с такой силой, что пуговицы разлетались в разные стороны. - И ты еще называешь мои гормоны сверхактивными? Еще до того как я женился на тебе, ты просто опаляла меня силой своего желания.

- Я даже не прикасалась к тебе! - взвизгнула Пенни, щеки которой горели.

- Зачем тебе было прикасаться ко мне, если твои глаза просто молили? Тогда я полагал, что ты

не ведаешь, что творишь. Теперь начинаю подозревать, что все делалось с умыслом.

- Я была девственницей! - заявила Пенни смущенно, но с негодованием.

- В том, как ты смотрела на меня, не было ничего девственного.

- Ты, должно быть, немало девственниц повидал на своем веку?

- Одной было вполне достаточно, - заверил ее Ник.

- И это, очевидно, разожгло в тебе похоть, - прошипела Пенни. - Я хочу сказать, что ты не избегал меня - как должен был бы поступать, если бы не хотел меня поощрять.

- Какая чушь! Я решил, что чем чаще ты будешь видеть меня, тем скорее поймешь, насколько я стар для тебя, насколько скучен, чтобы быть объектом столь преувеличенного поклонения!

- Оно не было преувеличенным. Я любила тебя! И ты бывал скучным только тогда, когда начинал болтовню о своей дурацкой компании.

Темный румянец залил его щеки. Потрясенная Пенни невольно отметила, что он, кажется, обиделся.

- Я не понимала, о чем ты говоришь, не могла сосредоточиться, и мои мысли куда-то уплывали, в то время как я просто слушала твой г-голос. Ее собственный прервался, когда Ник начал стягивать брюки.

- Только дураки женятся на бестолковых, и я получил то, что заслуживал.

- Я не бестолковая...

Но мои мысли опять куда-то уплывают, со стыдом призналась себе Пенни. Меньше чем в шести футах от нее стояло почти обнаженным олицетворение мечтаний любой женщины - и ее единственная мечта, даже тогда, когда он был одет. А уж теперь, когда на Нике оставались одни черные шелковые трусы, от нее нельзя было требовать сосредоточенности.

- Бестолковая, которая не думает ни о чем, кроме секса, - с ласковым презрением промурлыкал Ник. - Которая оказалась со мной в постели меньше чем через час после моего появления. И это учитывая, что мы полтора года не виделись!

- О... о! - задохнулась Пенни.

- Конечно, я попросил... Но если бы у тебя было хоть отдаленное представление о морали, ты ответила бы отказом, - заключил Ник, ложась рядом. - Мне было так стыдно за тебя на следующее утро.

- На следующее утро? - Пенни выдавила нервный смешок. Она еле удерживалась от того, чтобы не задуть единственную любовь своей жизни. - Разве история не повторяется? Все было именно так, как и после той, первой, ночи. Тебя несказанно взбесило то, что ты овладел мною, а после ты обвинил во всем меня!

- Неправда. - Чтобы сделать свои слова более убедительными, Ник повернул ее лицом к себе. - Я проснулся утром после нашей первой ночи и посмотрел на тебя. А ты открыла глаза...

- Ах, как это непростительно с моей стороны! Мне, наверное, следовало бы спрятаться под

простыни от стыда за то, что провела ночь с собственным мужем?

Ник шумно выдохнул.

- Я увидел девчонку, которая без ума от меня и не в состоянии воспринимать вещи такими, каковы они есть. Я был зол на себя, и мне было стыдно за то, что не смог удержаться и воспользовался своим преимуществом...

- Не говори так! - воскликнула Пенни. - Все было чудесно... До сих пор это самое драгоценное мое воспоминание... И в любом случае, ты не пользовался своим преимуществом!

Ник с нескрываемой мукой смотрел на нее.

- Ты не понимаешь! Тем утром мне просто позарез нужно было увидеть повзрослевшую женщину, но передо мной по-прежнему лежала беззащитная девочка, которую я впервые увидел в Лос-Анджелесе... - Он замолчал и нахмурился. - Тогда мне и в голову не приходило, что ты, возможно, никогда не повзрослеешь, во всяком случае, в общепринятом смысле, как это бывает с менее страстными натурами.

- О, огромное тебе спасибо! - заявила Пенни. - Если ты полагал, что лучший способ помочь мне повзрослеть - это посоветовать «экспериментировать» с мальчиками моего возраста, то не дорого же стоят твои благие намерения!

- Я был зол. Только ты могла понять мои слова буквально, - проворчал Ник.

- А насколько буквально мне следует понимать это? - спросила Пенни, обеда спальню насмешливым взглядом. - Ты по-прежнему не знаешь, когда следует остановиться, да?

Без всякого предупреждения Ник обнял ее и, на мгновение крепко прижав к себе, уложил рядом. Жар, исходивший от его большого сильного тела, жег Пенни даже сквозь шелковое платье. Она прикинула к нему. Она знала, что не скажет «нет». И она также знала, что Нику это хорошо известно. Чисто мужское удовлетворение светилось в глубине его прекрасных глаз, и от этого Пенни хотелось ударить Ника, но отнюдь не оттолкнуть.

- Хорошо... Насколько я понимаю, мы остаемся мужем и женой?

Ник смотрел на нее теперь вопросительно.

Пенни напряглась, опустив ресницы и сосредоточив взгляд на гладком загорелом плече. Остаемся мужем и женой только ради сына? За пределами спальни он будет глух к ее нуждам. Пенни вспомнились все те невообразимые события, которые произошли за последние тридцать шесть часов. Ей просто необходимо было отдохнуть. В то время как Ник, похоже, способен был жить в состоянии постоянного стресса.

Будь он проклят за то, что заговорил об этом сейчас! Сейчас, когда ее измученному телу просто необходимо выполнение тех обещаний, которые сулит взгляд Ника. Сейчас, когда она жаждет прильнуть к нему и перестать думать, сопротивляться. Интересно, если она скажет «нет», прогонит ли ее Ник из постели?

Пенни прислонилась лбом к его плечу.

- Поговорим об этом позже, - пробормотала она.

- Почему на твоей ночной рубашке молния? - спросил он.

- Это платье, Ник.

Осторожно усадив ее на постели, он расстегнул молнию и, стянув платье, отбросил его в сторону.

- Без него тебе лучше, чем в нем, мой ангел, - усмехнулся Ник, не отрывая восхищенного взгляда от соблазнительной груди.

Пенни покраснела, заметив, что ее соски отвердели.

- Я так рад, что ты наконец исчерпала все свои аргументы, - простонал он и жадно приник к торчащему розовому бугорку.

На мгновение Пенни перестала дышать. Когда он нашел другой сосок и, зажав между большим и указательным пальцем, нежно потянул, она закрыла глаза и застонала. Тело было словно наэлектризовано желанием. Ник перевернул ее на спину и уверенной рукой стащил трусики.

Пенни, открыв глаза, натолкнулась на его оценивающий взгляд и подавила рыдание. Ей вдруг стало страшно от той власти, которой Ник обладал над ее слабым телом.

- Не смотри на меня так...

- Я очень ценю твою реакцию. Ничего не могу с этим поделать, - хрипло пробормотал он, с восторгом гурмана продолжая скользить взглядом по изгибам ее хрупкого тела. - В твое последнее пребывание здесь я целые часы проводил, горя, фантазируя, думая...

- Обо мне?

Появившаяся на губах Пенни томная улыбка была столь же естественна для нее, как и дыхание.

- И пытался понять, что в тебе так привлекает меня.

Он нежно провел руками по ее груди вниз и расслабленно улыбнулся, когда Пенни выгнула спину.

- О... - Ее голос звучал сдавленно.

- Ты маленькая, но поразительно пропорционально сложена. У тебя чудесного цвета глаза, а твои губы... Когда я смотрю на твои потрясающие губы, я становлюсь...

Ник, с каждым словом все ниже и ниже опускавший голову, не договорил. Но Пенни поняла его, когда он жадно приник к ее губам. Теперь в голове оставалась одна-единственная мысль. Ник говорит с ней. Наконец-то говорит с ней! Но потом язык Ника проник в ее нежный рот, и эта, последняя, мысль исчезла. Она прижалась к нему, пальцы запутались в густых волосах, сердце забилось в унисон с его сердцем, а тело охватил жар нестерпимого желания.

- Ты невероятно возбуждаешь меня, - задыхаясь, проговорил Ник, отстраняясь, чтобы снять трусы.

Она удивленно заморгала. Боже правый, он все еще говорит с ней! Ник вернулся к ней - весь рельефные мускулы и великолепие, - и Пенни охватила невероятная слабость. Без тени

сомнения она подняла руки и провела ладонями по темным шелковистым завиткам волос на груди Ника, наслаждаясь потрясающими различиями их телосложения, которые делали его столь мужественным, а ее заставляли чувствовать себя такой женственной. Ник содрогнулся и жадно приник к ее полураскрытым губам. Он сладострастно исследовал ее рот, до тех пор пока по телу Пенни не побежали легкие судороги удовольствия.

- Ты все время молчишь, - прошептал он чуть ли не с разочарованием.

Если Ник хочет для большего возбуждения интеллектуальных бесед, то не дождется, решила Пенни и томно произнесла:

- Я... я не в состоянии думать, когда ты так близко, Ник... Я могу только чувствовать.

А чувствовала Пенни лихорадочное, отчаянное нетерпение, каждой клеточкой стремилась к нему, все тело было напряжено и болело.

- Мужчина не должен спешить, занимаясь любовью со своей женой, - улыбнулся Ник.

Сочетание этой улыбки и насмешливого упоминания о ней как о своей жене потрясло Пенни. Он притянул ее к себе, как человек, у которого в запасе целая вечность и которому доставляет удовольствие заставлять ждать. Ее пальцы впились в плечи Ника, и он рассмеялся. Пенни никогда не слышала от него такого смеха. Затем он снова приник к ней губами.

Ник ласкал каждый дюйм ее тела, и Пенни обнаружила, что эрогенные зоны расположены у нее повсюду. Он проводил чувственным ртом по всей длине шеи, и ей казалось, что шею охватывают языки пламени. Он ласкал языком тонкие пальцы, и Пенни казалось, что кости ее плавятся. Он безумно медленно гладил ладонями ее бедра, и она изгибалась. И наконец, когда стиснул ее ягодицы, она обхватила его ногами и простонала:

- Если ты не сделаешь этого...

Ничто не могло отвлечь ее - ни гром, ни молния, ни целый симфонический оркестр. Пенни издавала звуки, которые ни за что не признала бы своими, она извивалась и корчилась, до тех пор пока он не навис над ней.

Тоже дрожа, с блестящей от пота золотистой кожей, Ник обхватил ее нетерпеливыми, напряженными руками и вошел в нее. Пенни громко вскрикнула от нестерпимого удовольствия. А он длит и длит это удовольствие медленными, уверенными движениями до тех пор, пока оно не стало таких размеров, что Пенни уже не вмещала его. И вдруг все куда-то исчезло, а когда она очнулась, то поняла, что лежит, содрогаясь, задыхаясь и навзрыд произнося в экстазе его имя.

- Я думаю, мой ангел... - простонал Ник в ее волосы. - Я думаю, мне будет очень легко привыкнуть к тому, что наш брак настоящий.

Она шевельнулась под ним, переполняемая чудесным ощущением покоя и удовлетворения. Подняв голову, Ник заглянул в ее отрешенное лицо и мягко рассмеялся. - Ты все еще далеко отсюда.

От всего далеко, счастливо подумала Пенни, когда он провел кончиками пальцев по красным припухшим губам и одарил такой яркой улыбкой, что ее сердце запело.

- Просто улыбайся мне...

- Ну, это я могу тебе обещать.

Ник снова приник к ее губам нежным поцелуем, и весь мир словно замер на эти бесконечные мгновения.

- Трудно поверить, что только сегодня утром я был пьян, зол и на стенку лез от сексуальной неудовлетворенности, - произнес он чуть позже, подняв голову и внимательно глядя на нее. - А посмотри на нас теперь...

Да, посмотри на нас теперь, вдруг подумала Пенни и напряглась, вспомнив их изнурительные споры прошлой ночью. Ник словно бы нажал на какую-то кнопку в ее мозгу, вызывающую панику. Похоже, он считает, что все стало на свои места. Полагает, что получил желаемое и она согласна оставаться его женой. А почему он должен был решить иначе? Разве она снова с удивительной готовностью не оказалась в его постели?

- Видишь ли... - неуверенно начала Пенни, отстранясь от него, что потребовало немалых усилий. - Только прошлой ночью ты утверждал, что ненавидишь меня...

На скулах Ника выступил легкий румянец, и он нахмурился.

- Тогда я еще считал, что Алан - чужой ребенок! Ты даже представить не можешь, что творилось у меня в душе!

Да, вынуждена была признать Пенни, мне никогда не понять этого. Впрочем, она подозревала, что, когда дело касается чувств, уравновешенность и хваленая логика Ника исчезают подобно дыму. Как еще можно объяснить то, что этот трезво мыслящий мужчина на основании лишь прощальной записки прочесывает сетью дно пруда в поисках ее тела?

- Но с тех пор как нашел меня, ты только и говорил, что о разводе. Такое впечатление, что это стало навязчивой идеей.

- Ах вот что тебя тревожит! Однако теперь мои приоритеты, естественно, изменились, - немедленно возразил Ник. - Теперь нам нужно принимать в расчет сына. Ему необходима мать так же, как и отец. И у тебя, и у меня было не очень-то счастливое детство. Оставаясь вместе, мы сможем поддержать друг друга, как родите ли, и позаботиться о том, чтобы у нашего ребенка все было иначе.

У Пенни упало сердце. Она снова уличила его, сама того не желая. Но неужели Ник лгал и притворялся, заявляя, что она является для него чем-то большим, нежели матерью его сына? Нет, уж лучше оставить все попытки докопаться до истины, даже если в словах и выражениях вроде «приоритеты» и «поддержать друг друга, как родители» нет ни тени романтики!

Ник решительно настроен забрать Алана себе. Сначала он угрожал ей судебным разбирательством, потом попробовал уговорить возобновить брак, который прежде так стремился расторгнуть. И все ради блага сына. Но ребенок и благие намерения - разве этого достаточно, чтобы сохранить брак?

Почему же такой логичный Ник в данном случае столь нелогичен? Они словно бы вдруг поменялись характерами. Ведь это ей полагается сражаться с воображаемыми мельницами. Тогда как он должен твердо стоять обеими ногами на земле и не питать несбыточных надежд...

Пенни уронила голову на подушку и, запинаясь, пробормотала:

- Думаю, нам лучше отложить разговоры о браке до конца лета... и не принимать поспешных и необдуманных решений.

Ник отбросил простыню и встал с кровати. Это на некоторое время отвлекло ее от тяжелых раздумий. Она наблюдала, как он натягивает трусы и домашние брюки, лежавшие на соседнем стуле. Даже его красивая загорелая спина сейчас излучала враждебность. За какие-то несколько секунд атмосфера накалилась до предела.

- Ник! - с тревогой окликнула его Пенни.

Он обернулся и мрачно посмотрел на нее.

- Объясни поточнее, что ты имеешь в виду? Я хочу быть уверенным, что правильно тебя понял.

- Ну, мы сначала посмотрим, как все сложится...

- Значит, ты оставляешь за собой право выбора? - недоверчиво спросил он.

Пенни кивнула. Так она сможет держать в узде свои непомерные ожидания. Так ей будет не слишком больно, если он вдруг решит, что не в восторге от их брака.

Глядя куда-то мимо нее, Ник сказал:

- Не выйдет!

Пенни замерла.

- Но...

Одним движением руки он заставил ее замолчать.

- Когда снова ложилась со мной в постель, ты знала, что я уверен в твоем согласии на мои условия!

Пенни поморщилась. Ей хотелось бы, чтобы он был не таким пронизательным.

- Просто я очень хотела тебя... Ты не можешь этого понять?

- Ты моя жена, а ведешь себя как распутная девка!

- Ты это не всерьез.

Она с надеждой посмотрела на него, но встретила тяжелый, вызывающий взгляд и вздрогнула.

- Я слышал, как ты говорила Джонни вчера ночью, что любишь его, - проскрежетал Ник.

- О... - Занятая куда более важными для себя размышлениями, Пенни спросила: - Ты собираешься извиниться за то, что назвал меня девкой?

- Нет, даже на смертном одре! - проорал Ник, всегда казавшийся таким терпимым.

- Прекрасно... Тогда разговор окончен до тех пор, пока ты не попросишь прощения. Пенни снова упала на подушки и закрыла глаза.

- Ты не думала о Джонни той ночью в Гринич виллидж. И была далека от мысли о нем не более

десяти минут назад, когда прекрасно про водила время подо мной!

Пенни безразлично прошептала:

- А ты неплохо проводил время на мне. Значит, мы квиты.

- Как ты можешь быть такой грубой?

У Ника еще хватало самообладания сделать вид, что он искренне шокирован.

- Научилась у тебя. Но я, по крайней мере, не подслушиваю телефонных разговоров... - Это была неправда: она слышала в ночь после их свадьбы, как он позвонил Джордан и сказал ей, что выезжает. - Я люблю Джонни как друга... Тебя это устраивает?

- Нет, не устраивает! - снова обрушился на нее Ник. - Ты больше не должна иметь с ним никаких контактов! И если хоть на мгновение подумала, что я соглашусь пройти в течение этого лета испытание, как какой-нибудь племенной жеребец, то ты совсем сошла с ума!

Пенни лежала, устало глядя в украшенный лепниной потолок.

- Я бы на твоём месте об этом не беспокоилась. В мои планы не входит спать с тобой, Ник Блейн. Ты собираешься извиняться? Если нет, то уходи.

Воцарилось молчание. Ник закрыл глаза и медленно досчитал до десяти. Потом до двадцати. Но гнев не утихал. Ник чувствовал себя так, словно его вывернули наизнанку. Он гордо прошествовал в гардеробную и захлопнул за собой дверь. Она любит Джонни как друга? Да она наверняка спала с ним! Конечно же спала! Все эти месяцы, когда он... А кто же был тем умником, который посоветовал ей экспериментировать?

Пенни проснулась часа два спустя, недоумевая, как смогла заснуть. На подушке рядом с ней лежала записка. Нахмурившись при воспоминании о том, что произошло между нею и Ником, она прочла:

Неотложная встреча. Прости. Ник.

Он уехал! Бросил ее! Глаза защипало от слез. Пусть ей пришлось пережить тридцать шесть часов кромешного ада, но это просто невыносимо, что он так далеко от нее... особенно после той безумной ссоры. Она только и делала, что нападала. А Ник не выносит сцен. Конечно, его предложение сохранить их брак прозвучало не слишком-то романтично, но и ей следовало бы быть тактичнее.

Она не знает номера его телефона! Она даже не знает, когда он вернется! Пенни уткнулась в подушку и разрыдалась.

8

К трем часам дня слезы у Пенни иссякли. Как и обещал Ник, все остальные ее вещи уже доставили, и она занялась устройством рабочего места.

Пенни выбрала светлую комнату на первом этаже, откуда открывался чудесный вид на парк. Издательство, которое опубликовало ее книгу, было заинтересовано в продолжении сотрудничества. А поскольку она не знала, чего ждать в конце лета, нужно было взять себя в руки и продолжать работать. Для нее важно было чувствовать себя независимой.

В дверях появилась служанка, и сказала, что ей звонят. Пенни опрометью бросилась к телефону.

- Это Ник.

Пенни замерла, все еще злясь на него за то, что он исчез, не предупредив заранее.

- Знаю. Мог бы и не говорить. Ты слишком занят и не сможешь вернуться домой к обеду, да?

- Увы, я совсем забыл, что мне нужно присутствовать на совещании по поводу разразившегося нефтяного кризиса...

Пенни ему не поверила. Ник никогда ничего не забывал. Просто не хочет возвращаться домой.

- И где же проходит это совещание? - вежливо поинтересовалась она.

- В Триполи.

Пенни в отчаянии уставилась на побелевшие костяшки пальцев, сжимавших телефонную трубку. Сколько же часов лететь до Триполи? Успеет ли он хотя бы к завтрашнему обеду? Вряд ли. Весь ее боевой задор пропал. Она обмякла.

- Никто не может заменить меня. Я председательствую на этом совещании, - натянуто проговорил Ник. - Понимаю, для нас это весьма некстати, но случай действительно исключительный. Вернусь на следующей неделе...

- На следующей неделе?!

Это восклицание выразило весь накопившийся внутри нее ужас. Она прижала руку к губам, досадуя, что потеряла контроль над собой.

- Я бы предпочел быть с тобой и Аланом. Пожалуйста, пойми, что иногда у меня просто не бывает выбора, - напряженным голосом проговорил он.

- О, не беспокойся за нас! Все будет в порядке. Ты наверняка очень занят, поэтому не буду тебя задерживать. Всего хорошего!

Она бессильно опустилась на ближайший стул, чувствуя, что Ник буквально выбил почву у нее из-под ног. На следующей неделе! И ей нужно как-то прожить все эти дни. А в каждом сутках - двадцать четыре часа, а в каждом часе - шестьдесят минут! Но ведь обходилась же она без Ника полтора года! Конечно, ее нельзя было назвать счастливой, но она уже перестала чувствовать свою зависимость от него. Пенни никак не могла взять в толк, почему какие-то два дня произвели в ней такие перемены...

В течение всей недели Ник регулярно звонил по вечерам. Сначала следовало неловкое молчание, затем оба поспешно начинали говорить, он - расспрашивать об Алане, она - отвечать на вопросы. Телефон для него был рабочим инструментом. Ник был немногословен и не делился впечатлениями от прожитого дня. Пенни не требовала этого, помня о своем непростительном промахе, когда поведала ему, какую тоску на нее навевали его рассказы о работе.

За день до возвращения Ника она решила устроить для Алана пикник в лесу. День выдался великолепный. Жаркие лучи солнца пронизывали густую листву деревьев, бросая зеленые

ответы на коврик, который она расстелила на траве. Алан спал в коляске, и Пенни тоже дремала, когда услышала тихий звук. Она подняла голову, и ее выразительные глаза широко раскрылись. В нескольких футах от них стоял Ник. В элегантном бежевом костюме, который подчеркивал черноту волос и смуглость гладкой кожи, он был умопомрачительно хорош.

У Пенни пересохли губы, и сердце лихорадочно забилося.

- Ник... в чем дело?.. Я хочу сказать... Я не ждала тебя!

Подхватив подол длинной зеленой юбки, она вскочила с коврика и босиком бросилась к нему. Но замерла в нескольких футах, вспомнив, что собиралась встретить Ника с ледяным спокойствием.

- О нет! Только не порти момент!

С нескрываемым весельем Ник, почувствовав ее смятение, вытянул руку и заставил преодолеть оставшееся между ними расстояние. Обхватив руками ее бедра, он посмотрел Пенни в глаза из-под полуопущенных ресниц.

- Думаю, ты скучала по мне...

- Просто я очень удивилась, увидев, что ты стоишь здесь. Я испугалась!

- С такими глазами бесполезно врать. Уж, во всяком случае, меня ты не обманешь, - пожурил ее Ник. Подняв руку, он медленно провел по пунцовой щеке. - Да и зачем тебе лгать?

От этого прикосновения у Пенни по спине побежали мурашки. Она изо всех сил старалась справиться с предательским ощущением, когда ее борьбу свел на нет властный поцелуй Ника, после недельной разлуки подействовавший на нее, как огонь на динамит. Прижавшись к мужу, она с восторгом ощущала его растущее возбуждение. Внезапно Ник оторвался от ее губ и, положив руки ей на плечи, мягко рассмеялся.

- За нами наблюдают...

Он шагнул в сторону. Ошеломленно моргая, Пенни повернулась ему вслед. Ник присел на корточки рядом с коляской, все его внимание было приковано теперь к проснувшемуся Алану, который протягивал ручки и издавал приветственные звуки. Почувствовав себя лишней, Пенни застыла на месте и прикусила нижнюю губу.

- Пенни... - обратился к ней Ник.

- Что?

- Я сэкономил время для тебя, но и для сына тоже, - спокойно проговорил он.

Пенни нахмурилась, но подошла к коляске. Ник притянул ее ближе к себе.

- Я хочу, чтобы он запомнил это. Ты и я рядом, добрые и веселые, - мягко сказал он. - За исключением свадеб и похорон, я никогда не видел моих родителей вместе. Если им приходилось общаться, они делали это по телефону. Мне казалось, что так и должно быть, что все семьи так живут... каждый по отдельности под одной крышей.

Пенни тут же забыла о своих обидах. От картины, нарисованной Ником, повеяло холодом.

- Вот почему я хочу, чтобы у нашего сына было кое-что получше, - тем же спокойным тоном продолжил Ник. - Я знаю цену подобных лишений и не готов играть в семейную жизнь до тех пор, пока ты не решишь, чего хочешь.

- Я вовсе не говорила о том, что мы...

- Говорила... И если ты начинаешь какое-то дело, заранее готовясь к неудаче, то, как правило, так и случается.

Убрав руку с ее талии, Ник выпрямился.

- Я иначе смотрю на это. Я и так уже пропустил целый год жизни моего сына. А ты хочешь, чтобы и следующие несколько месяцев я провел, гадая, не кончится ли все это судебным разбирательством! Это заявление застигло Пенни врасплох.

- Да и не только это, - с ледяным спокойствием добавил Ник. - В то же время ты хочешь, чтобы я вел себя так, словно наш брак - реальность и относился к тебе как к жене. А подобные отношения предполагают полное доверие. Ты хочешь, чтобы у меня было раздвоение личности?

- Сколько времени тебе потребовалось, чтобы прийти к подобному заключению? - с искренним любопытством спросила она.

Озадаченный неожиданным вопросом, Ник нахмурился. А Пенни медленно покачала головой.

- Ладно, оставим это. Вынуждена признать, что ты почти разрушил мой самый серьезный довод.

Ни слова больше не говоря, она надела сандалии, затем отряхнула и аккуратно сложила коврик. Сунув его в руки удивленному Нику, она взялась за коляску и покатила ее по тропинке. Обернувшись, Пенни увидела, что Ник по-прежнему стоит на месте.

- Ты идешь? - спросила она.

- То, что ты сейчас сказала, - протянул он, идя к ней. - Что это... означает?

- Скажу тебе, когда сама пойму. Ммм... - Она глубоко вдохнула. - Как я люблю запах леса!

- Пенни, нам нужно выяснить...

- Расслабься, расстегни рубашку, развяжи галстук, - с мольбой проговорила Пенни.

Он хочет построить их семейную жизнь по той же прямолинейной схеме, что и свой ежедневный рабочий график. Никаких неожиданностей, ничего выходящего за рамки привычного, все под его неусыпным рациональным контролем. Он ничего не можете собой поделаться. Так уж устроен его мозг. И спорить с ним - только зря терять время. А я не собираюсь менять решение под влиянием момента. Я думаю медленно и больше полагаюсь на инстинкты. И Нику придется смириться с этим, рассуждала она.

Вернувшись домой, они около часа играли с Аланом. Затем малыша покормили, и Джилиан помогла Пенни искупать сына. К тому времени, когда он очутился в кроватке, Пенни проголодалась, и, поскольку Ник теперь снова был дома, пошла переодеться к обеду.

Надев струящееся платье лимонного цвета, которое доходило ей до лодыжек, она спустилась

вниз и присоединилась к Нику в гостиной. К ее удивлению, на нем не было привычного вечернего костюма. Одетый в прекрасно сшитые брюки защитного цвета и рубашку в тон, он выглядел очень элегантно, но несколько небрежно по сравнению с тем, что она привыкла видеть. Едва Пенни встретила со сверкающим взглядом черных глаз, у нее ёкнуло сердце и участился пульс.

- Где твой смокинг? - поспешила она нарушить молчание, переминаясь с ноги на ногу и опуская взгляд.

- Помнишь, однажды ты сказала, что в смокинге я напоминаю тебе персонаж из старых черно-белых фильмов? - мягко напомнил Ник. - С тех пор мне всегда становилось немного не по себе, когда я переодевался к обеду. - Ник рассматривал ее простое, но элегантное платье со скромной вышивкой гладью. - А вот ты переделалась.

Пенни только усмехнулась: похоже, меняться ролями стало для них обычным делом. Но как только она второй раз столкнулась с гипнотизирующим взглядом черных глаз, эта мысль тут же улетучилась. Единственное, чего ей теперь хотелось, - это оказаться в его объятиях.

- Ты великолепно выглядишь в этом платье, - проговорил Ник. - И оно будет прекрасным фоном для моего подарка.

- Подарка?

Ник вынул коробочку из стола, за которым сидел, и вложил ей в руки. Пенни поспешила открыть ее. Вынув ожерелье из разноцветных камней, она потрясенно воззрилась на него. Все камни были великолепно огранены и вставлены в изящные оправы, соединенные тонкими золотыми цепочками. Пенни подняла изумленный взгляд на Ника.

- Какое чудо... Где ты его купил?

- Я заказал его по приезду в Триполи. Врач, искушенный в целебных свойствах камней, посоветовал мне, из чего составить ожерелье.

Пенни с трудом проглотила застоявшийся в горле комок.

- Н-но ты... Ник прикоснулся к первому камню.

- Янтарь дает спокойствие, аметист - душевный покой, аквамарин способствует общению, - перечислял он. - Лазурит поможет тебе найти путь в жизни, доверяя собственной интуиции, топаз защитит от житейских невзгод, опал способствует медитации, турмалин исцеляет от травм, ляпис-лазурь превращает негативные взгляды в позитивные... а розовый кварц наделяет здоровой энергией.

- Просто не верится, - пробормотала Пенни, рассматривая каждый камень с глубоким вниманием. - Ты потратил время и силы, даже не будучи уверенным... Для меня это особый, редкий подарок, который говорит о многом. - С этими словами Пенни обвила его шею руками. Ее сердце пело, словно тысяча скрипок, играющих крещендо. - Ты превращаешься в чудесного парня, Ник!

Он нахмурился. Превращается? Из крысы в чудесного парня. Стремительное превращение, нужно признать. Ник знал, что Пенни обрадуется ожерелью, но его удивило, что оно вызвало столь сильную реакцию. Впрочем, Пенни всегда была очень впечатлительна. Вспомнив о холодном расчете, что руководил им при покупке подарка, Ник почувствовал слабый укол

совести.

- Надень его на меня, - попросила Пенни.

Взяв у нее ожерелье, Ник расстегнул застежку. Пенни повернулась к нему спиной и нагнула голову. Едва почувствовав холодную тяжесть камней, она тут же ощутила жар многообещающего, чувственного поцелуя на затылке, и колени ее едва не подогнулись. Каждая клеточка тела ответила на это прикосновение, и Пенни задохнулась от восторга.

- Вы так восхитительно отзывчивы, мадам Блейн, - хрипловато поддразнил ее Ник, когда она упала спиной в раскрытые для нее объятия.

- Ник... - дрожащим голосом произнесла она.

- Расслабься, - потребовал он и провел руками по ее напрягшимся грудям.

Пенни вздрогнула и застонала, изогнувшись в лихорадочном возбуждении. Прошла всего неделя - а казалось, сто лет, - с тех пор, как она ощущала его прикосновения.

Прерывисто вздохнув, Ник повернул ее к себе лицом и поцеловал с жадностью, равной той, какую испытывала она сама. Затем он оторвался от ее губ и крепко прижал Пенни к себе.

- Не стоило этого делать... - Он задышался. - Особенно когда уже позвонили к обеду. Пенни даже не слышала звонка.

Ник мягко, но решительно отстранился от нее.

- Наш повар застоялся, пока я был за границей, - с сожалением поведал он. - Так что теперь нас ожидает не меньше пяти перемен. Он смертельно обидится, если мы не попробуем хоть что-нибудь.

Во время обеда Пенни не раз прикасалась к ожерелью. И она не могла оторвать глаз от Ника. Ей было радостно, и сердце переполняли радужные надежды. Ради нее Ник опять вышел за привычные рамки. Проявил небывалую заботу, выбирая для нее особенные камни. И все это - только для того, чтобы доставить ей удовольствие. Несомненно, впечатляющий жест, и он тронул Пенни до глубины души.

После десерта Ник отодвинул тарелку и протянул ей руку. С горящим от смущения лицом, но трепещущим в предвкушении телом, Пенни встала из-за стола.

- Ты чувствуешь себя счастливым? - спросила она, когда они пересекали огромный холл, впервые держась за руки.

- Я с детства не оперировал подобными понятиями. Что это означает? - весело спросил Ник.

- Думаю, нужно почувствовать себя по-настоящему несчастным, чтобы понять, что означает противоположное состояние.

- Ты собираешься сегодня спать на диване? - поинтересовался он, поймав ее взгляд.

- Нет, - не дыша прошептала Пенни.

- Вот теперь я понял, что такое счастье, дорогая, - с нескрываемой насмешкой протянул Ник.

Пенни внезапно напряглась, напуганная силой своего желания.

- Есть на свете многое, что гораздо важнее секса, Ник...
- Не для большинства мужчин, - мягко прервал он ее.
- Это такая специфическая мужская особенность?
- Определенно. И послушай человека, который не собирался жениться раньше пятидесяти лет.

Пенни остановилась и удивленно посмотрела на него.

- Но почему?
- Боялся потратить лучшие годы жизни на неудачный брак, - немедленно признался Ник. - Такая позиция не лишена смысла. Подумай об этом.

Но Пенни не хотелось об этом думать.

- Такие вещи не планируют, Ник.
- Если ты оказываешься поблизости, то нет, - согласился он.
- А тебе не приходило в голову, что ты можешь без памяти влюбиться?
- Вожделеть - да... Влюбиться - нет.
- А мне всегда так хорошо, когда я влюблена... Ну, большую часть времени, - печально поправила она себя.

Воцарилось внезапное молчание. Пенни взглянула на окаменевший профиль Ника и вздохнула. - Тебе не хочется говорить об этом, да?

Ник стиснул ее тонкие пальцы, когда она попыталась убрать их из его ладони.

- Мне кажется, чем меньше ты будешь говорить о любви, тем счастливее мы будем, - убежденно заявил он.

Пенни поняла, что по-прежнему хочет достать луну с неба. Застывший от напряжения Ник оторвал взгляд от озабоченного лица Пенни и невыразительным голосом произнес, отпустив ее руку:

- Мне нужно поработать.

В глубоком недоумении она смотрела, как он, опустив голову, поднимается по лестнице. - Могу я составить тебе компанию?

Ник обернулся и посмотрел на нее сверху холодным ироничным взглядом. Содрогнувшись, Пенни отступила.

- Да, вряд ли ты нуждаешься в моей компании...

Никогда больше она не будет пытаться определить, что чувствует Ник! Может быть, она что-то не так сказала, чем-то разозлила его? Она заговорила о любви. Но почему это так задело его?

Не просто задело, с тоской признала она. Ник смотрел на нее не с насмешкой – с неприязнью!

Что могло превратить сгорающего от нетерпения мужчину в кусок льда? Излишняя ее настойчивость? Может быть, Ник тащил ее в постель только потому, что она до боли ясно давала понять, как ей не терпится снова заняться любовью с ним? Пенни вся сжалась при этой мысли. Что, если именно сейчас Ник во всей полноте представил, каково это – всегда иметь ее перед глазами, – и не смог справиться с охватившими его чувствами?..

Больше часа проворочавшись в постели, которая казалась теперь слишком большой и слишком пустой, Пенни села с ощущением, что наконец-то проникла в тайну поведения Ника. Объяснение было простым и почти унижительным для нее. Боже, какой идиоткой она была! Ведь он же сам сказал, что не собирался жениться до пятидесяти лет. Ник вдруг почувствовал себя пойманным за много лет до назначенного срока. Одарив его сыном, она лишила его свободы. Годы заключения – слишком долгий срок за то, что он пренебрег противозачаточными средствами, с тоской признала она.

Сидя на столе, Ник выпил бренди одним глотком, даже не почувствовав вкуса. Да, он никогда не был чувствительной натурой, а Пенни требует от него таких высот, которых он не в состоянии достичь. Ник снова представил ее задумчивое, грустное лицо. Его злость немного остыла. Да и злость ли это была? С некоторым удивлением он понял, что испытывает горечь. Ему было очень, очень горько...

Притворяясь, что спит, Пенни из-под ресниц наблюдала, как Ник выходит из ванной на следующее утро. Совершенно голый, он вытирал волосы полотенцем. Пенни поспешила зажмуриться. Она не слышала, как ложился Ник. К тому моменту она утратила надежду на то, что он вообще когда-нибудь придет, и заснула.

– Я знаю, что ты не спишь, – лениво заметил Ник.

Ее ресницы едва не коснулись бровей.

– Откуда?

Ник ослепительно улыбнулся.

– Я просто так сказал, а ты клюнула.

Пенни рассмеялась, но через силу. Она уже находилась под действием его магнетизма. В одних трусах Ник подошел к кровати и присел на край – весь бронзовая кожа, рельефные мускулы и брызжащая через край энергия. Он протянул ей толстую пачку долларов.

– Тебе придется хорошенько побегать по магазинам.

– Зачем?

– Сюрприз... – Его черные глаза сияли. – Но все должно быть для жаркого климата. Она резко села.

– Мы уезжаем?

– Да. Ты, я и Алан.

Пенни ошеломленно кивнула. Что отвлекло его от работы и сделало таким легким на подъем?

Откуда эти необъяснимые смены настроения? Вчера вечером Ник был мрачнее тучи, а теперь расточает улыбки и обаяние.

- На пару недель, - небрежно бросил он.

- А как же работа?

- Я сумел выкроить время. Но сегодня мне еще нужно заскочить в офис, чтобы закончить некоторые дела... Хорошо, милая?

Опустив голову, он жадно прижался губами к ее приоткрытому рту, а затем с явной неохотой встал.

- Хорошо, - выдохнула она.

Одеваясь, Ник с огромным удовлетворением слушал, как Пенни тихонько что-то напевает в душе. Подумать только - а он еще опасался приема, который его ожидает! Вчерашний срыв был ошибкой, признал Ник. Если бы она поступила с ним так же, он бы ее задушил. По счастью, Пенни увлекла мысль об отпуске.

Только ближе к рассвету он понял, в чем заключался его просчет. Ни при каких обстоятельствах он не собирался ждать конца лета, чтобы выяснить окончательную судьбу их брака. И решение проблемы было таким простым, что Ник не мог понять, как не увидел его раньше. Он должен сделать так, чтобы Пенни снова влюбилась в него!..

Пенни провела все утро в Хьюстоне, носясь по магазинам. Она одела Алана с ног до головы во все новое. Когда цена не имеет значения, делать покупки легко и приятно, с удовольствием обнаружила она. Себе Пенни купила купальник, пять пар босоножек разных цветов, бесчисленные майки, две короткие юбки и четыре длинные, потому что не знала, какие предпочесть, три новых платья и вечерние туфли. Соломенная шляпка и пара солнечных очков дополнили пляжный гардероб.

Когда с помощью Джилиан Пенни закрыла последний чемодан и переоделась в короткую модную юбку голубого цвета и белую майку, зашла служанка и сообщила, что внизу ее ожидает посетитель, мистер Фаррел.

Джонни... Джонни здесь, в Техасе? Пенни быстрее ветра слетела по лестнице. В холле действительно стоял Джонни, необыкновенно привлекательный в белых джинсах и полосатом хлопковом свитере.

Входя в высокую парадную дверь, Ник с удивлением думал, чей это «джип» стоит на подъездной дорожке. Первым, что он увидел, была его жена, радостно повисшая на шее у Джонни.

- Вот это сюрприз! - воскликнула она.

Затем с непринужденностью старого друга Пенни схватила за руки белокурого юношу и привычно потянулась, чтобы поцеловать в щеку. Потом отодвинула его и, придирчиво осмотрев с ног до головы, восхищенно присвистнула:

- Вот это да! Ты выглядишь настоящим франтом! Я определенно соскучилась по тебе. Почему ты бросил работу и оказался здесь?

Джонни усмехнулся.

- Предполагается, что я проверяю, готово ли наше ранчо к приезду родителей в конце месяца... Я волновался о тебе и Алане, - внезапно сменил он тему разговора.

- Я ведь просила тебя ни о чем не беспокоиться, - виновато вздохнула Пенни. - Мы с Ником...

- Безумно счастливы, - прервал ее низкий знакомый голос.

С широкой, но удивленной улыбкой Пенни быстро обернулась.

- Ник, ты дома! Подойди и поздоровайся с Джонни... вежливо на этот раз. Он мой лучший друг.

С расстояния в несколько ярдов Ник угрюмо смотрел на молодого блондина. Тот сделал шаг вперед и замер, получив в качестве приветствия неохотный кивок. Пенни внимательно посмотрела на мужа. Ее поразили необычайная бледность Ника и напряженность подбородка.

- Слушай, я заеду на обратном пути... - начал Джонни.

Пенни поморщилась.

- Ох, да нас здесь не будет, Джонни. На самом деле...

- Нас не будет здесь уже через десять минут, - без тени сожаления закончил за нее Ник.

- Как хорошо, что я успела упаковать вещи, - удивленно и немного смущенно пробормотала Пенни. - Мы уезжаем на две недели, Джонни.

- Могу я хотя бы поздороваться с Аланом?

- Конечно, можешь! - Пенни устремилась к лестнице. - Какая жалость, что тебе не удастся побыть здесь подольше!

- Нику не нравится, что я явился сюда, - прошептал Джонни на площадке.

- Вздор, - успокоила его Пенни. - Он просто удивился.

- Ты кажешься такой счастливой...

- А я счастлива. Так что не стоит волноваться за меня.

После короткого посещения Алана Пенни проводила Джонни до машины.

- Слушай, чуть не забыл... Вчера Лиз в страшной панике позвонила мне на работу. Она не может тебя найти. Я дал ей номер твоего телефона здесь...

- Где же она? - нетерпеливо спросила Пенни.

- В Англии... Твоя мать не сказала этого, но я связался с телефонной станцией и выяснил, откуда звонили.

- В Англии? Что она там делает? - простонала Пенни. - Ты рассказал ей...

- Да... и это ее очень расстроило. Дать тебе лондонский номер Лиз?

Пенни грустно кивнула. Джонни записал его на клочке бумаги, который она вырвала у него из рук и положила в карман юбки, затем медленно побрела к дому.

Погруженная в мысли о матери, Пенни впервые заметила, как холоден с ней Ник, только когда самолет начал набирать высоту.

- Я даже не спросила, куда мы летим, - виновато пробормотала она.

- На Ямайку...

- О, я никогда там не бывала... Впрочем, я почти нигде не была, - призналась она.

Даже не пытаясь изобразить вежливый интерес, Ник поднялся.

- Прости, мне нужно работать, - холодно сказал он.

Олицетворение мужской элегантности в легком сером костюме прошествовало в соседний салон. Пенни несколько мгновений сидела в глубоком смятении, а потом последовала за мужем. Тоскуя о радостном настроении, в котором пребывала утром, она уселась на ручку кресла через проход от него.

- Я была немного рассеянна после отъезда Джонни...

Ник не отрывал глаз от бумаг, но его профиль словно окаменел.

- Я просто беспокоюсь за маму, - поделилась с ним Пенни.

Никуну показалось, что перед его полуприкрытыми глазами сверкнула молния. Она не просто плохая лгунья - она никудашная лгунья! Просияв от радости при виде Джонни Фаррела, Пенни печально сникла, едва бывший любовник укатил на своей игрушечной машинке! Дружба? Хорошо, у него из-за занятости никогда не было близких друзей, но кого она хочет одурачить? Если липнуть к этому тощему инфантильному ублюдку в белых джинсиках в ее представлении дружба, то она очень скоро лишится всех друзей, пообещал себе Ник. Пенни обеспокоенно кашлянула. Но Ник все еще не мог заставить себя посмотреть на нее.

- Лиз звонила Джонни из Лондона. Я попыталась найти ее по номеру, который он узнал, но это оказалась гостиница, из которой мама уже выехала, - натянуто заговорила Пенни. - Я знаю, ты считаешь ее глупой женщиной, в лучшем случае, и мошенницей - в худшем, но я люблю ее и, естественно, волнуюсь за нее.

- Естественно, - бесцветным голосом повторил Ник. - Но, положив руку на сердце, признайся: у твоей матери огромный инстинкт самосохранения. Если она в Англии - значит, для этого есть веские причины.

- Не представляю, что ее может связывать с этой страной, за исключением того, что там она забеременела мной.

Ник этого не знал, но продолжал упорно смотреть в бумаги.

- Тебе бы хотелось, чтобы я убралась подальше, да? - выдавила Пенни, когда не смогла больше выносить затянувшегося молчания.

- Конечно! - Ник вскинул надменную темноволосую голову и издевательски посмотрел на нее. - Чего еще ты от меня ожидаешь после спектакля, который разыграла с Джонни? У Пенни

перехватило дыхание.

- Спектакля?

- У меня нет желания говорить на эту тему, - проскрежетал Ник.

- Ты ревнуешь, - прошептала она тоном человека, сделавшего удивительное открытие.

Ник швырнул папку на столик с такой силой, что та подпрыгнула. Затем вскочил на ноги. Гневные черные глаза смотрели на нее в упор.

- За кого ты меня принимаешь? За подростка? Просто я нахожу неприличным, когда моя жена фамиллярничает с другим мужчиной! Это не ревность.

Он с таким грозным видом возвышался над ней, что нужно было иметь мужество, чтобы не испугаться. Но Пенни теперь тоже разозлилась. Встав, она расправила узкие плечи.

- Что бы там ни было, но, когда ты недоволен мной, лучше высказать это прямо, а не таить под глыбами снега и льда. И кстати, если ты узрел что-то неприличное в моем поведении с Джонни, то это исключительно игра твоего воображения.

- Ты выставляла напоказ свою близость с ним! - заявил он.

- Если это не ревность, то объясни, как тебе удалось увидеть близость там, где ее никогда не существовало? - язвительно спросила Пенни.

Ник замер, темные глаза были прикованы к ее покрасневшемуся лицу.

- Никогда?

Повернувшись на пятках, Пенни произнесла его же фразу, прозвучавшую минуту назад: - У меня нет желания говорить на эту тему.

Сильная рука опустилась на ее плечо.

- Пенни...

Она отпрянула.

- Нет! Я действительно сердита на тебя. Почему ты не в силах признать, что испытываешь нормальные человеческие чувства? Вместо этого ты пытаешься доказать, что я делаю нечто предосудительное! Этого я не могу простить.

Ник подавленно молчал. Не обернувшись, Пенни ушла к Алану, спавшему счастливым сном.

9

Последний короткий отрезок пути они проделали на вертолете.

- Вон там, под нами, вилла! - стараясь перекричать шум моторов, показал ей Ник.

Пенни посмотрела вниз, на прекрасное, поросшее лесом ущелье, и увидела здание с терракотовой крышей и полосу золотого песка перед ним. Лента дороги сбегала по крутым, опасным уступам к пляжу, но ни одного дома не было видно поблизости. Одинокое убежище...

Как раз тогда, когда ей хотелось быть в толпе, чтобы удержаться от искушения вцепиться Нику в горло!

Пенни была горяча и импульсивна, легко впадала в гнев, но и быстро отходила. Однако на этот раз чувствовала, что злость на Ника пройдет не скоро. Она боготворила его, принимала безоговорочно то, что он превосходит ее во всех смыслах. Но этот Ник слишком часто нападал на нее за воображаемые провинности и ошибки...

Выйдя из вертолета с Аланом на руках, Пенни посмотрела на просторную виллу причудливой планировки. На фоне сочной экзотической зелени красновато-бурые выветрившиеся камни, из которых был сложен дом, отливали золотом в лучах заката. Даже самое капризнейшее создание вынуждено было бы признать, что очутилось в райском уголке, подобных которому нет на земле.

Ник провел ее внутрь. Полы из мраморной плитки, стильная, удобная мебель, глиняные лепные светильники и вазы, прелестные спальни и ванны. Детская кроватка с кружевным пологом уже ждала Алана.

- Как тебе удалось за столь короткое время найти такое место... Ты кого-нибудь вышвырнул отсюда? - услышала она свой голос, хотя собиралась хранить гордое молчание.

- Эта вилла уже некоторое время принадлежит нашей семье.

На лице Пенни появилось желчное выражение. Ей следовало бы знать. Собственная, великолепная, снабженная всеми мыслимыми удобствами. Она уложила в кроватку Алана, которого умыла и передела ко сну еще в самолете.

- Тебе не придется готовить, - прервал затянувшееся молчание Ник.

- О, я знаю. Тебе не хочется быть отравленным, правда?

Пропустив это замечание мимо ушей, Ник сообщил, что дважды в день будет приходиться служанка, которая и посидит с ребенком, если им придет в голову пообедать вне дома.

- Если ты дашь мне возможность, я принесу извинения, - ровным тоном добавил он.

- Забудь об этом. Ты только зря потратишь время. Меня просто тошнит от твоих бесконечных выговоров.

- Пенни... Мне бы очень хотелось, чтобы время, которое мы проведем здесь, было чем-то особенным, - произнес Ник. - Я признаю, что все испортил, но нельзя сказать, что и ты сдерживала раздражение.

- Нет, как это ни печально. - Пенни окинула его неприязненным взглядом. Ее бесило то, что он выглядит таким великолепным и говорит убедительно и ласково, словно с очень капризным ребенком. - Но ты ведь, не задумываясь, снова примешься за старое, едва дело дойдет до оценки моих действий, не так ли? Почему же я должна поступать иначе? И потом, я сдерживаюсь!

- Если хочешь что-нибудь сказать - говори.

- У тебя есть ручка?

Вскинув черные брови, Ник достал из внутреннего кармана золотую ручку. Пенни сходила в холл, где видела мельком блокнот у телефона, и, сев на диван, принялась писать.

- Что ты делаешь?

- Ты очень умно ведешь спор. Я хочу быть уверенной, что меня не собьют с толку. Я хочу высказать все!

- Думаю, мне лучше прогуляться по пляжу. И к тому времени, когда я вернусь...

- Я остыну? - Пенни издала раздраженный смешок. - Никакой надежды, Ник. Ладно, ты готов?

- Это так необходимо?

- Если хочешь, чтобы в следующие пять минут я еще оставалась твоей женой, то совершенно необходимо, - твердо заявила она. - Первое. Мне не нравится, когда со мной обращаются, как с ребенком. Я женщина и мать. Меня не нужно опекать.

- Хорошо, - проговорил Ник, и в его глазах мелькнуло веселье.

Пенни была решительно настроена согнать с его лица это снисходительное выражение.

- Второе. Той зимой, когда я полюбила тебя, ты, пусть и пассивно, поощрял меня. Думаю, моя любовь была для тебя чем-то вроде встряски.

Она достигла желаемого - от веселости во взгляде не осталось и следа.

- Послушай...

- Нет, позволь мне сначала высказаться. А потом я отправлюсь спать одна, а ты подумаешь над моими словами.

Ник в отчаянии махнул рукой и отошел к окну.

Пенни набрала побольше воздуха в легкие.

- Ты мог бы вышвырнуть меня вон, после того как я сказала, что люблю тебя. Если сначала ты терпел меня из жалости, это все же не извиняет того, что после признания ты позволял мне по-прежнему таскаться за тобой, словно собачке на привязи.

Ник резко обернулся. Его глаза сверкали.

- Я не хотел обижать тебя.

- Почему ты терпел меня? - с негодованием набросилась на него Пенни. - Тебя нельзя назвать ни снисходительным, ни терпеливым, а я вторгалась на твою территорию при любом возможном случае. На самом деле тебя должно было бы выворачивать наизнанку при одном моем виде!

Темная краска залила щеки Ника. Но он ничего не сказал. Пенни потрянула рыжей головой.

- Совсем недавно ты заявил, что полтора года назад я втянула тебя в ситуацию, которой ты вовсе не желал, что ты оказался совершенно беспомощным перед посягательствами какой-то девчонки. Ты, Ник Блейн, владелец крупной нефтяной компании, с репутацией холодного,

безжалостного хищника, который никому не позволяет что-либо навязывать себе...

- Я чувствовал себя виноватым перед тобой, - мрачно перебил ее Ник. - Ведь тебе пришлось провести детство с чужой женщиной и в школе-интернате. А я полагал, что у родителей хватит сострадания оставить тебя в нашем доме. Увы, это было глупым и наивным заблуждением.

- А что ты мог для меня сделать? Уж в чем, в чем, а в этом твоей вины нет.

- Мог бы попытаться помочь тебе и твоей матери. Я слишком сурово осудил Лиз после той единственной короткой встречи.

- Ник, тебе было только двадцать, и ты совсем не обязан был о нас заботиться. Твой отец - это другое дело, но он не хотел обременять себя.

- Я не принял никакого участия в твоей дальнейшей судьбе. - Ты был еще слишком молод для роли... Пенни была смущена и раздражена тем, какое направление принял их разговор. - По крайней мере, я мог бы навещать тебя.

- Если из-за меня ты чувствовал себя таким виноватым, то я рада, что ты оставался в стороне, - напряженным голосом проговорила Пенни, понимая, что Ник вынуждает ее посмотреть на былое поведение иначе, чем ей хотелось бы.

- Что там еще в твоём списке?

Джордан. Она собиралась спросить, почему Ник не сказал, что в его жизни есть женщина. Поскольку не было никаких свидетельств того, что их отношения продолжаются, Пенни быстро забыла слова Люси, решив, что все осталось в прошлом. Тем большим было потрясение, когда в ночь после свадьбы она обнаружила, что Джордан по-прежнему представляет несомненный интерес для Ника.

- Пенни... Ты сидишь там и сопишь, - сухо заметил Ник.

- Я собираюсь с силами перед новой атакой. - Она издала нервный смешок. - Я хотела спросить, почему ты пошел на такой экстраординарный шаг, как женитьба на мне, в то время как мог просто объяснить матери ситуацию... Но ты ответил и на этот вопрос. Чувство вины. Чувство вины объясняет все, что бы ты ни делал, верно? В прошлом, настоящем и будущем.

Ник, решивший, что гнев Пенни пошел на убыль, приободрился и шагнул к ней.

- Что ты пытаешься сказать?

Пенни встала.

- Что я не хочу навсегда остаться в твоих глазах тем бедным, обездоленным ребенком, которого, как ты думаешь, спас в Лос-Анджелесе. А похоже, к этому все идет. Неужели ты думаешь, что я останусь с тобой, услышав такое?

Она попыталась пройти мимо, но Ник рукой преградил ей путь.

- Ты неправильно меня поняла, - проговорил он.

- Нет, я просила тебя сказать правду и получила ее, - дрожащим голосом произнесла Пенни. - Если бы не секс, я вообще не представляла бы для тебя никакой ценности. Это единственное, что я могу тебе дать, не так ли?

Ник стиснул ее узкие плечи и развернул лицом к себе.

- Но это безумие! - крикнул он. - Как ты можешь такое говорить?

Пенни смотрела на верхнюю пуговицу его синей шелковой рубашки, и ей казалось, что она умирает.

- Ты действительно не ревновал меня к Джонни, - прошептала она. - Мое воображение снова подвело меня. Но позволь сказать тебе еще одну вещь, Ник Блейн, последнюю... Можешь забирать свою сверхчувствительную совесть, свой добродетельный вид и свою жестокую, бесчувственную душу и проваливать, потому что я не хочу иметь с тобой ничего общего!

Ник, казалось, остолбенел от ее заключительной фразы. И Пенни воспользовалась этим, чтобы вырваться и укрыться в одной из спален.

Катастрофа. Это слово стояло перед мысленным взором Ника, написанные огромными буквами. Он пытался думать, но не мог. Слово, монотонно звучащее в голове, вытеснило все остальное. Он вдруг вспомнил, какое самодовольство испытывал, почти бездумно парируя ее вопросы. Результат его потряс. Он обидел ее, по-настоящему обидел.

А еще собирался снова влюбить ее в себя! Горький смех вырвался из груди Ника. Правда заключалась в том, что он не знал, с чего начать. И в результате - полный провал. Перед глазами Ника стояло лицо Пенни - болезненное, подавленное. Она поставила на нем крест окончательно и бесповоротно. Впервые он почувствовал, что до смерти напуган. Ник устремился к бару, но тут же замер. Только слабаку необходим алкоголь, чтобы справиться с проблемой. Да и в прошлый раз бренди оказался плохим советчиком...

Муслиновые занавески развевались под легким ветерком, дувшим с Карибского моря. Лежа на кровати, Пенни смотрела, как солнце опускается за горизонт, окрашивая все в малиновые тона, и слушала тихий шорох прибора.

Она не плакала - она была совершенно опустошена. Это был конец. Вся отзывчивость Ника полтора года назад была продиктована только чувством вины и состраданием. Она сама вызвала этот обвал откровений, а теперь ее, как и Ника, душило чувство вины: страдал невинный ребенок.

Когда дверь спальни открылась, Пенни вздрогнула. В сумерках бледным пятном выделялось лицо Ника. Он подошел ближе, и Пенни заметила, как обострились его черты.

- Ты была права, - резко проговорил он. - Я ревновал к Джонни. Я так ревновал, что испытывал почти физическую боль. О Боже, мне хотелось избить его и вышвырнуть вон!

Ошеломленная внезапной исповедью, Пенни выдохнула:

- О...

- Но тогда я не осознавал, что ревную. Лишь думая об этом впоследствии, я понял: как бы ты ни обращалась с Джонни, мне это не понравилось бы.

Пенни осторожно кивнула, словно давая понять, что ждет продолжения.

Ник сделал неуверенный жест рукой и, вернувшись к двери, с грохотом захлопнул ее. Затем вскинул темную голову и, сжав кулаки, проговорил:

- Я ощущаю себя таким собственником по отношению к тебе. Я знаю, так нельзя, но, похоже, это способ, которым я...

Чувствовалось, что он очень стыдится своего признания. Пенни внезапно захотелось отчетливее видеть его лицо. Но когда она включила напольную лампу на тумбочке у кровати, то натолкнулась на затравленный взгляд темных глаз. Сердце ее сжалось от боли.

- Я испытал огромное облегчение, когда узнал, что вы с Джонни не были любовниками...

Это говорил человек, который предложил ей поэкспериментировать со своими сверстниками, и его чувственные губы кривила самоуничижительная усмешка.

- И вообще я пришел к выводу, что интерпретирую очевидные события так, как мне удобно, - признался Ник. - Думаю, я женился на тебе потому, что чувствовал: рано или поздно потеряю контроль над собой и затащу тебя в постель.

- Но, Ник, когда это случилось, ты не хотел меня. К тому моменту я была твоей женой уже шесть недель...

- И я не уставал повторять, что это ненастоящий брак. Да, я упрям, - с внезапным нетерпением пробормотал он. - Если бы я спал с тобой, это связало бы меня обязательствами, к которым я еще не был готов.

- Значит, ради своего спокойствия, ты сослал меня в дальний конец коридора, - с горечью сказала Пенни. - Спасибо, что объяснил.

- Это было и для твоей пользы. Кроме того, поймешь ли ты наконец, что это были за шесть недель? Я ждал смерти своего отца... а потом хоронил его, - ломким от волнения голосом проговорил Ник. - Знаю, ты считаешь меня холодным и бесчувственным. Но поверь, у меня на уме не только секс!

Лицо Пенни залил румянец стыда. Она опустила голову, спрашивая себя, как могла забыть о зловещем фоне тех шести недель. Впрочем, она не любила Эдгара Блейна. Он был чужим и далеким для нее.

- Я был глубоко подавлен, а ты так притягивала меня! Но я не хотел использовать тебя... в качестве утешения, - медленно произнес он.

Пенни подняла на него полные слез глаза.

- Поэтому тебя утешила Джордан Брэм...

Ник изумленно уставился на нее.

- Да, я знаю о Джордан, - подтвердила Пенни, видя, что это для него большая неожиданность.

Подойдя к кровати, Ник сел.

- Откуда ты узнала? - хриплым голосом спросил он.

- Я думала, вы расстались... до той ночи после нашей свадьбы, когда услышала, как ты говоришь с ней по телефону, - выдавила она.

Ник поднял руку и отвел с ее щеки растрепавшиеся волосы. В темных глазах светилось

сожаление, но и недоумение.

- И ты ничего мне не сказала? Ты, готовая без конца говорить обо всем, что видишь и чувствуешь, на сей раз промолчала?

- Ты провел с ней нашу первую брачную ночь.

- Не говори чепухи, - простонал Ник. - Разве можно быть такой глупой?

- Я слышала, как ты сказал ей, что выезжаешь...

- Чтобы вернуть ключи от ее дома. - По всей видимости, не удивленный недоверчивым выражением лица жены, Ник раздраженно вздохнул. - Это был единственный предлог, который я смог найти. Конечно, безумный... И Джордан тоже была в недоумении. Но той ночью мне просто необходимо было уехать, и я вцепился и первую же возможность, позволявшую мне двигаться и действовать.

- Вернуть ключи? - ошеломленно переспросила Пенни. - В нашу первую брачную ночь? Ты не вернулся той ночью домой... думаешь, я не знаю?

- Я заснул в машине на берегу реки. Я отдал Джордан ключи и тут же понял, насколько неправильно может быть истолкован мой визит, - почти с отвращением проговорил он. - Поэтому немедленно уехал.

Заснул в машине? В четверти мили от собственного дома с более чем тридцатью спальнями? Ник лично поехал отдавать Джордан ключи, которые мог бы просто отослать? Это была настолько невероятная история, что Пенни просто смотрела на него, широко раскрыв глаза. Темная краска залила его щеки.

- Я не мог положиться на себя той ночью. Я знал, что ты можешь прийти ко мне...

Пенни опустила голову. Он был прав. Так она и собиралась сделать, пока не подслушала разговор.

- А я не был уверен, что смогу этому воспротивиться. Я буквально сгорал от страсти той ночью... Возможно, меня не остановила бы даже майка с розовыми кроликами.

- Я купила потрясающую бледно-лиловую ночную рубашку.

- Просто не верится, что ты ничего не сказала, услышав тот разговор с Джордан...

Ник обхватил ладонями ее лицо, заставляя посмотреть себе в глаза.

- Разве я имела право что-то говорить тебе? - дрожащим голосом спросила Пенни. - Ты ведь сразу предупредил меня, что наш брак ненастоящий, и вел себя соответственно. Так мне казалось. Ты просто продолжал жить собственной жизнью, словно меня не было и в помине. И если бы я стала задавать тебе вопросы, чего бы я добилась?

- Возможно, правды, - хрипло ответил Ник.

- Но я не смогла бы запретить тебе спать с ней, - убито пробормотала Пенни, до сих пор не веря, что эпизода, который стоил ей стольких страданий скорее всего и не было. - Ты, например, мог бы просто сказать, что это не мое дело. А подобные слова прозвучали бы окончательным приговором и лишили бы меня надежды сделать наш брак настоящим.

К тому моменту, когда Пенни закончила говорить. Ник чувствовал себя на редкость скверно. Он стиснул зубы, ненавидя себя за то, что причинил ей столько горя. Как же она была потрясена, если не сказала ни слова! Словно ребенок, который не в силах терпеть неприятную действительность, она провела остаток их короткого брака, притворяясь по-прежнему жизнерадостной, веселой, а он ничего не заметил!

- И ты подумала, что я способен на это? Каким же подонком я был в твоих глазах? - с жаром спросил Ник. - Ведь я знал, как ты относишься ко мне. Даже если бы меня сжигала похоть к другой женщине, я не пал бы так низко!

- Значит, вместо этого ты спал в машине на берегу реки... как бродяга в брошенном «форде», - прошептала Пенни. - Как, скажи на милость, мне могло прийти в голову подобное объяснение?

- Но теперь я, по крайней мере, знаю, по чему ты оставила меня и даже не думала возвращаться, - неожиданно заключил Ник.

Устав от всех треволнений, через которые он заставил ее пройти, Пенни уронила голову ему на плечо, вдыхая до боли знакомый запах теплой кожи.

- Ты можешь спать здесь...

- Нет... если только ты не свяжешь меня и не изнасилуешь. Я не позволю снова обвинить меня в том, что я использую тебя для удовлетворения сексуальных нужд.

- А та ночь в Гринич виллидж? - слабым голосом напомнила ему Пенни. - Перестань притворяться мистером Благородство.

- Мне просто не хотелось уходить от тебя. И никакого другого предлога, кроме секса, я не смог найти. А все из-за того, что ты позволила мне верить, будто родила Алана от другого мужчины!

Его внезапное раздражение заставило Пенни напрячься. Но Ник столь же внезапно обнял ее и пристально посмотрел в глаза.

- Как бы там ни было, ты по-прежнему хочешь меня, мой ангел, - с нескрываемым удовлетворением произнес он.

Пенни обессилено прикинула к нему, но ненадолго. Требовательность его горячих чувственных губ пробудила ее. Жадное нетерпение одновременно охватило обоих. Пенни помогла ему стянуть через голову рубашку. И Ник со стоном склонился над ней, пытаясь движениями бедер избавиться от брюк, в то время как она сражалась с юбкой. Но молния застряла, и Ник мощным рывком разорвал юбку пополам.

- Я куплю тебе десять других, - лихорадочно пробормотал он, стягивая с нее майку, и тут же со стоном завладел дразнящим розовым соском.

Возбуждение Пенни было столь сильным, что она перестала владеть собой.

- Я так хочу тебя... Я так хочу тебя...

- Не очень-то романтическое начало для медового месяца.

Ник освободил ее от остатков одежды с быстротой, свойственной скорее отчаянию, нежели мастерству.

- Медового месяца?.. О, пожалуйста, - пробормотала Пенни сквозь стиснутые зубы. - Поговорим позднее.

- Если останусь жив, мой ангел, - пообещал Ник и с прерывистым стоном удовольствия вошел в нее.

Желание Пенни было ослепительным, оглушительным, всепоглощающим. Всем своим существом она сосредоточилась на его восхитительных движениях. Она словно бы внезапно попала на небеса и надеялась, что эти небеса бесконечны. Никогда еще она не чувствовала такого единения с Ником, такой необузданной радости.

Потом он прижимал ее к себе так крепко, что было просто удивительно, как она могла дышать. Трудно было представить, что двое взрослых людей могут занимать настолько мало места в огромной постели и что близость может быть настолько прекрасна, что исторгнет слезы из ее глаз. Пенни целовала его плечи, ласкала влажную спину.

Ник слегка приподнял голову, не разжимая объятий. От его улыбки сердцу Пенни стало тесно в груди.

- Я и правда испытываю вдохновение, доставляя тебе удовольствие. И я хочу делать это опять... и опять... и опять, - поддразнил ее он, подчеркивая каждое повторение все еще жадными поцелуями. - Так ты настаиваешь на том, чтобы поговорить?

Пенни смотрела на него затуманенным от страсти взором и испытывала такое невероятное счастье, что, не будь они вместе, наверное, затанцевала бы. Ник не провел ту ночь с Джордан! Джордан умопомрачительно красива, и все же он прервал их отношения. Значит, признает он это или нет, Ник связал себя обязательствами по отношению к своей девчонке-жене, с огромным удовлетворением заключила Пенни.

- У тебя удивительно хитрый вид, - пробормотал Ник.

Проявив редкостный для нее такт, Пенни лишь сказала:

- Просто я счастлива.

Открыв глаза, Пенни некоторое время лежала в полудреме, пока смутное воспоминание об обещании Ника взглянуть на Алана не пробудило ее окончательно.

О Господи, уже одиннадцать! Чувствуя себя виноватой. Пенни вскочила и, услышав звуки, доносившиеся из гостиной, устремилась туда. Алан сидел посреди диванных подушек на полу, Ник стоял перед ним на коленях.

- Папа - так ты должен меня называть, - объяснял он. - Папа, - отчетливо и медленно повторил Ник.

Алан старательно пытался что-то сказать.

- Ник, как же тебе удалось справиться? Темная голова повернулась к ней.

- Это был весьма поучительный опыт. У Алана оказался отменный аппетит! Я забыл распорядиться о том, чтобы сюда доставили высокий стульчик, поэтому кормить его было трудно, но мы справились. А еще я помыл его и одел, - заметил Ник, явно гордясь своими

достижениями.

Увидев, что на Алане надета одна маечка, Пенни подавила смешок.

- Как же ты его мыл?

- Мочалкой. Он превратил это в настоящую игру: «Папа, попробуй меня поймай», - поведал Ник, с улыбкой сожаления припоминая детали и поднимаясь, в то время как Пенни присела, чтобы обнять сына. - Он убедился, что я неуклюжий, но настойчивый! И теперь мне просто необходим душ.

Его черные волосы были припорошены чем-то очень похожим на детскую кашу. Побриться он тоже еще не успел. Ник остановился на пороге и обернулся к ней.

- Я тебя бесконечно уважаю, мой ангел, - серьезно заверил он Пенни. - Это по-настоящему тяжелая работа. Мне очень не хватало еще одной пары глаз и по крайней мере двух пар рук.

- Ты наверняка был просто великолепен, - тепло взглянув на мужа, сказала Пенни.

- Нет, на этот раз я оплошал, но в следующий будет лучше.

Большинство отцов были бы гораздо в худшем расположении духа после пятичасового сидения с ребенком и, несомненно, пожалели бы, что не взяли с собой няню.

Пенни одевалась, когда зазвонил телефон. Решив, что это может быть мать, она поспешила схватить трубку.

- Пенни, это ты? - спросила Лиз.

- Да, это я. Где же...

- Мне так жаль, что тебе пришлось вернуться к Нику. Это ужасно, но, дорогая, тебе ни к чему больше оставаться ни единого дня с этой женолюбивой крысой! Я еду к тебе на помощь... Хорошо?

- - Меня не нужно спасать, мам.

- Но...

- Я люблю Ника, мы снова вместе, и перестань говорить о нем, как о враге номер один только потому, что он сын Эдгара Блейна, - спокойно произнесла Пенни. - А та история с первой брачной ночью... Я ошиблась: он не был с Джордан.

- Это он только так говорит. Не верь ему. Я немедленно вылетаю на Ямайку!

Пенни застыла на месте, чувствуя, что меньше всего ее семейная жизнь сейчас нуждается в присутствии матери, но тут же ощутила укол стыда.

- Мама, у нас сейчас медовый месяц. Я, конечно, очень хочу увидеть тебя и услышать твою версию этой истории с займом у Люси, но...

- Пенни, я уже отправила Люси чек на всю сумму долга.

- Как же тебе удалось сделать это? - встревоженно спросила Пенни. - Ты заняла деньги у кого-

нибудь еще...

- Когда закончится ваш медовый месяц? - нетерпеливо прервала ее мать.

- Через две недели.

- Ну ладно, если ты согласна ждать две недели, прежде чем познакомиться с моим новым мужем, полагаю, я сумею пережить такой же срок до новой встречи с моим зятем.

- Мам, ты действительно сказала то, что я слышала?

- Ты, естественно, ожидаешь захватывающих подробностей, - с удовлетворением заметила Лиз. - Но могу только сказать, что я безумно счастлива. Значит, через две недели я познакомлю тебя с Чарли. Пока, дорогая!

Пенни обессилено опустилась на пол, где ползал Алан. Она все еще невидящим взглядом смотрела в пространство, когда из ванной вышел Ник в одном полотенце.

- Что случилось? - увидев бледное лицо жены, тут же спросил он.

- Звонила мама. Она уже не в бегах и вышла замуж за человека, которого знает не больше двух недель. - Пенни с тревогой взглянула на Ника. - Скорее всего, это опять закончится слезами.

Пенни упомянула и о том, что Лиз вернула Люси долг.

- У этого человека есть деньги... или он потратил все свои сбережения. В ближайшее время мы все равно не сможем ничего предпринять. - Ник заботливо притянул ее к себе. - Не будь пессимисткой! Почему непременно должно случиться несчастье?

Пенни сокрушенно вздохнула и прижалась лбом к его теплой обнаженной груди.

- Ник, ты так же хорошо, как и я, знаешь, что лишь один из тысячи мужчин способен снести выходки Лиз. И потом, она вышла замуж так быстро, что, видимо, влюбилась по уши, и ее убьет, если этот Чарли не оправдает надежд.

- Ангел мой... - Ник приподнял ее подбородок, темные глаза открыто и спокойно посмотрели на Пенни. - Что бы ни произошло, в беде мы Лиз не оставим. Это просто небольшое недоразумение, что она не выносит одного моего вида.

- В основном из-за нашей первой брачной ночи. Она все еще считает, что ты провел ее с Джордан, - неохотно призналась Пенни.

Ник искоса посмотрел на нее.

- И Люси тоже так думает. Только поэтому она согласилась не говорить тебе о рождении Алана, - виноватым полупшепотом добавила Пенни - Все, теперь у меня не осталось от тебя ни одной тайны. Это плохо?

Ник был похож на человека, разрываемого двумя желаниями - задушить жену быстро или сделать это медленно. Затем уголок его рта дрогнул, и он шутливо простонал:

- Ты делишься своими печалью со всеми?

- Разговоры облегчают душу.

- Но отныне ты станешь делать это избирательно - будешь делиться только со мной.
- Конечно-конечно, - поспешила заверить его Пенни, радуясь, что ее последнее откровение не вызвало нового взрыва эмоций.
- Что ты знаешь о своем настоящем отце? - небрежно спросил Ник как-то вечером, когда они выходили из ресторана в Монтего-Бей. Пенни удивленно взглянула на него.
- Немногое. Только то, что он разбил мамино сердце. Даже полтора года назад, когда я наконец решилась спросить о нем, она разрыдалась. Они познакомились в Лондоне. Ей было всего девятнадцать. Он просил ее выйти за него замуж, а потом выяснилось, что негодяй уже помолвлен, - поморщившись, сказала Пенни. - Мама улетела обратно в Штаты, даже не повидавшись с ним.
- Как его звали? - лениво протянул Ник.
- Я никогда не спрашивала. Это казалось не таким уж важным, особенно учитывая то, как расстраивают разговоры о нем маму. Он действительно сломал ей жизнь, - вздохнула Пенни. - Маму воспитывали бабушка и дедушка, которые оставили ей в наследство около полумиллиона долларов.
- Я не знал.

Ник помог ей сесть в машину, словно она сама была не в состоянии этого сделать. Но Пенни только улыбнулась; после первой их ночи на Ямайке муж обращался с ней, как с драгоценной старинной вазой.

- А как ты мог об этом узнать? Джек проиграл большую часть к тому моменту, когда мне исполнилось три года. Мама вышла за него только потому, что была беременна мной, а он, полагаю, соблазнился ее наследством.

- Начинаю понимать, почему Люси верит, что твоя мать нечто большее, нежели ходячее недоразумение.

Обрадованная этим новым проявлением терпимости, Пенни подарила мужу улыбку.

Неделю спустя, на рассвете, Пенни лежала в объятиях Ника. Она уже совсем проснулась. Через несколько часов они летят домой. Впрочем, мой дом - рядом с Ником, довольно подумала она. На Ямайке они стали намного ближе друг другу. Удивительный остров не уставал поражать и восхищать их, а время, проведенное на вилле, будет вспоминаться как нечто особенное.

Решив удивить мужа завтраком, Пенни осторожно выскользнула из объятий Ника. Его рука зашарила по постели, словно он почувствовал ее отсутствие даже во сне. Пусть подольше поспит. Он это заслужил, признала Пенни, восхищенно глядя на длинную загорелую спину, освещенную мягким светом, сочившимся сквозь занавески. Он великолепный любовник, дивный отец и сложен как бог. А этой ночью нес чудесные ереси... рассуждал о том, как бы сократить рабочий день и перестроить работу так, чтобы поменьше ездить.

Я люблю, люблю, люблю его, мысленно повторяла Пенни. Дождаясь, пока закипит чайник, она взяла журнал, который, должно быть, забыла служанка. На обложке она заметила пометку, сделанную характерным почерком Ника. Имя и дата. Имя, которое до сих пор способно было

выкачать из ее легких весь кислород и заставить побледнеть.

Должно быть, это был старый журнал. Но горечь, которую испытала Пенни, не стала меньше. Значит, Джордан Брэм тоже делила здесь постель с Ником. Это могло испортить все ее воспоминания об острове. Пенни перевернула обложку, чтобы взглянуть на дату, и поняла, что отравленные воспоминания не самое страшное. Журнал вышел всего два месяца назад.

Пенни обхватила себя руками за плечи, внезапно почувствовав озноб. Разве можно теперь доверять Нику хоть в чем-то, касающемся Джордан Брэм? Он уверял ее, что расстался с Джордан давно. И все же лишь два месяца назад она была его любовницей!

10

Ник сам приготовил себе завтрак. Ему никогда не приходилось делать этого раньше, поэтому результат получился плачевный. Когда он попытался поцеловать Пенни утром, его оттолкнули и наградили убийственным взглядом. Ко времени, когда они оказались в самолете, атмосфера накалилась до предела.

Через десять минут после взлета Ник встал со своего кресла.

- Посмотри на меня, Пенни.

- Я не хочу на тебя смотреть, - сурово сказала она и закрыла лицо журналом.

Ник вырвал журнал из ее рук и швырнул на пол.

- Встань, - приказал он. - Нам нужно поговорить.

- Нет, я...

- Хорошо. - Без всякого предупреждения Ник подхватил ее на руки и понес по самолету. - Не можем же мы драться на глазах у Алана.

- Отпусти меня сию же секунду, - прошипела Пенни.

Ник усадил ее в одно из кресел в хвосте салона, а сам устроился через проход.

- Дома нас ждет большая вечеринка.

Это неожиданное заявление заставило Пенни растеряться.

- О чем ты говоришь?

- Будучи очень романтичным, - усмехнулся Ник, - я решил, сделать тебе сюрприз - свадебный прием, которого у нас еще не было. Три сотни гостей сгорают от нетерпения поздравить нас, среди них твоя мать и ее очень богатый муж Чарлз Уэдерби. Кстати, будь готова: Чарли очень маленького роста, и у него твои глаза и волосы. Да, самое главное - свадебное платье ждет тебя в спальном отсеке.

- Что? - воскликнула Пенни, уже и без того ошеломленная предстоящим приемом и тем очевидным фактом, что Ник знает намного больше о муже Лиз, чем она.

- У тебя никогда не было свадьбы, о которой ты мечтала. Поскольку это моя вина, я договорился о церковном благословении, и на этот раз тебе придется надеть подвенечное

платье.

- Я не могу... Я просто не могу!

Ник приблизил к ней лицо. Сверкающие гневом глаза неотрывно смотрели на нее.

- О, ты сможешь! - прорычал он. - Ты не опозоришь меня перед тремя сотнями человек. Так что ступай переодевайся и присоединяйся к взрослым. Плохое настроение не извиняет твоего сегодняшнего поведения!

- А, Джордан?

Ник уставился на нее, между бровями появилась глубокая морщинка.

- Не вижу никакой связи.

- Я покажу тебе... подожди минутку.

Пенни поспешила к своему креслу и, подняв сумку, выудила обложку найденного утром журнала. Ее руки тряслись. Ей уже совсем не хотелось ссориться с Ником. Он готовил ей сюрприз! У них будет венчание, она наденет подвенечное платье, и он наконец представит ее куче своих родственников и друзей, как жену! И если бы не обложка, которую сжимала в руках, Пенни была бы сейчас безумно счастлива.

Ник сидел на том же месте, с тем же ледяным выражением на лице и смотрел, как она приближается. Давно уже она не видела этой холодной отчужденной мины. У Пенни мурашки побежали по спине. Он виноват, он должен быть виноват! Ник просто хочет посмотреть, как много она знает. Пенни молча протянула ему обложку.

- Телесценарии, - презрительно фыркнул он. - Я не читаю подобного вздора.

- Ты кое-что написал на обложке.

Ник взглянул на запись.

- И что же?

Это, несомненно, агрессивное требование дальнейших объяснений было совсем не той реакцией, на которую рассчитывала Пенни.

- Ну... это очевидно, не так ли? - нервно спросила она.

- На основании имени и даты, которые я нацарапал в последний уик-энд, проведенный на вилле, ты решила, что я...

Необходимость докончить фразу делала ситуацию еще более унижительной. Негодование и боль, которые терзали Пенни с утра, выплеснулись наружу.

- Что ты все еще спишь с ней! Что ты ни когда не избавишься от нее! Что все то время, пока мы женаты, она оставалась твоей любовницей! - выкрикивала Пенни.

- Закончила? - Темные глаза, холодные и опасные, как первый тонкий лед, остановились на ней. - Мои отношения с Джордан умерли естественной смертью за несколько недель до того, как я женился на тебе. В прошлом году она вышла замуж.

- Замуж?

Пенни была потрясена.

- Во время медового месяца ее муж, Рекс, получил серьезную травму в автомобильной аварии. Его только недавно выписали из больницы. Когда наш общий друг рассказал мне об этом и о том, что Рексу требуется длительный восстановительный отдых, я предложил им пожить на вилле.

Ошеломленная услышанным Пенни быстро заморгала.

- Но...

- Я не встречался с Джордан с тех пор, как она переехала в Вашингтон в прошлом году. Она пригласила меня на свадьбу, но я был занят и не смог приехать.

Ник с ледяным спокойствием смотрел на Пенни, которая чувствовала себя ужасно. - Ник, я...

- В течение двух лет мы с Джордан были любовниками. Это устраивало обоих. Никто из нас не хотел ничем себя связывать, и мы расстались так же легко, - сообщил ей Ник. - Я не могу понять, почему она до сих пор не дает тебе покоя?

Лицо Пенни пылало.

- Я очень сожалею, - прошептала она.

- А я очень зол на тебя, - сообщил Ник с вновь обретенной прямоотой, которая в этот момент была совсем некстати. - Две недели я устраивал все это за твоей спиной... Венчание... платье... прием... - Он горько рассмеялся. - А ты все сегодняшнее утро вынашивала планы, как бы опять сбежать от меня! Послушай, может, ты просто ищешь предлога расстаться со мной?

Побледнев как смерть, Пенни опять подняла взгляд на Ника, от страха у нее засосало под ложечкой.

- Это совсем не так. Я просто боялась, что ты все еще увлечен Джордан. Но это, наверное, потому, что я по-прежнему не чувствую себя в безопасности с тобой... Прости меня, Ник.

Он стиснул ее узкие плечи руками.

- Ты больше не оставишь меня. Даже если придется для этого приковать тебя цепями к стене. Больше ты от меня не уйдешь! - с силой проговорил он.

Джилиан встречала их в аэропорту. Слово громом пораженная она молча смотрела на Пенни в сказочном подвенечном платье и Алана в костюмчике пажа.

- Платье действительно удивительное, - сказала Пенни Нику в лимузине, который вез их в церковь. - Где ты его нашел?

- Просто описал тебя дизайнеру и подчеркнул, что платье должно быть белоснежным. Прочитай это... - Достав из кармана газетную вырезку, Ник вложил ее в руку Пенни. - Вот откуда идет информация о муже твоей матери.

Все еще чувствуя некоторую отчужденность Ника, но понимая, что это заслужила, Пенни

взглянула на нечеткую фотографию Лиз и мужчины рядом с ней. Чарлза Уэдерби, которому было пятьдесят три года, описывали как известного предпринимателя и занятого холостяка. О ее матери было сказано только, что она – его «старая привязанность». Ник крепко сжал ее руку. Его напряжение было физически ощутимым.

- Подозреваю, что Чарлз Уэдерби – твой отец. В прошлом году я встречался с ним на какой-то деловой конференции и отметил, что его глаза, как и твои, очень интенсивного и редкого цвета, но я даже и представить не мог ничего подобного. А теперь думаю...

- Ник, в чем дело?

- Ни в чем! – почти враждебно заявил он.

- Даже если он мой отец, в чем я сильно сомневаюсь, – ласково сказала Пенни, – это ничего не изменит. Единственное, что меня заботит, это благополучие мамы. И ничто не испортит мне этот чудесный день, поскольку ты все еще рядом со мной, – твердо проговорила она, успокаивающе поглаживая его напряженные пальцы. – Ты – единственный и неповторимый для меня. Теперь я знаю, что хочу остаться с тобой навсегда.

Ник сидел не шевелясь, а затем с шумом выдохнул. Обхватив руками тонкую талию, он притянул Пенни к себе и поцеловал с отчаянной страстью. Пенни поняла: он доволен.

Поразительно серьезный, спокойный и красивый в смокинге, Ник взял ее под руку и ввел в маленькую церквушку. Сосредоточенная на обряде, она не замечала гостей, заполнивших тесное помещение. Но как только все закончилось, перед ней возникла мать. Моложавое симпатичное лицо под копной белокурых волос горело от возбуждения.

- Пенни! Здесь кое-кто очень хочет с тобой познакомиться!

Время было совсем неподходящее. И совсем неподходящее место. Но ведь это Лиз, напомнила себе Пенни и почувствовала, как рука Ника стиснула ее тонкое предплечье. Интересно, почему до сих пор так напряжен мой муж? – мелькнула мысль.

Глаза Пенни оказались на уровне глаз пожилого человека, подошедшего и вставшего рядом с ее матерью. Для нее было потрясением встретить взгляд этих глаз, так похожих на ее собственные. Чарлз Уэдерби тряхнул седеющей рыжей шевелюрой и с благодарностью сжал инстинктивно протянутую руку Пенни.

- Думаю, ты уже знаешь, кто я... – неуверенно начал он.

Пять минут спустя Пенни, у которой кружилась голова от стремительно обрушившихся на нее событий, оказалась в незнакомом длинном автомобиле с Лиз и Чарлзом и, разумеется, Аланом, надежно пристегнутым в детском сиденье. В этой группе странным образом не хватало Ника. Пенни нахмурилась.

- Где Ник?

- Мы можем поехать прямо в аэропорт и оказаться в Европе раньше, чем кто-либо успеет спохватиться, – с удивительным спокойствием сообщил ей отец. – Лиз считает, что твой муж силой принудил тебя вернуться к нему, пригрозив учредить опеку над сыном.

- Вы пытаетесь меня похитить? – с ужасом и недоверием воскликнула Пенни, уже забывшая о том, что Ник действительно грозил ей чем-то подобным. – Мама, как ты могла так поступить со

мной? Мне нужен Ник... мне нужен мой муж!

- Теперь ты удовлетворена, любимая? - с усмешкой спросил Чарлз у встревоженной жены. - Видишь, Пенни любит Ника. Я еще в церкви говорил, что это сразу видно.

- Но я хочу забрать ее и Алана с нами, - плаксиво протянула Лиз.

- Я тоже был бы не прочь увезти свою дочь, чтобы лучше познакомиться с ней, - грустно пробормотал Чарлз, глядя на нахмуренное лицо Пенни. - Но она уже взрослая, у нее своя жизнь, и будет намного проще, если мы станем регулярно встречаться.

Пенни наклонилась и поцеловала его в щеку.

- Думаю, я буду счастлива иметь такого отца. - Она придвинулась к разочарованной матери и обняла ее за плечи. - А теперь я хочу все узнать о вас. И не смей пропускать ни одной детали! - предупредила Пенни.

Как выяснилось, двадцать один год назад Лиз сообщила о помолвке не невеста Чарлза, как назвала себя явившаяся к ней женщина, а ревнивая бывшая подружка.

- Я изо всех сил пытался разыскать Лиз, - поведал Чарлз, держа руку ее матери в своей. - Но потерпел неудачу, потому что месяца два спустя после бегства она вышла замуж за Джека Уоррена и уехала с ним за границу.

- Я всегда знала, где Чарлз, но полагала, что он женат. А потом, как раз в тот день, когда накрылась затея с журналом, прочитала в колонке сплетен, что он одинок, - Лиз покраснела и опустила ресницы. - Но я полетела к нему только из-за долга. Я была ужасно расстроена тем, что вовлекла Люси в эту авантюру!

Пенни немедленно поняла, что полет в Англию был предпринят исключительно ради встречи с Чарлзом, и улыбнулась. Тот смотрел на жену с нескрываемой гордостью и удовольствием.

- Когда твоя мать вошла в мой кабинет, я потерял дар речи. Лиз была и остается единственной моей любовью. Я хочу, чтобы ты знала это, Пенни.

Когда Пенни вышла из машины у дома Блейнов, Ник стоял перед парадной дверью, явно не слыша поздравлений прибывающих гостей. Впервые забыв об Алане, Пенни устремилась к нему. Увидев жену, он шагнул вперед и тут же сжал ее в объятиях.

- Да где же ты пропадала?! - задыхаясь спросил Ник. - И не смей говорить, что ты вернулась только для того, чтобы упаковать вещи!

- Нет, я останусь здесь до тех пор, пока в фамильном склепе не истлеет мой скелет.

- Не смешно! - прорычал Ник.

- Я немного познакомилась с моим отцом. Он славный, но крутой... вполне под стать маме. Знает ее вдоль и поперек, боготворит ее, не может поверить собственному счастью, - едва дыша сообщила Пенни. Ник завладел рукой жены.

- Ты даже представить не можешь, что я передумал за это время, - пробормотал он. - Когда вы с Аланом вдруг укатили в этой проклятой машине, я подумал, что никогда больше вас не увижу. Я знаю, как относится ко мне твоя мать...

- Ник... - перебил его неуверенный женский голос.

Ник резко обернулся, затем опустил взгляд, чтобы увидеть свою тещу.

- Если Пенни говорит, что ты не путался с Джордан, для меня этого достаточно.

- Мы же условились, что ты не будешь говорить об этом, - простонал у нее за спиной Чарлз.

- Но должен же Ник знать, что я больше не считаю его подонком! - возразила Лиз.

- Спасибо, спасибо, Лиз, - поспешно пробормотал Ник.

Чарлз протянул ему руку.

- Я уверен, что вы будете ценить мою дочь.

- Еще больше с тех пор, как вы привезли ее домой, - ровным тоном добавил Ник.

Пока разносили коктейли, Ник представлял жену бесчисленным гостям. Пенни заметила в толпе Люси, но смогла только обменяться с ней короткими объятиями и обещанием поговорить позже. Их ждал великолепный шведский стол, ничуть не формальный и не чопорный. Ник не отходил от нее ни на шаг, и Лиз пришлось предпринять массу усилий, чтобы перемолвиться с дочерью парой слов наедине.

- Я хочу извиниться за то, что подбила Чарлза на это похищение, - проговорила она. - Когда по возвращении я увидела обезумевшего от тревоги Ника, мне стало по-настоящему стыдно. Вот уж никогда не думала, что он способен так любить!

Пенни слишком хорошо знала склонность матери к преувеличениям, чтобы всерьез отнестись к ее наблюдениям. Ей помахала Люси, и она, оставив мать, уселась рядом с пожилой женщиной.

- Я счастлива, что все так славно кончилось, - тепло проговорила Люси.

- Кстати, та история с Джордан... На самом деле ничего не было, - горячо прошептала Пенни. - Я несправедливо осудила Ника.

- Я всегда с трудом верила в это, - ласково проговорила старушка. - Ты даже представить не можешь, в каком ужасном состоянии он был после твоего ухода! Пенни наострила уши.

- И то, что я даже не могла сказать ему, где ты, казалось очень жестоким! Но я обещала, а ты была так обижена... Как бы то ни было, но Ник тоже очень страдал.

- В самом деле? Конечно, я поступила по-детски, оборвав с ним все связи...

- Пенни, - перебил ее Ник, оказавшийся вдруг рядом с ними, - мы должны открыть танцы.

- Ты умеешь вальсировать? - улыbnулась Пенни.

- Нет.

- Тебе хочется продемонстрировать это трем сотням гостей?

Ник обнял ладонями ее лицо и нежно поцеловал в удивленно приоткрытые губы.

- Мне хочется одного - чтобы все разошлись и мы остались наедине.

Уже поздним вечером Пенни и Ник поднялись наверх. Она приникла к нему и счастливо прошептала: - Я все еще так тебя люблю...

Ник, казалось, намертво прирос к полу перед дверью их спальни.

- Ты сказала «все еще». Означает ли это, что ты никогда не переставала любить меня?

- Разве я не говорила, что буду любить тебя вечно?

- Но потом ты сбежала, - напомнил Ник. - Жила вдали от меня. Мне пришлось угрозами принудить тебя вернуться, и ты не спешила возобновить наш брак. Я не виню тебя за это, но...

- О Ник, я многим провинилась перед тобой, - сказала Пенни, открывая дверь спальни, поскольку считала коридор не самым подходящим местом для столь личного разговора. - Но я хотела сделать как лучше - и для тебя, и для себя...

Черные глаза взирали на нее с огромным напряжением.

- Пока ты была рядом, я принимал твою любовь как нечто само собой разумеющееся. Конечно, мне это нравилось... А когда ты ушла, я не мог понять, почему так чертовски несчастен! Я думал, что просто беспокоюсь за тебя.

- Теперь я здесь и по-прежнему очень, очень тебя люблю, - успокаивающим тоном произнесла Пенни.

- А потом этот кошмар сегодня вечером... Именно благодаря ему я наконец-то понял, что люблю тебя, - отрывисто проговорил Ник.

Пенни немного смутилась.

- Кошмар?

Ник пожал плечами, изучая носки своих ботинок.

- Мне вдруг померещилось, что Лиз и Чарли увезли тебя. Поверь мне, если бы твой отец захотел, чтобы ты исчезла, его могущества хватило бы на то, чтобы без труда устроить это.

- О, Ник, - жалобно вздохнула Пенни, решив никогда, никогда не рассказывать ему о сцене, произошедшей в машине Чарлза, иначе муж навсегда возненавидел бы ее мать.

- Я вдруг представил, что могу потерять вас обоих - всю мою семью, - прошептал он, поднимая голову и глядя на нее так, что у Пенни сжалось сердце. - А я даже не сказал тебе, что чувствую.

- Ты уверен, что это была не обычная паника?

Ник через силу рассмеялся. Сбросив смокинг, он медленно обнял ее.

- Я уже давно полюбил тебя. - Ник поднял ее на руки и отнес на кровать. - Сначала я потерял интерес к Джордан. Потом ты мне понравилась, я был очарован тобой. Но все еще ничего не понимал. Когда ты оставила меня, из моей жизни словно ушел свет, а я стал винить тебя за то, что ты сделала мне так плохо.

- Типично для мужчины, - ласково сказала Пенни, целуя его в уголок рта и наслаждаясь этим сравнением со светом.

- Все, что было связано с тобой, опустошало.

- Синдром вражеского танка?

- Ты и представить не можешь, какую горечь я испытывал, думая, что Алан - чужой ребенок, что я потерял твою любовь. Но и тогда я не понимал, почему хочу, чтобы ты меня любила.

- Я говорила тебе, что любовь - это беспорядок.

- Тогда я уцепился за Алана как за предлог, чтобы вернуть тебя. Потом решил снова влюбиться в себя.

Пенни сняла с него галстук и начала расстегивать рубашку.

- Так вот почему я удостоилась медового месяца, - лукаво улыбаясь, заключила она.

- И медового месяца тоже. Но все это было невероятным самообманом, - признался Ник и, приподняв ее голову, страстно поцеловал.

Окружающее перестало существовать для них, как бывало всегда, когда они оказывались близко друг к другу. Поэтому разговор они возобновили еще очень нескоро.

- Я думал, ты забыла обо мне и влюбилась в Джонни, - с содроганием проговорил Ник. - Я чувствовал угрозу, поэтому и сам угрожал обратиться в суд по поводу опеки.

- Мы просто близкие друзья, Ник.

Сверкающие черные глаза неотрывно смотрели на нее.

- Теперь, когда ты по-настоящему моя жена, тебе запрещается иметь друзей-мужчин. За все время нашей разлуки у меня не было ни одной женщины!

- Серьезно? - Довольная улыбка изогнула ее губы, а затем Пенни рассмеялась. - Неудивительно, что ты захотел провести еще одну ночь со мной. О, Ник, у меня тоже никого не было!

- Но ведь ты думала об этом Джонни...

Пенни с любовью посмотрела на мужа.

- Я искренне считала, что не нужна тебе и ты обо мне даже не вспоминаешь.

- Я обожаю тебя и никогда не позволю уйти! - поклялся Ник со всей убедительностью, о которой только может мечтать влюбленная женщина. - Мне потребовалось слишком много времени, чтобы понять это. Но теперь я точно знаю, чего хочу в этой жизни, и это - ты.

Пенни издала счастливый вздох.

- Я только жалею, что пропустил твою беременность, - грустно признался Ник.

- Ничего интересного. Я была как воздушный шарик.

- Ты не можешь выглядеть, как шарик!

- Вот подожди немного - и увидишь...

Год спустя случились два знаменательных события. У Пенни родилась дочь, и в свет вышла ее вторая книга - о сложностях и радостях материнства. Оставаясь самой собой, она по-прежнему ничего не планировала, но была невероятно довольна, когда узнала о своей беременности. Ник провел все это время в тревогах и водил ее на консультации к различным специалистам. А Пенни, делавшая это только ради спокойствия мужа, поскольку беременность проходила на удивление легко, каждую свободную минутку уединялась в кабинете на первом этаже. Слова так и рвались из ее души...

Алан, превратившийся теперь в резвого здоровячка, удивительно похожего на отца, пытался протиснуть личико сквозь прутья детской кроватки, где лежала Робин. Пенни и Ник не отрывали глаз от нового члена семьи.

- На этот раз наши гены смешались, - удовлетворенно вздохнула Пенни. У девочки были темные волосы Ника и удивительной синевы глаза. - Это, наверное, знак свыше. Ник рассмеялся и привлек жену к себе.

- Я не нуждаюсь ни в каких знаках, чтобы понять, что очень, очень счастлив с тобой.